

**ГРАЖДАНИН
ВЫБОРЫ
ВЛАСТЬ**

**CITIZEN
ELECTIONS
AUTHORITY**

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
SCIENTIFIC AND ANALYTICAL JOURNAL

**№ 3(21)
2021**

ИЮЛЬ–СЕНТЯБРЬ
JULY–SEPTEMBER

МОСКВА
MOSCOW

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ПАМФИЛОВА Элла Александровна,
Председатель Центральной избирательной
комиссии Российской Федерации
(председатель)

ВАСИЛЕВИЧ Григорий Алексеевич,
заведующий кафедрой конституционного права
Белорусского государственного университета,
член-корреспондент Национальной академии
Беларуси, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Беларусь
(Беларусь)

ГАБОВ Андрей Владимирович, заместитель
директора Института законодательства
и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации, член-
корреспондент Российской академии наук,
доктор юридических наук, заслуженный юрист
Российской Федерации

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич, директор
Института Европы РАН, член-корреспондент
Российской академии наук, доктор
политических наук, профессор РАН

ЕНИКЕЕВ Шамиль Мидхатович, доктор
политологии Оксфордского университета,
управляющий директор Оксфордского
международного центра (Великобритания)

ПРОРОК Владимир, проректор Института
международных и общественных отношений,
доктор философии (Чехия)

Главный редактор Гасанов И. Б.

Журнал выходит 4 раза в год

Свидетельство: ПИ № ФС77-66246

ISSN 2587-6449

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России» 85482

Учредитель: Центральная избирательная комиссия
Российской Федерации

Издатель: Российский центр обучения избирательным
технологиям при Центральной избирательной комиссии
Российской Федерации

Адрес редакции:
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 47
Тел.: (495) 606-84-16
e-mail: gvv@rcoit.ru
<http://www.rcoit.ru/lib/gvv/>

© Центральная избирательная комиссия
Российской Федерации, 2021

EDITORIAL BOARD

PAMFILOVA Ella Aleksandrovna,
Chairman of the Central Election Commission
of the Russian Federation
(Chairman)

VASILEVICH Grigorii Alekseevich,
Head of Department of the Constitutional Law,
Belarusian State University, Associate Member
of the National Academy of Belarus,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer
of Belarus Republic
(Republic of Belarus)

GABOV Andrei Vladimirovich, Deputy Director
of the Institute of Legislation and Comparative
Law under the Government of the Russian
Federation, Associate Member of RAS,
Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian
Federation

GROMYKO Aleksei Anatol'evich, Director
of the Institute of Europe of RAS, Associate
Member of RAS, Doctor of Political Sciences,
Professor of RAS

ENIKEEV Shamil' Midkhatovich, PhD (Pol.Sci.)
of the Oxford University, Managing Director
of the Oxford International Centre
(United Kingdom)

PROROK Vladimir, Vice-Rector of the College
of International and Public Relations
(Czech Republic)

Editor-In-Chief I. B. Gasanov

Published 4 times per year

Certificate: ПИ No. ФС77-66246

ISSN 2587-6449

Subscription index
in the catalogue «Russian Press» 85482

Founder: Central Election Commission
of the Russian Federation

Publisher: Russian Centre for Training in Election
Technologies under Central Election Commission
of the Russian Federation

Editorial Office:
Myasnitskaya ulitsa, 47, 101000, Moscow
Tel.: (495) 606-84-16
e-mail: gvv@rcoit.ru
<http://www.rcoit.ru/lib/gvv/>

© Central Election Commission
of the Russian Federation, 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ЭБЗЕЕВ Борис Сафарович, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (председатель)

ВЕДЕНЕЕВ Юрий Алексеевич, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор (заместитель председателя)

БАКУШЕВ Валерий Владимирович, заведующий кафедрой парламентаризма и межпарламентского сотрудничества отделения «Высшая школа правоведения» факультета государственного и муниципального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор

БОРИСОВ Игорь Борисович, Председатель Совета Российского общественного института избирательного права, член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, кандидат юридических наук

БРОДОВСКАЯ Елена Викторовна, заведующий кафедрой социально-политических исследований и технологий Московского педагогического государственного университета (МПГУ), профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор политических наук, доцент

ВОЛКОВА Анна Владимировна, доцент кафедры политического управления Санкт-Петербургского государственного университета, Председатель научной комиссии в области политических наук Санкт-Петербургского государственного университета, доктор политических наук, доцент

ВОЛОДЕНКОВ Сергей Владимирович, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор политических наук, доцент

ВЫДРИН Игорь Вячеславович, заведующий кафедрой конституционного и международного права Уральского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

ГАСАНОВ Исмаил Байрамович, главный редактор журнала «Гражданин. Выборы. Власть», кандидат политических наук

EDITORIAL BOARD

EBZEEV Boris Safarovich, member of the Central Election Commission of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of science of the Russian Federation (Chairman)

VEDENEV Yuri Alekseevich, Professor of the Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Deputy Chairman)

BAKUSHEV Valery Vladimirovich, Head of Department of Parliamentarism and Inter-Parliamentary Collaboration, Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Doctor of Political Sciences, Professor

BORISOV Igor Borisovich, Chairman of Council of the Russian Public Institute of Electoral Law, member of the Presidential Council for Development of Civil Society and Human Rights, Candidate of Law

BRODOVSKAYA Elena Viktorovna, Head of the Department of Social and Political Studies and Technologies, Moscow Pedagogical State University (MPSU), Professor of the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VOLKOVA Anna Vladimirovna, Associate Professor of the Department of Political Governance, Chairman of Scientific Commission in the Field of Political Sciences, Saint Petersburg State University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VOLODENKOV Sergey Vladimirovich, Professor of the Department of State Policy of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VYDRIN Igor Vyacheslavovich, Head of the Department of Constitutional and International Law, Ural Institute of Administration — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Doctor of Law, Professor

GASANOV Ismail Bairamovich, Editor-In-Chief of the Journal «Citizen. Elections. Authority», Candidate of Political Sciences

КАБЫШЕВ Сергей Владимирович, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

КОМАРОВА Валентина Викторовна, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

МАКАРЦЕВ Андрей Алексеевич, декан факультета государственного сектора Новосибирского государственного университета экономики и управления, кандидат юридических наук, доцент

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович, профессор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

ПЕТРИЦЕВ Вячеслав Николаевич, ректор Международного независимого эколого-политологического университета, кандидат политических наук

ПОСТНИКОВ Александр Евгеньевич, заведующий отделом конституционного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

СЛАТИНОВ Владимир Борисович, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Курского государственного университета, доктор политических наук, доцент

СМИРНОВ Вильям Викторович, заведующий сектором теории права и государства Института государства и права РАН, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, доцент

УСМАНОВ Рафик Хамматович, заведующий кафедрой политологии и международных отношений, директор департамента социально-политических и экономических исследований Евразии и Востока Астраханского государственного университета, доктор политических наук, профессор

ЧЕРНЫШОВ Алексей Геннадьевич, профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор политических наук, профессор

KABYSHEV Sergey Vladimirovich, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor

KOMAROVA Valentina Viktorovna, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

MAKARTSEV Andrey Alekseevich, Dean of the State Sector Faculty, Novosibirsk State University of Economics and Management, Candidate of Law, Associate Professor

OSAVELYUK Aleksei Mikhailovich, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

PETRISHCHEV Vyacheslav Nikolayevich, Rector of the International Independent Ecological and Political University (MNEPU), Candidate of Political Sciences

POSTNIKOV Aleksandr Evgen'evich, Head of the Department of Constitutional Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

SLATINOV Vladimir Borisovich, Head of the Department of State and Municipal Administration, Kursk State University, Doctor of Law, Associate Professor

SMIRNOV William Viktorovich, Head of the Sector of Theory of Law and State, Institute of State and Law of RAS, Candidate of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Associate Professor

USMANOV Rafik Khammatovich, Head of the Department of Political Science and International Relations, Director of the Department of Socio-Political and Economic Studies of Eurasia and East, Astrakhan State University, Doctor of Political Sciences, Professor

THERHYSHOV Aleksei Gennadievich, Professor of the Department «State and Municipal Law», Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences, Professor

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (ВАК России) журнал «Гражданин. Выборы. Власть» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки, по которым присуждаются ученые степени:

12.00.01 — Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (юридические науки),

12.00.02 — Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право (юридические науки),

23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии (политические науки).

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Статьи, публикуемые в журнале «Гражданин. Выборы. Власть», индексируются в Научной электронной библиотеке ELIBRARY.RU.

Национальная библиографическая база данных научного цитирования, аккумулирующая более 9 миллионов публикаций российских авторов, а также информацию о цитировании этих публикаций из более 6000 российских журналов. Штаб-квартира – Российская Федерация

Теория права**11 Ю.А. Веденеев**

Юриспруденция: биография юридического концепта

Конституционное право**42 Б.М. Джанкезов**

Процессуальная форма российского конституционного права: структурно-функциональный анализ

52 С.Н. Хорунжий

Дискреционные полномочия федерального законодателя в сфере электоральных отношений: конституционно-правовой аспект

Избирательный процесс**66 М.С. Саламатова**

Сроки проведения выборов в советский период развития избирательного процесса (1918–1936)

76 Э.С. Юсубов, Г.В. Туманян

Общественное участие (партисипация) в ходе реализации избирательных процессов. Институты общественного контроля

Избирательные технологии**89 П.В. Данилин, В.Н. Данилов**

Многодневное голосование: международная практика и российский опыт

Актуальная трибуна**107 И.Б. Борисов**

Вмешательство в национальные выборы как сопутствующий фактор демократических процессов в глобальном мире

125 А.Н. Аринин

Строительство гармоничного общества в России и мире

Конкурс «Атмосфера»**153 В.С. Толстолицкая**

Правовой статус молодежных избирательных комиссий субъектов Российской Федерации

- 163 П.А. Новиков, Ш.Р. Гаджиев, Н.П. Кружилин**
Правовое регулирование и перспективы развития электронного голосования на выборах
- 175 М.М. Гатилова, Я.В. Лысова**
Перспективы, риски и практика применения технологии «юридический дизайн»
- 189 Н.Ю. Жуковская, М.А. Тюмнева, Т.Ю. Серова**
Принудительное право или почетная обязанность (к вопросу об эффективности избирательных систем с обязательным и добровольным голосованием)
- 203** Сведения об авторах

Theory of Law

- 11 Y.A. Vedeneev**
Jurisprudence: Biography of the Legal Concept

Constitutional Law

- 42 B.M. Dzhankezov**
Procedural form of Russian Constitutional law: Structural and Functional Analysis
- 52 S.N. Khorunzhiy**
Discretionary Powers of the Federal Legislator in the Field of Electoral Relations: Constitutional and Legal Aspect

Electoral Process

- 66 M.S. Salamatova**
Dates of Elections in the Soviet Period of the Electoral Process Development (1918–1936)
- 76 E.S. Yusubov, G.V. Tumanyan**
Public Participation (Participation) in the Implementation of Electoral Processes. Institutes of Public Control

Electoral Technologies

- 89 P.V. Danilin, V.N. Danilov**
Multi-day Voting: International Practice and Russian Experience

Actual Tribune

- 107 I.B. Borisov**
Interference in National Elections as a Concomitant Factor of Democratic Processes in the Global World
- 125 A.N. Arinin**
Building a Harmonious Society in Russia and the World

The Competition «Atmosphere»

- 153 V.S. Tolstolutsкая**
The Legal status of Youth Election Commissions of the Subjects of the Russian Federation

- 163 P.A. Novikov, Sh.R. Gadzhiev, N.P. Kruzilin**
Legal Regulation and Prospects for the Development of Electronic
Voting in Elections
- 175 M.M. Gatilova, Y.V. Lysova**
Perspectives, Risks and Practices of Legal Design Technology
- 189 N.Y. Zhukovskaya, M.A. Tyumneva, T.Y. Serova**
Compulsory Law or Honorary Duty (to the Question About
the Efficiency of Electoral Systems with Obligatory
and Voluntary Vote)
- 203 Our Authors**

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ: БИОГРАФИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА

***Аннотация.** Статья посвящена современному состоянию развития юриспруденции и определена задачей поиска предметных и концептуальных оснований формирования научной дисциплины. Изучение вопроса предполагает широкий социокультурный и междисциплинарный контекст теоретического и практического осмысления динамики трансформаций языка и структуры юридической науки. Статья открывает возможный взгляд на движение отдельных исторических формаций юридического знания как генеалогический процесс или процесс проявления и смены дисциплинарных матриц юридического текста и его порождающей грамматики — языка, предмета и структуры в различных культурно-исторических формациях и траекториях ее развития и воспроизводства.*

Культурно-историческая перспектива в изучении права как языковой и когнитивной реальности, одновременно образной, символической и понятийной составляет, на наш взгляд, направление и подход, который позволяют раскрыть актуальные смыслы и значения эволюции науки права в разнообразных цивилизационных (дискурсивных) практиках социального общения. Генеалогия права заключена в языке социокультуры исторической эпохи, ее аксиологии и эпистемологии.

Различение и концептуализация разнообразных уровней и форм существования правовой реальности, ее выражения и описания в различных традициях правопонимания, тем более, когда сама юриспруденция выступает предметом собственной рефлексии, открывает новую перспективу в изучении и права и науки права. Перспективу, определяемую институциональными сдвигами в системах правового регулирования, — от иерархии к сети, и концептуальными сдвигами в системах описания и объяснения права — от нормативных определений к культурно-историческим.

***Ключевые слова:** эволюция юриспруденции, образование юриспруденции, открытие юриспруденции, смена культурно-исторических парадигм, трансформации права и науки права, правовая эпистемология, культурно-историческая юриспруденция, язык юриспруденции, дисциплинарная структура юридической науки.*

JURISPRUDENCE: BIOGRAPHY OF THE LEGAL CONCEPT

***Abstract.** The article is devoted to the current state of legal development and is defined by the task of finding substantive and conceptual grounds for the formation of scientific discipline. The study of the issue assumes a wide socio-cultural and interdisciplinary context of theoretical and practical understanding of the dynamics of transformations of*

the language and the structure of legal science. The article opens up a possible look at the movement of individual historical formations of legal knowledge as a genealogical process or the process of manifestation and change of disciplinary matrices of a legal text and its generative grammar — language, subject and structure in various cultural and historical formations and trajectories of its development and reproduction.

The cultural and historical perspective in the study of law as a linguistic and cognitive reality, at the same time figurative, symbolic and conceptual, constitutes, in our opinion, the direction and approach that allows us to reveal the actual meanings and meanings of the evolution of the science of law in various civilizational (discursive) practices of social communication. The genealogy of law is contained in the language of the socioculture of the historical era, its axiology and epistemology.

Distinguishing and conceptualizing various levels and forms of existence of legal reality, its expression and description in various traditions of legal thinking, especially when jurisprudence itself is the subject of its own reflection, opens up a new perspective in the study of both law and the science of law. A perspective determined by institutional shifts in legal regulation systems — from hierarchy to a network, and conceptual shifts in systems of description and explanation of law — from normative definitions to cultural-historical ones.

Keywords: *evolution of jurisprudence, education of jurisprudence, discovery of jurisprudence, change of cultural and historical paradigms, transformation of law and science of law, legal epistemology, cultural and historical jurisprudence, language of jurisprudence, disciplinary structure of legal science.*

Право: от слова к цифре

*...предмет науки
воздействует на саму науку...*
Жан-Пьер Дюшои.

*...мы имеем дело с двумя явлениями:
во-первых, с действительностью,
во-вторых, с концепцией этой действительности...*
Ольга Фрейденберг

Следуя утверждениям, выведенным в эпиграф, резонно задать один простой вопрос, ответ на который составляет если не предмет исследования, то постановку проблемы по предмету исследования — по праву как по явлению и праву как по объекту науки права, то есть по праву до понятия права и после понятия права. Это разные или тождественные явления; это юридическая реальность, произведенная практиками социального общения или юридический концепт, существующий в исторических формах восприятия и переживания права, его понимания, осмысления и определения; это — два объективных измерения соционормативной реальности или исторические моменты ее существования, до и после. Вопрос в том, что есть, а что не есть право, непосредственно связан с вопросом о том, что есть, а что не есть наука права. Обе составляющие грамматики правопорядка имеют одно общее осно-

вание. И право, и то, что мы определяем в качестве права, есть юридический Текст, который нас окружает во всем, везде и всегда с начала времен. Хотим этого или не хотим, но в нем мы живем и в нем умираем. Юридический текст говорит на языке правил, оценок правил и представлений о правилах. Юридический текст переживается, оценивается и осмысливается. Право — это и то, и другое, и третье (и переживаемое, и оцениваемое, и осмысляемое). Это первичная реальность, данная нам в восприятии, отношениях и оценках того, что есть и что должно быть в различных культурно-исторических практиках социального общения. Право живет на пересечениях социального, политического и культурного пространства; имеет ментальное и когнитивное, вербальное и визуальное измерение; говорит на языке знаков, символов и образов, концептов и понятий. Среда его обитания воображаемое и фактическое. Это — социокультурная и нормативная вселенная, космос номоса и таксиса социальных зависимостей, связей и отношений, сетей и иерархий со своими языками описания, объяснения и организации социального общения, то есть со своей практической и познавательной грамматикой правопорядка, своей системой пересечений, взаимодействий и коэволюций.

Рассуждение о праве — одна из возможных исторических форм существования права и репрезентации права. В этом плане юридическая наука — одна из исторических форм манифестации и выражения (*концептуализации*) права. Если мы ответим на вопрос, *что есть право*, значит, мы ответим и на вопрос, *что есть знание о праве*. Право — историческая категория, поэтому каждая историческая эпоха отвечает на эти вопросы на языке своей социокультуры. Оно существует в определениях нормативного языка социокультуры своего исторического времени и своего исторического пространства, его мифов, верований и понятий. В этом смысле наука права — это гуманитарная дисциплина в различных модусах культурно-исторического существования и выражения права, то есть юридического языка, на котором говорит право и на котором размышляют о праве [1, 2, 3, 4, 5, 6]¹.

¹ Статус гуманитарной науки не возникает сам по себе [1]. Юридическая наука знает физических и юридических лиц, то есть интересуется, преимущественно институтами, а не переживаниями в связи и по поводу их разрушительной деятельности. Человеческое — социокультурное, ментальное и когнитивное измерение права рассматривается, главным образом, в контексте прав человека, привязанных в своих определениях к формально-догматическим концепциям и юридическим конструкциям субъективных прав и обязанностей [2, 3, 4]. Концептуальная альтернатива позитивистской версии понимания прав человека также имеет своих сторонников и свой набор аргументов [5, 6]. Обе позиции, при всех различиях в подходах и признании данного явления в качестве социокультурной категории, сходятся в одном. Они исключают юридический факт наличия прав человека просто по факту культурно-исторического существования самого человека. *Очередная фикция должжданной свободы для всех, пущенная в идеологический оборот, — цифровая реальность*. Концепт, призванный скрыть грядущую смерть института фундаментальных прав человека и гражданина. За магией пустых слов о развитии новых технологий социального общения прячется движение к всеобъемлющим формам социального контроля. Грядущее будущее — общество без граждан, общество абсолютной несвободы, определяющей и устанавливающей господствующий язык описания и объяснения политико-правовых процессов и решений — уже здесь и сейчас. Все заключено в истории доктринальных базовых текстов, которые никуда не уходят, а живут своей скрытой жизнью в ожидании часа, который непременно однажды наступает. Это — явление из прошлого крепостного права в его цифровой редакции.

Два исходных положения концептуализации феномена права требуют методологических разъяснений. Право как универсальная форма социального общения не существует само по себе. Оно — функция и переменная социального, политического и культурного общения и его контекста. Отсюда вытекает, что не всякое суждение о праве является только юридическим суждением. В составе суждений о праве могут иметь место также социологические, политологические и культурологические суждения. Отсюда проблема и тема различения юридического и неюридического измерения или составляющих права и, соответственно, различения собственно юридического и неюридического знания о праве в определениях понятия права. В данном аспекте своего изучения право в его собственной онтологии и феноменологии — предмет междисциплинарных исследований.

Другое положение также непосредственно связано с первым и логично вытекает из него. Не всякое юридическое суждение о праве является теоретическим. И отсюда проблема и тема концептуальных критериев и оснований эмпирических и теоретических определений и построений в праве и о праве. С этого начинается собственно теория права, то есть аналитика ее предмета, метода, междисциплинарных связей в системе общественных и юридических наук.

Концептуализация права в собственной онтологии и эпистемологии в значительной степени зависит от политических оснований его развития и функционирования. Господствующий политический гештальт (образ, язык) оказывает существенное влияние на процессы производства и воспроизводства систем юридического знания своего времени. Особенно это касается нормативного языка юридического знания, вырабатываемого в рамках позитивной науки права. Явление права не существует само по себе, оно опосредовано не только историческим и социокультурным контекстом или фоновой аксиологией явления, но и конкретным понятийным кластером, в котором явление подвергается необходимым для понимания его наличного содержания и форм аналитическим процедурам и определениям [7; 8; 9]. Явление права существует в определениях языка своего конкретного понятия. Получаемое здесь представление о праве, в свою очередь, опосредовано правовой политикой государства, которое, позиционируя себя в качестве источника права, ожидает таких нормативных конструкций в определении права, в которых уже в редуцированной форме присутствует или задано политически мотивированное содержание права. Различие данных аспектов существования и выражения права, собственно научно-теоретического и практико-политического существенно с точки зрения понимания противоречивой природы взаимных отношений научной и юридической истины, пересечений этоса бюрократического государства и этоса юридического сообщества. В этом смысле этическое измерение правовой реальности имеет фундаментальное значение, поскольку понятие права — органическая часть явления права, а юриспруденция — органическая часть правовой системы.

Феномен права имеет разнообразные модусы и модальности своего существования и выражения, представленные, соответственно, системами правил и институтов, идей и ценностей, доктрин и концепций. Связь данных проявлений правовой реальности онтологически задана и определяется социальным, политическим и культурным контекстом своей эпохи, то есть, заключена в пространственно-временные исторические рамки производства и воспроизводства нормативных систем социального общения. Влияние институтов на развитие систем правовых знаний и систем юридических знаний на развитие правовых институтов подтверждается историческим опытом становления правовых систем, составной частью которых являются и корреспондирующие им системы юридических знаний. Классической иллюстрацией является римское право и его концептуальное продолжение — юриспруденция [10, с. 76–119; 11, с. 47–59]. Социокультурный механизм превращения знания о праве в правовые институции составляет ключевую тему и проблему социологии и антропологии права или культурно-исторической юриспруденции. В наиболее полном формате это положение находит себя в реальной политике борьбы за правовые номинации, то есть такие юридические нарративы, определения и конструкции, которые обеспечивают группам господствующих интересов выгодные или приемлемые правовые квалификации и условия для себя и противоправные для своих политических конкурентов и оппонентов [12, с. 126; 13, с. 47–58; 14].

Любое явление (в том числе и право) существует в границах языка, на котором осознают и осмысляют явление. Язык, на котором говорят и рассуждают о явлении, в самом себе заключает то, *что* мы мыслим о явлении и *как* мы осмысляем явление, то есть предмет рассуждения и метод или логику рассуждения о явлении. Таким образом еще до того, как мы соприкоснулись с явлением права, границы его существования и понимания заданы самим языком рассуждения о праве. В этом смысле правовая реальность, которая прячется за явлением права и обнаруживает себя в понимании права, — это функция языка социокультуры, его лексики, словаря, терминологии, исторической грамматики, правил и способов рассуждения о праве. Язык, на котором мы говорим, думаем и рассуждаем о праве, не только отражает правовую реальность, — он ее производит, поскольку реальность права существует и выражает себя в нормативных рамках языка социального общения и рассуждения о праве. Правовая реальность по факту своего существования является и нормативной, и языковой реальностью. Язык порождает определенный текст; текст отображает язык, на котором пишется текст; язык предполагает правила производства (организации) текста или дискурс. Юридический текст — устный или письменный, и юридический дискурс — практический или теоретический, лежат в основании юридической власти господствующего языка, существующего и наследуемого в культурно-исторических границах социального общения.

Представленная статья в определенном смысле, в котором автор пока еще только пытается разобраться, по крайней мере, для себя, и есть попытка ответить на вопросы, которые если и придуманы автором, то без злого умысла. Право и исторические системы знаний о праве изложены в определениях языка социокультур своего времени. Общее содержание работы выстроено в последовательности, которая сложилась сама собой без каких-либо предварительных планов и намерений узнать о предмете больше, чем он позволяет. Необходимо предварить последующие рассуждения о развитии систем юридических знаний одним, дополняющим общую картину темы и процесса, замечанием: историческое измерение развития права и науки права уже представлено в общей дисциплинарной структуре юридической науки такими областями юридического знания, как История государства и права и История политических и правовых учений; История государственно-правовых институтов и История политико-правовых доктрин как частей общей и профессиональной подготовки юристов на уровне бакалавриата и магистратуры. Дополнительный исследовательский и образовательный импульс развития данного компонента юридической науки и образования связан также с появлением сегодня новой учебной дисциплины — Истории и методологии юридической науки. Расширение предметно-методологической сферы изучения самой юриспруденции сам по себе и научный факт, и новый предмет юридических исследований. На наш взгляд, в общем корпусе исследовательских направлений юридической науки существенное место должна занимать комплексная проблема и тема культурно-исторических и эпистемологических оснований развития самой юриспруденции. Ее дисциплинарное самоопределение и выражение составляет именно *теоретическая* история развития систем юридических знаний или концептуальная история юридической науки.

Иначе говоря, новую предметную область образуют и история развития юридической науки, и история концепций, объясняющих ее движение в культурных и концептуальных контекстах возникновения и существования. История и теория систем юридического знания — это своего рода нормативная археология (в духе текстуальных построений Мишеля Фуко) [15; 16]². Она

² Юридический текст в любой культурно-исторической форме своего существования и выражения (визуального и вербального) — устной или письменной речи, нормативно-правового акта или судебного решения, жеста или интонации, символа или знака — является исходной категорией права. Он отражает и сохраняет ментальное, когнитивное и нормативное разнообразие юридических картин мира и юридического концепта действительности, лежащего в основании наличных правопорядков и определяющего границы и траектории их движения в историческом пространстве и времени. Заключенные в нем мировоззрение и юридическое знание охватывают собой самые различные, предметные и психологические основания жизнедеятельности человека, оставляют свои следы в архитектуре и окружающем ландшафте, убранстве и структуре жилища, моде и стиле поведения. Они присутствуют везде и во всем, в отношениях, представлениях и определениях должного порядка вещей в прошлом, настоящем и будущем. И никуда не уходят, оставаясь всегда фактом культурно-исторической биографии права и науки права. Археология юридического знания (текста) занимает в составе гуманитарных наук также, как палеонтология в составе естественных наук, особое место. Исторические реконструкции (интерпретации) текста и заключенного в нем

непрерывно пополняется и воспроизводится своими юридическими руинами и новым строительным материалом. Сегодня этими руинами и материалом является юриспруденция живого слова, на смену которой идет, прежде чем исчезнуть, утратив правосубъектность, *юриспруденция анонимной цифры как новый глоток мнимой свободы*.

Феномен господствующего означающего уходит с юридической сцены, уступая место подвижным формам организации правопорядка, в составе юридического инструментария которого ключевое значение приобретает герменевтика, семиотика и интерпретативные техники понимания и определения наличного права. Смещение от установленного формального права к свободному рамочному праву означает переход от права, основанного на юридическом факте, к праву, основанному на когнитивном представлении о факте. Базовые формулы-паттерны должного правопорядка заменяются текущими и размытыми определениями. Цифровое право, по существу, и является тем форматом правопорядка эпохи постмодерна, который, в режиме реального времени формирования и осуществления трансакций, способен фиксировать возникшее и работающее в нем текущее правоотношение. Способно ли цифровое право заполнить разрыв формально должного и подвижного сущего без разрушения наличного правопорядка — вопрос недалекого будущего.

Эйфория скоро пройдет, а юридические руины надолго останутся, останутся и воспоминания о праве социокультурного Текста нагруженного этическими и религиозными контекстами. Действительное право — это право метафизического смысла человеческого существования, поскольку оно выводится или, точнее, пишется и живет в представлениях и определениях должного в сущем языка социокультуры своей эпохи. Только в восприятии юристов позитивистской ориентации оно сочиняется в кабинетах законодателей. Цифровая реальность обладает собственным воображаемым существованием, своим юридическим языком и дискурсом или способами построения и трансляции аргументации, посредством которой, маскируя и замещая фактическую реальность, она обретает дополнительный импульс и видимость бытия отсутствующей социальной перспективы.

В таком аспекте своего понимания и бытования ментальным продолжением Цифры и является постюриспруденция — концептуальный тупик в исторических трансформациях юридической науки и знания. Это линия движения от предметных границ права иерархий к праву ситуативных сетей, к государству без граждан и законодательству без права, а, по существу, это —

юридического концепта позволяют восстановить не только истоки эволюции юридических языков той или иной эпохи, состава их лексики, значений и нормативной грамматики, но и социальные и культурные механизмы движения права в широком контексте институциональных и концептуальных изменений. И, прежде всего, парадигмальные сдвиги и переходы в системах юридических знаний, языков и дискурсов или правил, конвенций, аргументаций и стилей в практиках осмысления и организации власти и нормативного регулирования различных исторических эпох, типов правовых систем и правового мышления.

движение к языку теории отсутствия государства и языку теории отсутствия права. Гуманитарное наследие юриспруденции Слова, не востребованное юриспруденцией Цифры, становится историей несостоявшейся надежды человека перестать быть функцией кого-то или фикцией чего-то, то есть принадлежать себе. Концептуализация цифры в определениях негативной диалектики Т. Адорно закрывает проблему и тему человеческого, а значит и правового существования раз и навсегда, поскольку в нем не будет места социокультурным предпочтениям и свободному выбору пути. Все будет изготовлено заблаговременно на фабрике унифицированных цифровых платформ. Главное, подготовить надлежащее сырье для последующего массового потребления.

Юриспруденция: между мифом и логосом

*От всех предшествующих состояний мысли
рационализм ... отделен наличием
методологической рефлексии, которая обращена,
во-первых, на саму себя, (гносеология, логика),
во-вторых, на слово (теория языка, риторика, поэтика).*
Сергей Аверинцев

Образование и открытие юриспруденции заключено в истоках ее генеалогии. Генеалогический подход позволяет установить, какие характеристики права и науки права как социокультурных категорий, системы институтов и представлений об институтах, языков описания и объяснения явления права утрачены или приобретены в процессе движения их исторических форм (модусов и модальностей) в контексте той или иной эпохи своего существования и развития. И, самое главное, выявить состав инвариантных и вариативных, структурных и функциональных, онтологически данных и исторически заданных признаков, определяющих истоки и траектории движения различных правовых систем, динамику их преобразований и возможных пересечений в историческом времени и пространстве. Генеалогический подход открывает возможность уловить как парадигмальные сдвиги в развитии правовых систем в их синтагматике и парадигматике, так и исторические изменения в содержании и функциях права, в его культурно-цивилизационных основаниях. Каждой кризисной эпохе в эволюции юридических картин мира корреспондируют свои культурно-исторические условия трансформации права в составе и структуре правовых институтов, в составе и иерархии лежащих в их основании ценностей, в системе представлений о праве, правовых категориях и понятиях, базовых концептов или языков господствующего обозначающего.

Право обретает свое предметное и прагматическое значение в определениях своего понятия. Каждая эпоха существования феномена права образует своего рода систему культурно-исторических и концептуальных координат

со своим аналитическим языком и терминологией описания и объяснения явления права. Оно живет в рамочных построениях языка или понятийного кластера эпохи, ее эпистем или господствующего обозначающего, устанавливающего и границы существования явления (*онтологию*), и границы его понимания (*эпистемологию*). Эволюция понятия права выражается в эволюции или, точнее, смене концептуальных парадигм, обеспечивающих переход к новым формам и уровням концептуализации явления. Институциональная биография права заключена в концептуальной биографии его понятия, каждый слой определений которого является репрезентацией отдельных эпох их совместного исторического и аналитического существования.

В этом аспекте своего понимания генеалогический подход охватывает все составные элементы знаково-семиотического прочтения юридического текста — универсальной категории права и науки права: предмет концептуализации (*обозначаемое*), юридический дискурс (*обозначающее*), понятие (*обозначенное*) и процесс концептуализации (*обозначивание*). Культурно-историческая практика становления и развития правовых систем в нем находит универсальный аналитический язык реконструкции фазовых парадигматических и эволюционных изменений собственных нормативной, институциональной и концептуальной составляющих в их взаимных связях и отношениях. Типология форм культурно-исторической эволюции юридических картин мира симметрична контовской цивилизационной парадигме изменений в системах социальных коммуникаций и обеспечивающих их правовых систем. Важно лишь иметь в виду, что развитие правовых систем происходит в исторически различных культурных пространствах, время в которых протекает неравномерно, с различной скоростью и инерционностью на различных уровнях и в отдельных элементах институциональной и концептуальной подсистем, их нормативного и понятийного языка. Историческое время, выраженное в различных фазовых состояниях процесса асинхронных изменений элементов правовой системы, рождает ее внутренние противоречия, рассогласованности и взаимонесоответствия. Накапливаемые отклонения и дисфункции разрешаются, в конечном счете, структурными сдвигами в содержании и формах выражения наличного правопорядка, то есть сменой концептуальных парадигм в собственной истории их пространственно-временных отношений и переходов.

В позитивной науке права значение категорий пространства и времени в осмыслении правовых явлений носит фрагментарный и сугубо формальный характер. Это — элементы среды обитания права, юридические факты места и событий, с которыми формально связаны определенные правовые следствия. Все иное в понимании концептуального статуса данных категорий в юриспруденции не входит в ее предмет, то есть, не разрабатывается. Видимо, правовая наука потому и является позитивной, что не разрабатывает данные категории за рамками предписанных значений, поскольку в противном случае возникло бы много вопросов, на которые следовало дать ответы, по крайней

мере, в теории права. Можно, разумеется, сказать, что в своей социальной онтологии эти категории составляют пространственно-временной континуум протекания практической и познавательной юридической деятельности, то есть ничего не сказать. Главный вопрос — обладают ли категории пространство и время таким познавательным и логическим значением, которое имеет, в свою очередь, фундаментальное значение в понимании и определении природы и сущности, содержания и форм права и, соответственно, находит предметное и понятийное отображение в структуре науки права и юридического знания о праве? — предполагает развернутый ответ.

Положительный ответ заключает в себе необходимость разработки как данной темы, так и аналитического инструментария, посредством которого можно развернуть ее в полном объеме своего содержания. И тем самым обеспечить корректное определение значения пространственно-временных категорий и связанных с ними аналитических конструкций в исторических контекстах их сосуществования и взаимовлияния на процессы развития права и языка науки права. Совмещение пространственно-временных характеристик юридического текста в широком значении термина (правовой институт и концепт) и его семиотическое прочтение в понятиях «обозначающее», «обозначаемое» и «обозначенное», открывает аналитику матричного описания и объяснения явления права, соответственно, через изменения означающих, означаемых и означенных в определениях явления права и пространственно-временных контекстах его исторического существования и развития. Эпистемологическая матрица является вместилищем возможных значений юридического текста, существующего в ее концептуальных границах. Посредством конкурирующих интерпретаций и переинтерпретаций на языке господствующего в данном пространстве и времени юридического концепта и осуществляется производство конкретного знания о скрытых в тексте содержаниях. Именно в этом смысле и явление права, и наука права контекстуальны и конвенциональны в своих конструкциях и представлениях. Следует лишь иметь в виду, что и языки предписаний и языки определений в своих содержаниях и формах выражения живут своим собственным пространством и временем, одновременно предметным, воображаемым и формальным. Они образуют правовую реальность и, только меняясь сами, изменяют и ее.

Источник и начало исторического времени и пространства будущих институциональных и концептуальных переходов и перемен — живая социоприродная правовая реальность, нагруженная мифологическими представлениями и осмыслениями явления права в мифопоэтических образах и ритуальных техниках производства и воспроизводства практик социального общения. Миф — первоначальная форма концептуального отображения и санкционирования социальной реальности, непосредственного перевода конкретного воображаемого в фактическое. Завершенный формат мифопоэтического мышления нашел себя в порождающем фактическую реальность

эйдосе (*творящем дискурсе*) платоновской теософии. Архаическую стадию культурно-исторической эволюции юридических картин мира (рефлекторного мышления) сменила религиозно-символическая фаза и модус ее проявления. Вторичная моделирующая правопорядок система мышления о праве — это система, основанная на вере в божественное предопределение практик организации власти и управления. Завершающая цикл культурно-исторических трансформаций юридических картин мира рационально-логическая или фаза понятийного (рефлексивного) мышления о праве — формальная система логически выводимых суждений должного социального порядка. Ее предметное воплощение нашло себя в эмпирико-аналитической модели описания государственно-правовых порядков Аристотеля. Эволюционные наслоения и парадигмальные сдвиги юридических картин мира получили свое отображение в собственных когнитивных формах нормативного восприятия и аналитического структурирования действительности, организованной в системе ее социальных иерархий и социальных сетей, начиная от первоначальных сообществ и завершая современными обществами [17; 18; 19; 20; 21; 22, с. 364–383; 23].

Архаические сообщества — сообщества медленного циклического времени, населенного духами предков пространства и традиционного права. Архаическое право переживается в ритуалах и осмысливается в мифах. Это — право сообщества предписанных (*аскриптивных*) нормативных статусов и ролей. Первая знаниевая форма определена жесткой системой мифологических представлений о должном порядке и его источниках. Это — проявление органического правосознания первоначальных сообществ и архетипических проекций должного в сущем. Оно включало в себя сакральное знание для посвященных и выражало сложную структуру отношений между бытийным Хаосом и упорядоченным Космосом, эмпирической повседневностью и социоприродной метафизикой. Это — первородный язык социального общения, отраженный в ритуальных практиках и институтах передачи новым поколениям — жреческих сообществах [24; 25; 26, с. 353–382; 27; 28; 29; 30; 31]³; — мир рассеянного, образного и эмпирического знания

³ Эволюция юриспруденции в определениях профессионально практикующих юристов, выраженная в комментариях, классификациях и обобщениях правового материала по отдельным правовым категориям и институтам востребовала на определенной фазе своего систематического развития появление учебной юридической литературы. В терминах своей эпохи «институций», с одной стороны, резюмирующих уровень научно-практического осмысления отдельных аспектов правовой организации и регулирования в их пропедевтическом изложении, а с другой стороны, отражающих потребность подготовки юристов, осваивающих и владеющих унифицированным языком описания и объяснения правовых ситуаций и событий своего времени (см.: Дождев Д.В.) Языки практической и теоретической юриспруденции, языки правовых конструкций (и правил юридической техники) и языки правовых понятий (и правил их операционализации), определяют и фиксируют институциональные и концептуальные основания и границы общей правовой реальности, ее категориально-понятийные и нормативные ряды и системы, последовательности и сочетания. В этом смысле институциональная история права и концептуальная история науки права, каждая в своей собственной логике существования и воспроизводства, выражают историческую грамматику правопорядка своего места и времени, ее юридический инструментарий и правила организации и функционирования. Традиция

партикулярных этнических сообществ, живущих магическими представлениями и формами социального общения; — юридическое знание живой устной традиции, переживаемой и передаваемой культурными механизмами исторической памяти и основанное на многослойных нарративах творения мира, практических действиях и конечного воздаяния героям культурного пантеона; — проявления феномена органической нормативной реальности, творящей воображаемую нормативную реальность.

Следующая фаза культурно-исторической и концептуальной эволюции права представлена сложной сетью религиозных определений должного поведения — правовой теологией. Это нормативная система правопорядка обществ вертикального вероучительного правосознания, источника права, основанного, как было сказано выше, на вере в предзаданность всего сущего и несущего божественным волеизъявлением. Религиозное общество — это стратифицированное общество разделенного, вечного и преходящего времени, пространства и права. Его ментальное основание составляет разграничение Земного и Небесного порядков. Отсюда различие божественного и профанного, права боговдохновенного, дарованного и предписанного, права Ветхого Завета, Нового Завета и Коранического права. Это — право и юридическое знание, основанное на принципе изначального дуализма мира духовного и материального; мира дифференцированного учительного знания совершенного небесного порядка как альтернативы несовершенному земному порядку. Его концептуальная форма — символическое знание, отражающее извечный конфликт видимого и невидимого, мира живых и мертвых, грешников и мучеников веры, мира относительного сущего и абсолютного должного. Исторические репрезентации развернуты в индуистской и иудаистской традиции трансляции знания, определяемого в модальностях чистого или нечистого, правильного или неправильного поведения, и представлены институтами производства истинных знаний и ритуальных предписаний этико-нормативных школ брахманов и учителей Закона [18]. Это — феномен воображаемой нормативной реальности, творящей фактическую нормативную реальность [32]⁴.

юридических школ, парадоксальным образом прерванная именно в эпоху инициатора универсальной кодификации действующего римского права Юстиниана, была восстановлена уже в средневековой Европе в совершенно ином социально-экономическом и культурном контексте и продолжает быть востребованным элементом развития современных правовых систем.

Общий язык и общее юридическое образование остаются незыблемыми основаниями любого правопорядка. Как в своих истоках, так и современном состоянии своего развития, предмет юридической науки связан с выявлением и разработкой институциональных и концептуальных рядов и группировок права, их сочетаний и пересечений. Анализ парадигматических и синтагматических отношений юридических языков отдельных эпох в синхроническом и диахроническом измерении составляет сегодня новую семиотическую версию прочтения права. Именно в этой логике постановки вопроса проблема открытия юриспруденцией самое себя может найти предметно-аналитическое воплощение и позволит «высочить» из ловушки наличных догматических схем понимания и объяснения права.

⁴ Развернутая концепция роли религиозных представлений в развитии политико-правовых институтов раскрыта в исследовании (см. Введение / Гражданская община античного мира) французского историка античности Фюстель де Куланжа. По существу, здесь сформулирована и поставлена

На третьей фазе культурной эволюции социальных отношений, порядок которых выстраивается в логике рациональных конструкций правовой реальности, на юридической авансцене царит система сложноорганизованных формальных институтов и определений права. Это — правопорядок общества линейного времени, иерархического пространства и сегментированного права. Его концептуальное измерение включает юридическое знание, выраженное в системе понятий, в основании которых лежат дедуктивно и индуктивно выводимые суждения о должном поведении. Это — право, основанное на формальных определениях и выводимых из них понятиях господства и подчинения; — мир концентрированного юридического знания, различающего его категориальное ядро и аналитическую периферию. Его концептуальная форма — знание, абстрактное, логически выстроенное, рациональное; классическая форма — правовая догматика и аксиоматика позитивного права как завершенной в себе совокупности принципов, дефиниций и норм; живая высокая форма — правовая герменевтика или юриспруденция скрытого глубинного текста внутри внешнего формального текста, обеспечивающая существование непрерывной культурно-исторической традиции образно-метафорической и понятийной концептуализации права и науки права. Феномен секулярной нормативной реальности — выражения процесса маргинализации священного и божественного в системах социального общения [33]⁵.

Новая эпоха социальных конфигураций — это эпоха манифестации новых форм социального общения: имитации свободы в заданных траекториях сетевого поведения; время сообществ с неопределенными нормативными границами социальных практик и конкурирующих представлений о долж-

проблема ментальных и когнитивных (социокультурных, антропологических) оснований институциональной эволюции государственно-правовых систем древнего мира. Подобного рода сюжеты имеют самостоятельное значение для эпистемологических реконструкций различных научных школ и подходов, поскольку воплощают общий взгляд той или иной исторической эпохи в определении концептуальных границ исследуемых явлений. Тема ждет своего сравнительно-правового и историографического осмысления.

⁵ Проблема категоризации правил социальной и религиозной жизни в контексте различения стандартных норм повседневного поведения и вероучительных норм отражает двойственную природу нормативного языка и порядка средневековой Европы, существующего в границах сакрального и профанного отношения к действительности, выраженного одновременно и на языке посвящения и служения богу, и на языке формальных предписаний. Модальность отношений в системе сакральных правил и позитивных правил исследована под общим концептуальным «зонтиком» «*Homo sacer*» — «*Homo juridicus*» (Дж. Агамбен).

В другом культурно-историческом (цивилизационном) контексте также имел место процесс совмещения и смены иератического (священного) языка древнеегипетской письменной традиции демотическим (профанным) языком повседневного общения. Священные, правопорождающие языки и тексты постепенно ушли из исторической памяти и исчезли из обихода, сохраняя себя для торжественных дат и ритуальных практик. Зато скоропись объективно была востребована социальной и культурной практикой.

В современном мире язык смс-сообщений уже замещает и разрушает просто фактом своего появления классические формы социальной коммуникации. Человек говорящий, а значит, и мыслящий, деградирует на глазах. Видимо, останутся одни смайлики, жесты и искусственный интеллект. А затем, венец всего сущего — тишина.

ном порядке взаимоотношений с его апостолами и пророками⁶. Это — жизнь социальных сетей, мобильного времени, гетерархического [34, с. 19–30] пространства и трансграничного [35, с. 30–71] права. Его ментальное основание заключено в идее деконструкции всего сущего и несущего, ризомах и симулякрах наличных форм социального общения, ухода от моноиерархий и его права, закрытого для изменений за рамками установленных границ официально-санкционированного правопорядка. Формирование «броуновской» среды обитания и права, размытого в своих концептуальных и нормативных положениях, бросает вызов тому, что еще вчера казалось безусловным и определенным: целеполаганию и рациональному выбору. Феномен текучей нормативности социальных отношений на языке Зигмунта Баумана [36] и социальных трансакций, в самих себе заключающих свое собственное право. Его концептуальное отображение — критическая, прежде всего в отношении своего наличного языка и междисциплинарной структуры, постюриспруденция⁷.

⁶ Галерея имен и текстов — Жак Деррида, Жиль Делёз, Жан Бодрийяр, Мишель Фуко в образах библейских пастырей и учителей во сне и наяву. Носители нового критического сознания и стиля мышления, разрушители классических концептов мировосприятия, его мифологии, культуры и языка. Явление из гроба Ф. Кафки, З. Фрейда и Ф. Ницше. Оды революционной радости открытия нового мира и ужаса исполнения пророческих откровений Иоанна Богослова. На самом деле нет ничего нового под луной, ничего не меняется, все возвращается на круги своя. Слова разные — метаправо и постправо, трансграничное право и надграничное право, жесткое право, мягкое право. Проблема одна: право либо есть, либо его нет. Дело за немногим, определить, что есть право? Что есть не право, — каждый знает на своем ограниченном опыте.

⁷ Очевидно, что регулярное появление критико-аналитических материалов в той или иной области знания выражает, как правило, промежуточный итог систематической, насыщенной проблемно-тематическим содержанием работы самого профессионального научного сообщества с его критическим этосом восприятия результатов собственной деятельности. Особенно это касается юридической науки с ее фрагментированными направлениями исследований государственно-правовых явлений, в которых собственно предметные и методологические основания существуют в единстве определения их содержания и формы. Например, правовая антропология и антропология права, социология права и юридическая социология, политическая юриспруденция и правовая политика. Это — тождественные или автономные области юридических исследований? Если автономные, то в чем различия в их собственной аналитике? Глухых вопросов много, умных ответов мало или наоборот. Диалектика познания. Юридическая наука о чем? Видимо, о юридическом. Что такое юридическое, выраженное на языке образно-ассоциативного, символически-аллегорического и рационально-логического мышления и социального общения? Как соотносятся должное как таковое и должное в рамочных различениях социокультуры, — в определениях мифа, определениях веры и определениях понятия.

Каким образом социальные факты (социальное отношение, представления и поведение) становятся юридическими фактами, то есть, юридическими отношениями, представлениями и поведением? Юридическое заключено внутри социального факта или привносится в социальный факт; оно онтологически дано или феноменологически задано; оно абсолютно или контекстуально? Где начинаются и кончаются границы юридического отношения и понимания действительности и границы предмета собственно юридической науки и границы ее междисциплинарных контактов, пересечений и заимствований? И так далее и тому подобное. Как соотносятся между собой в рамках общей теории права философия и эпистемология права, социология и антропология права? Что делать с формально-догматической юриспруденцией, которая утверждает, что на государственно-организованном «солнце» нет (не может быть) темных пятен, а если нечто подобное возможно, то только в вариации легкой ряби перехода от светлого настоящего к еще более светлому будущему? И можно ли данный формат юридической науки считать наукой, если выраженная в нем функция апологии наличного правопорядка снимает проблему и тему его аналитической критики?

Смена исторических эпох — это не только смена политико-правовых укладов. Это смена гештальта или глубинных ментальных оснований организации социальных порядков. Звук, жест, слово и цифра и есть ничто иное как социокультурные формы бытования юридического концепта действительности в отдельных исторических эпохах существования человеческих сообществ. Его развернутые характеристики представлены системами звучащей юриспруденции, юриспруденции жеста и юриспруденции слова [37, 38; 39; 40; 41, с. 214–222; 42; 43; 44]. Сегодня на исторической авансцене человек слова сосуществует с человеком цифры. Система живых вербальных коммуникаций и персонифицированных форм социального общения постепенно замещается цифровыми платформами [45]. Сетевые коммуникации обладают минимальной степенью выбора вариантов персонального поведения внутри сети, поскольку сетевое право не знает субъективного права. Сеть формирует и форматирует собственную соционормативную реальность. Общество цифровых платформ и технологий — общество виртуальных социальных коммуникаций. Это — гибко структурированные конгломераты унифицированных единиц в своих физических и интеллектуальных проявлениях. Это закрытое общество, о котором грезил еще Платон, — общество тотального наблюдения за всеми отправлениями социальной жизни. Новая реальность активно формирует свой словарь, его лексику и грамматику, свою аксиологию и риторику абсолютной несвободы [46; 47].

Сетевое общество, идущее на смену гражданскому обществу, обществу автономных сообществ на языке Никласа Лумана, не живет определениями своего права, как права публичной и частной свободы в практиках социального общения. Эволюция права (институтов) и эволюция представлений о праве (концептов) включены и являются составными элементами общей эволюции правовых систем своего времени и места. Переходы доправовых форм нормативной регуляции к государственно-правовым, а донаучных форм юридического мышления — к понятийным формам связаны и определяются фундаментальными сдвигами и трансформациями лежащих в их основании юридических картин мира или фундаментальными для различных исторических эпох формами и представлениями о должном порядке социальных отношений.

Осевое время (*в терминах К. Ясперса*) и Смена гештальта (*в терминах О. Шпенглера*) продолжают заключать в себе при всей их метафоричности базовые концепты понимания и определения изменений языков социального общения и языков их описания и объяснения в их исторических практиках и формах манифестации. Институциональная и концептуальная эволюции правовых систем в реальной логике взаимных отношений и пересечений образуют общий предмет юриспруденции — теории и истории производства и разрушения правовых систем в историческом времени и пространстве. Аналитический дискурс новой юридической науки сосредоточен вокруг

различений и определений права иерархических и сетевых сообществ, различений и определений концептуальных оснований эпохи модерна и постмодерна. Переход от работы с формальным *Текстом* к работе с социокультурным *Контекстом* в рамочных определениях *Метатекста* открывает еще неосмысленные и ненаписанные страницы будущей грамматики нового правопорядка.

Сетевая парадигма права и трансформация правовых систем, связанная с переходом от классической грамматики правопорядка к неклассическим формам эпохи постмодерна — новая проблемная область современной юридической теории и практики. Ее рабочая аналитика лежит в рамочных конструкциях семиотики права, раскрывающей взаимные отношения означающего и означаемого, выявляемые в различных исторических практиках юридической организации социальных отношений. На смену линейной грамматике правопорядка, в которой определенному означающему (правилу) соответствует определенное означаемое (поведение), приходит нелинейная грамматика подвижных юридических форм, где конкретное означающее полагает возможным сосуществование множества значений означаемого. Выбор приемлемой для сторон отношения юридической формы (значения) и составляет собственно предмет правового регулирования, субъектами которого являются сами стороны конкретного отношения. Плюралистическая структура субъект-субъектных отношений снимает фундаментальную проблему и тему классической юриспруденции — соотношения объективного и субъективного права, права и законодательства, поскольку данным категориям уже нет места в свободной концептуальной модели и живой нормативной практике организации правопорядка.

Феномен господствующего означающего уходит с юридической сцены, уступая место конкурентным подвижным формам организации правопорядка, в составе юридического инструментария которого ключевое значение приобретает интерпретативная техника широкого усмотрения понимания и определения наличного права. Смещение от установленного права к праву свободных интерпретаций означает переход от права, основанного на юридическом факте к праву, к основанному на подвижном представлении о факте. Базовые формулы-паттерны должного правопорядка заменяются текущими и размытыми ситуативными определениями. Цифровое право, по существу, и является юридическим форматом правопорядка эпохи постмодерна, способным в режиме реального времени формирования и осуществления трансакций зафиксировать возникшее и работающее в нем текущее правоотношение. Способно ли цифровое право заполнить разрыв формально должного и подвижного сущего без разрушения наличного правопорядка, — вопрос недалекого будущего.

Эволюции языка права: от права иерархий к праву сетей

*... сама структура языка предполагает
определенные взгляды на природу мира, так что
осваивая язык, мы впитываем
некую картину мира — рамку нашего мышления...
...мы вместе с языком осваиваем
правила понимания мира и правила поведения в нем...*
Фридрих фон Хайек

Уход с исторической сцены одних правовых систем и появление новых, их взаимные отношения и пересечения, притяжения и отталкивания, заимствования и коллизии связаны и определяются фундаментальными сдвигами в онтологических, ментальных и культурных основаниях социального общения. Это не исключает, а напротив, предполагает появление смешанных, сегментарных и многоуровневых правопорядков со своими юридическими языками, источниками и процедурами. Остается в аналитической повестке дня и вечная тема юридических исследований любой исторической эпохи; здесь эпоха сетевых сообществ не исключение, — право и системы знаний о праве быть свободным в различных социокультурных формациях существования и выражения права. Таким образом, ответ на вопрос, что есть право, есть также ответ на вопрос, что есть правовая свобода и наоборот. Одно живет в другом. Свобода как сознание права и право как осознание свободы лежат в основании социальных отношений как таковых. Свобода — это социальное благо-ценность и в этом смысле она может быть предметом распределения и перераспределения, справедливого или несправедливого с точки зрения морали, равенства или неравенства с точки зрения права. Возможно, именно в этом смысле юридическое и моральное измерения действительности составляют фундаментальные категории человеческого существования, изначально лежащие в его онтологии. Реальность осмысливается в категориях правильного или неправильного, приемлемого или неприемлемого, должного или недолжного порядка, но квалифицируется на языке исторически сложившихся форм образно-метафорического, вероучительного и понятийного выражения. Действующее в практиках социального общения право может отклоняться от определений социальной, религиозной и моральной нормативности, но данное в собственном смысле своего понятия оно не может быть аморальным [48; 49]. Аморальным может быть и является в различных форматах государственно-правовой политики только законодательство. Мораль и власть несовместимы в своей онтологии. Мораль ставит ограничения, власть их снимает мотивируя необходимостью перехода в новый мир. Аморальный порядок законодательной воли начинает восприниматься как долгожданное будущее, и оно приходит, чтобы остаться и быть рядом навсегда.

Преобразования структур социального общения в контексте смены доминирующих юридических картин мира или правосознаний своей эпохи определяют нормативные рамки и динамику движения от права социальных иерархий к праву социальных сетей. Исторически выработанные нормативные модели представили разнообразные по своей сложности кодифицированные комплексы сочетаний горизонтальных и вертикальных связей в отдельных сферах социального общения. Выражая различные формы зависимости между участниками социальных отношений, они обеспечивали правопорядок в границах правосознания своей исторической эпохи. В культурно-исторической последовательности это — языки социоприродных мифов, языки религиозных догм и языки логических конструкций, — традиционного права, религиозного права и позитивного права, сохраняющих свое нормативное значение в различных временных слоях юридических картин мира своей эпохи.

В сетевых нормативных моделях нет вертикальных и горизонтальных связей, а только траектории и их пересечения, в узлах которых собственно и протекают процессы юридической самоорганизации взаимных отношений. Подвижные системы нормативной регуляции, сопровождающие процессы социальных коммуникаций в режиме текущего времени, в отличие от статичных систем нормативной регуляции социального поведения трех нормативных исторических традиций, — один из возможных вариантов ответа на требования нового времени. Переход от классической эпохи существования представлений о должном порядке отношений в эпоху распада догматического и аксиоматического правосознания в практиках социального общения, его онтологии, аксиологии и эпистемологии к новым знаковым и нормативным формам понимания и общения сам по себе — длящийся в своих собственных определениях и значениях культурно-исторический процесс.

Каждая эпоха развития права и науки права характеризуется собственными предметными и концептуальными границами становления и развития своих правовых систем, своими когнитивными стилями и говорит на своем нормативном и аналитическом языке манифестации конкретного, воображаемого и абстрактного отношения. Что объединяет три высокие традиции существования права и науки права и эпохи перемен? Целостное или разорванное единство образа жизни и образа мысли, норм и представлений о нормах? Традиционное право и его концепты (*мифологемы*), религиозное право и его юридическая теология (*богооткровенные истины*), позитивное право и его понятийная аксиоматика (*аналитика*) — социокультурные формы существования и выражения социальных отношений в правосознании своего *осевого* времени никуда не уходят, а лишь меняют свою внутреннюю эпистемическую и деонтическую модальность. Генеалогия грамматик традиционного, религиозного и секулярного правопорядков, становление и развитие юриспруденции, преобразования ее исторической проблематики и языка, знаковых форм выражения юридического знания и дисциплинарной структуры являются общим предметом сравнительно-исторической юри-

спруденции, совмещающей в себе философию и теорию права, правовую лингвистику, антропологию и психологию.

Образование и открытие юриспруденции, ее институциональная эволюция и трансформации форм юридического знания — комплексная проблема и междисциплинарная тема юридической науки в целом, которая определяет наиболее перспективные направления исследования в области современного социогуманитарного знания. Проблема поиска нового концептуального языка неизбежно требует совмещения традиционных подходов, сохраняющих свой аналитический потенциал, и междисциплинарного наследия, которое юридическая наука получила благодаря расширению собственных предметных границ. Отдавая должное Куновской модели *парадигмальных переходов* в развитии науки, концепции «*полей и практик*» П. Бурдье, открывшей значение контекстуальных оснований и условий производства знания как культурного капитала своей эпохи, идее аналитического «*ядра и периферии*» в организации и структурировании дисциплинарных систем знаний, юриспруденция должна быть готова к концептуальным и практическим вызовам современности.

Новый предмет и проблема — это разрешение фундаментальных коллизий иерархических и сетевых нормативных порядков социального общения, разрывов преемственности и перехода от знания санкционированного и аксиоматического к знанию конвенциональному и критическому. Извечная дилемма — закон для всех и право для избранных, знание о праве для всех или для избранных обретает свою новую историческую форму: собрания конкурирующих за доминирование сетевых иерархий и легитимирующих их представлений. Мы еще не знаем всех последствий явления новой концептуальной и нормативной реальности [50, с. 91–134]. Этот симбиоз подвижных форм социального общения и понимания открывает или закрывает будущее? Это не столько вопрос соотношения жесткого и мягкого права, сколько проблема формирования новых комбинированных форм юридической организации социальных отношений, объединяющих иерархии в сети в общем культурно-историческом процессе их взаимной институционализации и позитивации [51, с. 25–97]⁸, права социальных сетей и права соци-

⁸ Идея сетей и иерархий как универсальных способов организации социальных систем сегодня начинает занимать доминирующее положение в общей методологической картине подходов в описании и объяснении социальных явлений и процессов. Фактически имеет место складывание неконцептуальной альтернативы в традиционной исследовательской технике бинарных оппозиций «А и не-А», а ее развитие в лице новой аналитики «парадигмальных пар», существующей только в предметном и логическом единстве их взаимных отношений и определений. Формат бинарных оппозиций «верха и низа», «вертикалей и горизонталей» членения социального пространства как пространства статусов и ролей, сохраняя свое аналитическое значение, в порядке субсидиарности восполняется возможностью увидеть и осмыслить его структурную целостность в правилах сетей и иерархий общей грамматики правопорядка.

Иерархии и сети, представляя нормативные ансамбли социальных отношений, реально существуют и воспроизводят себя только в системе своих взаимных пересечений и наложений. Сети формируют иерархии, иерархии производят сети. Статика социальной структуры — производная динамики социальных трансформаций и взаимных переходов внутри ее нормативного ядра и периферии — всего

альных иерархий как составных и подвижных элементов общей правовой реальности и ее возможных правопорядков.

Очевидно и другое. Эволюции *форм юридического мышления* или юридических картин мира (переживания, восприятия, понимания и отношения к праву), *форм нормативной регуляции* (или модусов, стереотипов и стандартов поведения) и *языков рассуждения* о правовых явлениях (или аналитического инструментария) образуют три взаимозависимых измерения и уровня правовой реальности своего исторического времени. Юриспруденция как таковая остается фундаментальной когнитивной формой осмысления и репрезентации правопорядков любой эпохи, являясь органической частью их социокультур и правовых систем. Юридическая наука в своей понятийной, логически выстроенной системе представлений о праве — всего лишь одна из возможных концептуальных комбинаций культурно-исторического процесса осознания права, изучения и понимания его метафизических смыслов и текущих инструментальных значений. Это бесконечное разнообразие знаково-репрезентативных форм выражения юридического знания, разрывы и преемственности в развитии способов институционального общения, языков описания и объяснения права, их парадигматике и синтагматике составляют собственный предмет семиотически ориентированной культурно-исторической юриспруденции.

Проблема в том, что обозначаемое (*предмет*), обозначающее (*дискурс*) и обозначенное (*концепт*) непрерывно меняются знаковыми местами, замещают, выражают и переопределяют друг друга. Комбинации слов превращаются в комбинации значений только в живой практике (прагматике) означивания своего предмета и методов, которые также не существуют сами

лишь временной срез ее фактического бытования. История институтов и история представлений — это также история постоянных уходов и возвращений надличностных и личностных оснований социального общения.

Социальные институты выражают социальные переживания и представления, социальные переживания и представления формируют социальные институты. Субъект социального общения (коллективный или индивидуальный) на любой стадии своего социального бытования делает одно и то же: непрерывно плетет и расплетает сеть своих связей с другими. Повседневные практики социального общения в своей противоречивой двойственности бытия и его сознания, его исторической онтологии и феноменологии, регулярных действий и мотиваций существуют в системе правил поведения и аналитических отражений их нормативных значений и культурных смыслов.

Исторические модальности живого права в его стадильных последовательностях и параллелизмах представлены своей циклической логикой отношений, изменений и повторений в языке и семантике мифа, веры и понятия. В реальности все перемешано и только аналитически различимо: от сакрального к профанному и профанного к сакральному; от мифа к логосу и логоса к мифу; от сети к иерархии и иерархии к сети. Все во всем, везде и всегда. Наука права — единственная дисциплинарная область социогуманитарного знания, которая не только отражает и выражает эти парадигмальные сдвиги, зависимости и переходы. Она концептуально живет социокультурной динамикой их отношений и определений, на пересечении внешних контекстуальных значений и внутренних глубинных смыслов, одновременно их переживания и понимания. Действительная угроза, исходящая из противопоставления эпохе модерна эпохи постмодерна в развитии права и юриспруденции, заключена в оппозиции идеи реконструкции и деконструкции наличных правопорядков и выражающих их предметных языков, соответственно, сохранения и восстановления концептуального наследия или замещения и вытеснения его на периферию.

по себе. Изучить явление значит найти его понятие в рамочных изменениях социокультурного контекста и метатекста концептуальной биографии существования и определения своего предмета. Разработка юридической теории предмета и корреспондирующих ему методов имеет место только в подвижной структуре междисциплинарных связей и отношений ее исторической эпохи и стиля языкового мышления. Исторически право живет в концептуальных определениях своего явления, его значениях и смыслах. Явление одновременно переживается (феноменологическое определение права), оценивается (аксиологическое определение права) и осмысливается (понятийное определение права). Юридически концепт действительности заключает в себе все возможные формы существования и выражения явления права в его культурно-исторической генеалогии и эпистемологии.

Все возвращается к своим архетипическим истокам. Вечно зелено не только древо жизни, но также и древо познания, о чем говорили в свое непреходящее время еще библейские тексты. Существование явления права до понятия — предмет юридической мифологии и юридической теологии. Мифопоэтическая, символическая и понятийная формы осмысления действительности живут собственной жизнью, выражая и опредмечивая себя в различных исторических практиках концептуального и институционального развития. В общей социокультурной динамике их взаимных отношений и переходов непрерывно протекают процессы переносов и изменений эпистемических и деонтических статусов и значений в совместно вырабатываемых формах социального общения. Исторические трансформации в составе и структуре ядра и периферии социокультурной регуляции [52] периодически, синхронно или асинхронно, симметрично или асимметрично меняя нормативные роли и позиции ее базовых элементов — идей, норм и ценностей — сохраняют или разрушают, расширяют или сужают когнитивные и мировоззренческие основания или *этнос* человеческого, а значит, и юридического существования.

Мифология и теология, переплетения воображаемого и реального, фактического и символического — изначальные и первичные способы концептуализации социальных отношений. Это — проявления коллективного сознания, в котором получают свое ментальное выражение формы и механизмы юридического восприятия действительности и воздействия на глубинные процессы социальной интеграции и дезинтеграции, лежащие в основании текущих и повседневных практик и представлений о должном правопорядке. Социокультурные матрицы любой исторической эпохи в своем цивилизационном генезисе уже заключают в себе разнообразные и конкурирующие форматы и тенденции юридического понимания и организации социальных отношений [53; 54, с. 5–20]⁹. Социальные отношения каждой

⁹ Факт различения социально-политических траекторий и исторических судеб различных стран в открытой форме представлен в сосуществовании двух в культурном, а не географическом смысле юридических пространств Западной и Восточной Европы. Христианско-католическая римская и хри-

исторической эпохи живут, говорят и думают на языке своей социокультуры и размышляют произведенными в ее рамках рабочими языками экономики, политики и права.

Доминирование одних нормативных моделей в общей системе социальной регуляции над другими вариативно. Смена юридических картин мира не меняет конститутивной роли самих идей, норм и ценностей в их универсальной способности функционально изменяясь оставаться ключевыми элементами общей структуры нормативной регуляции. Тезис, согласно которому право существует в определениях своей социокультуры, позволяет рассматривать эволюцию права в контексте преобразований в составе концептуальных парадигм, выражающих в языке своего исторического места и времени глубинные ментальные основания генезиса и движения собственных правовых систем. Концептуальные парадигмы, «путешествуя» во времени и пространстве, меняют или сохраняют свои смыслы и значения в границах и определениях культур реципиентов.

Миф, вера и ритуал — объяснительные схемы и модели поведения, вечные спутники человека, феноменологически заданные формы его социального бытования (социализации и понимания, адаптации и мобилизации) и вечные объекты изучения юридической науки. Сегодня они выступают фундаментальными альтернативами всеобъемлющей рационализации как права, так и науки права, которые в своей действительности заключают самые разнообразные и конкурирующие смыслы и значения. Чтобы их увидеть и понять, следует критически осмыслить привычные стандарты квалификации знания как логически верифицируемого набора определений. Явление права живет в переживаниях, образах и концептах юридических картин мира каждой исторической эпохи выражения и понимания права. Действительный предмет юриспруденции — культурная психология институтов, ментальной репрезентацией которой являются сами институты.

Мифологические, религиозные и рациональные концептуальные парадигмы (традиции и новации) в их взаимной эволюции признания и отрицания соединяются и сочетаются в разнообразных пропорциях и конфигурациях совместного сосуществования и влияния на процессы развития и осмысления права. Мифологические, религиозные и законодательные правовые системы характеризуются своими формами юридического мышления (архетипического, канонического и понятийного), существованием собственного

стианско-православная византийская традиции, имея общие вероучительные и правовые основания, образовали не только собственные цивилизационные комплексы, но и делящуюся историческую практику их параллельного развития. Одновременно поражает разнообразие юридических систем западноевропейского мира, включающего римское правовое наследие, естественное и божественное право, городское и манориальное право, право социальных корпораций, в том числе церковное или каноническое право. Живой мир конкурирующих юридических концептов действительности, позволивший избежать односторонней монополии в определении нормативных границ социального общения. Доктринальная альтернатива европейскому правопорядку изложена в евразийском проекте построения государственно-правовых отношений и эскизно очерчена А. Дугиным.

социального пространства, доступного только своим юридическим техникам его нормативной классификации и организации, своими ритуальными, богословскими и аналитическими средствами и практика разрешения внутренних конфликтов и отклонений от установленных и признанных стандартов должного поведения.

Это — юридические тексты, открывающие окно в юридические картины мира или сменяющие друг друга на протяжении всей истории человечества концепты, живущие в его устной и письменной традиции переживаний, описаний и объяснений правовой реальности или правопорядков своего времени и места. Первая в историческом времени его архаической фазы — мифопоэтическая юридическая картина мира. Она составляет и заключает в себе ментальное измерение мифоритуальных правовых систем первоначальных культурных сообществ. Базовый концепт социально нормативного регулирования основан на *тождестве или переносах* (трансферах) свойств и порядков природной реальности на ее культурное отображение — социальную реальность. То есть воспроизводят глубинные метафорические и метонимические практики [55, с. 144–147; 162–171] или техники организации правопорядка через механизм *приписывания* ему определенных нормативных свойств (аскриптивность) в форме социоприродного права или юридического симбиоза природного и социального начала с такими ключевыми элементами, как тотемная классификация социальной структуры, генеалогии, культа предков, табу. Следующая фаза нормативной эволюции социальных систем была подчинена в своих юридических построениях религиозно-символической модели видения мира, основанной на концепте *признания* в определениях должного или недолжного порядка божественной воли. Нормативное и концептуальное ядро системы составляли институты и представления греха и искупления, выраженные в действиях, мыслях и поступках конкретного человека и сопровождающем в его земном и по-сустороннем мире вечном воздаянии. Завершающая для современной фазы культурно-исторической эволюции систем нормативного регулирования рациональная юридическая картина мира, в основании которой лежит формально-логический принцип *конструирования* правил поведения, сложный концептуальный синтез деонтической логики нормативных суждений и культурных значений, адресованных существу и подчиняющих его своим определениям.

Концепты — своего рода производительные силы в исторических практиках социального производства; производства культурного пространства своей эпохи с его наполнениями вещественными и ментальными артефактами — ценностями и нормами, смыслами и значениями. Сложно представить ландшафт средневековой Европы в отсутствие концепта греха и искупления в социокультурных текстах ее существования и литературно-художественного, архитектурно-живописного и юридического выражения. Нет готических соборов и мест паломничества верующих во имя спасения

души, нет религиозной живописи, скульптуры и музыки, нет монастырей монашеского бегства от грешного мира, нет религиозно-юридических трактатов («сумм» теологии) о должном поведении в ожидании суда и возмездия за все, что творилось земным телом. Нет почти ничего из того, что мы сегодня видим, но зачастую уже не понимаем и не воспринимаем, поскольку живем в условиях другого господствующего концепта действительности, то есть в другой ментальной, когнитивной и социально нормативной реальности [56; 57; 58; 59; 60; 61; 62; 63; 64].

Концепты выражают и направляют культурно-исторические траектории движения систем социального общения, формируя их внутренние интенции, получающие свое воплощение в разнообразных формах своей манифестации, не только в институтах, а прежде всего, в философско-религиозных и художественно-литературных произведениях. Любой продукт культуры существует и определяет себя в социокультурном и концептуальном пространстве своей эпохи [65]. И в той мере, в какой он входит в сложившуюся матрицу общей ментальности и находит свое место, вписываясь в рамки стилевых нормативов, реально существует внутри наличной традиции. Отход от изучения внешних форм выразительности к внутренним, от открытых значений к скрытым смыслам, обозначил границу перехода от иконографической модели описания культурных артефактов к иконологической, в наиболее развернутой форме представленной последователями школы Аби Варбурга [66]. В оригинале названия работы использована и введена в оборот конструкция «Patterns of Intention» — паттерны интенции, отражающая глубинные основания социокультурного контекста. В переводе полностью утрачена смысловая концепция исследовательского подхода. Интенциональность в рамочных определениях иконологического подхода означает, а значит, и обозначает (есть знак) отношения произведения с окружающей средой его производства и потребления не только современниками, но и в последующие временные циклы вхождения в культурные слои и потребности других исторических эпох. Эволюция интенциональности заключена в эволюции языка устной и письменной культурной традиции [67], языка эйдоса Платона, гештальта Шпенглера, габитуса Бурдьё. От мифа и ритуала к эйдосу, от эйдоса к гештальту и паттерну, от паттерна к габитусу и концепту, принадлежащим только себе, — это и есть действительная история путешествия исторических форм знания между мифом и логосом в их образах и представлениях, доктринах и ценностях, определениях и понятиях.

Подобное понимание трансформации аналитических подходов и их доктринальных оснований обнаруживает себя в концептуальной борьбе юриспруденции метафизических смыслов и юриспруденции нормативных значений, философии права и позитивной науки права [68, 158–200; 69, с. 5–18]. Законсервированная в себе формально-догматическая юриспруденция (нормография, догматическая аналитика) продолжает свое шествие на всем предметном пространстве отечественной юридической науки, по-

стилируя свою сущность идеологического и политического инструмента власти в осуществлении социальных утопий. Ее альтернативы — критическая и культурно-историческая юриспруденция и юриспруденция ментальных и когнитивных оснований правовой действительности — включают в свои определения, исходя из изменений контекста ее восприятия и переживания, императивные требования и запросы эпохи, живущей своими пониманиями смысла и значения права, которое называет себя позитивным, не раскрывая, в чем же заключена его позитивность, — как таковая и в своих практических проявлениях. Сегодня проблема нормативности доктринальных утопий, прорастающих с известной регулярностью на отечественной почве и с их повторяемостью разрушительных последствий, весьма актуальная тема постсоветской юриспруденции.

Все модусы и модальности проявлений юридических картин мира, одновременно реальных фактов и концептов, демонстрируют разнообразие исторических форм и социокультурных техник организации правопорядков. И поэтому вполне объяснимо, что аналитика культурно-исторической юриспруденции, развернутая в антропологии, герменевтике, лингвистике и эпистемологии права, образует и актуализирует сегодня ключевые подходы и направления теоретико-методологической рефлексии своего предмета. Наука права существует в определениях языка и культуры различных эпох. Ее современный теоретико-методологический формат позволяет открыть и увидеть новые аспекты и измерения исследуемой правовой реальности, заключенные в генеалогических основаниях права и науки права. История права и история науки права и есть не что иное, как развернутая во времени проблематика взаимозависимости практического языка права и аналитического языка юриспруденции [70; 71]. Предметно определяемая социокультурной динамикой их становления и взаимодействия, совмещения и переходов от одной матричной структуры комбинаций и определений понятий и правил к качественно другой логике их нормативной и аналитической организации, она сочетает синхронический и диахронический формат и траектории совместного развития и существования. Описать и объяснить состояние и перспективы изменений в составе и структуре правоведения, исходя из необходимости гармонизации отдельных направлений и подходов (историко-генетического, сравнительного, контекстуального) различных дисциплин в логике взаимодополняемости их аналитических языков — первоочередная задача и тема новой юриспруденции. Ее комплексный предмет — генеалогия правовых понятий и генеалогия правовых институтов или история рождения и смерти концептуальных и институциональных парадигм в их прошлом, настоящем и будущем.

Генеалогия правовых институтов живет генеалогией образов и представлений, закодированных в языке и культуре социального общения. Институты одновременно переживаются и осмысляются. Институты органического общества и классового общества, гражданского и сетевого общества и их

экономические, политические и юридические импликации — предмет культурно-исторической юриспруденции и психоанализа в духе Зигмунда Фрейда, Карла Юнга, Жана Бодрийера, Ги Дебора и Анри Лефевра. Социальная реальность такова, каков язык переживания и рассуждения о реальности. Языки юридических картин мира не только формируют, но и определяют и регулируют пространственные и временные границы социального поведения. Каждая историческая эпоха развития права живет логикой своего доминирующего языка восприятия и понимания действительности, явленной в признанных и санкционированных сознанием своего времени мифологических, религиозных или рациональных определениях и квалификациях права. Именно здесь и лежат аналитические основания формирования интегральной юриспруденции, совмещающей в рамках своего собственного комплексного предмета исследования мифопоэтические, религиозно-символические и рационально-логические подходы в изучении права. Классическая формула *«от мифа к логосу»*, метафорически выражающая традиционную эволюционную модель развития языка юриспруденции, в ее современной редакции, основанной на принципе пересечений и борьбы за доминирование внутри смешанных концептуальных парадигм, должна быть дополнена и представлена конструкцией *«между мифом и логосом»*. Исследовательский потенциал данной интегральной схемы развития юриспруденции позволяет выйти за рамки линейных форм движения ее языка, предмета и структуры и показать реальную культурно-историческую и аналитическую динамику формирования юридической науки, включая инволюционные линии в ее развитии. Культурно-историческая юриспруденция находит и исследует свой предмет в определениях трех формаций юридического языка и, соответственно, трех модусов существования юридического знания, — мифологически, теологически и секулярно ориентированного. То есть осмысления правовой реальности в образных представлениях, метафизических построениях и логических конструкциях. В такой версии понимания генеалогии юридической науки и ее аналитической части — теории права, юриспруденция представляет собой подвижную систему конкурирующих определений, суждений и аргументаций, выстроенных в логике постоянной концептуальной борьбы их текущих значений и смыслов, понятий, концепций и ценностей.

Правопорядок каждой исторической эпохи своего юридического существования, его нормативная и аналитическая составляющие выстраиваются относительно трехсоставной архитектуры базовых концептуальных парадигм описания и объяснения действительности. Любое явление, в том числе и право, на любой фазе своей культурно-исторической эволюции и концептуальной биографии может быть рассмотрено с точки зрения логики существования и выражения себя в системе мифов, догм и понятий. Это — универсальная матрица базовых элементов исторических и аналитических репрезентаций правовой реальности. Она выступает общей культурной

формой юридического мышления в наличном правопорядке, концептуального включения его в практики социального общения и нормативной организации в определениях ритуальных формул и традиций, вероучений и канонов, формальной логики и рациональных конструкций. Общая история права и науки права может быть представлена не только в виде линейной последовательности исторических периодов, каждый из которых охватывает процессы становления и реализации доминирующих образов-моделей правопорядка, определяющих признанные и санкционированные юридические формы социальных отношений, но также их совместного, циклического и возвратно-поступательного сосуществования, образуя сложные нормативные и понятийные комплексы. Эпистемическая ценность генеалогического подхода в описании и объяснении права и науки права в том и состоит, что в нем четко различимы два фазовых состояния и концептуальный переход из допонятийной в понятийную форму существования и выражения права и науки права.

Подвижный концептуальный баланс языков мифологических, религиозных и рациональных определений составляет реальную конфигурацию юридических картин мира каждой исторической эпохи, выраженных в сочетаниях и пересечениях архетипических, символических и проектных форм юридического сознания и мышления. Они связаны между собой синтагматическими и парадигматическими отношениями; занимают в зависимости от исторического контекста положение либо ядра, либо периферии в общей культурной системе; образуют смешанные нормативные структуры, внутри которых протекают процессы развития и перехода от одних доминирующих юридических форм организации социального общения к качественно другим, отвечающим новым потребностям и вызовам. Реальная структура правопорядка существует в виде отдельных сегментов, предназначенных для потребления различными статусными функциональными группами, складывающимися в их общей социальной системе. Ничего никуда не уходит. Все живет своей явной или скрытой жизнью, обнаруживая свое присутствие в ситуациях структурных кризисов, описываемых К. Ясперсом в терминах *осевого времени* или парадигмальных циклов движения отдельных эпох и стилей отношения к действительности и понимания правовой реальности в рамочных определениях господствующего концепта и языка юриспруденции своего времени [72; 73; 74].

Резюме

Ключевую проблему и тему современной юриспруденции составляет вопрос границ приемлемости, способности и эластичности национальных правовых систем усваивать (заимствовать и переваривать) юридический язык, конструкции и представления, выработанные в рамках других правовых систем в условиях трансграничных пересечений и наложений без ущерба существования собственных правовых институтов и устанавливаемого в их

определениях правопорядка. Правовые системы — живые реальности, ведущие скрытую, непрерывную и невидимую войну за доминирование своих концептуальных, институциональных и образовательно-педагогических оснований. Никем и ничем неограниченная трансляция своего нормативного языка за рамки собственной непосредственной и предметной юрисдикции означает одновременно и трансляцию своего образа мыслей и жизни, собственного видения мира социальных отношений, форм их юридической организации, а по существу, управления миром [75, 76].

Право, как форма существования и выражения соционормативной культуры своего исторического места и времени, включает в самом себе определенную концепцию действительности. Юридическая мифология, религия и наука являются ничем иным, как формами мышления и техниками осмысления и концептуализации социальной действительности в образах, представлениях и понятиях правопорядка. Способы и средства правообразования и правореализации находят себя в лексике и семантике юридического языка своей эпохи, содержания и композиции юридических текстов и определяющих их жанровые и стилевые характеристики юридических дискурсов. Юридический язык, текст и дискурс — базовые, концептуально нагруженные категории юриспруденции, открывающие возможность введения в исследовательский оборот новых измерений и приемов осмысления правовой реальности, выходящих за рамки традиционных формально-догматических подходов ее концептуализации. Семиотическое и поэтикологическое прочтение юридического текста позволяет расширить понимание нормативной природы права за счет включения в определение его содержания контекстуальных и коннотативных значений.

Право не существует само по себе. Оно нагружено историей возникновения, становления и генезиса регулятивных и когнитивных оснований своего существования и воспроизводства в условиях постоянно меняющейся социальной и культурной среды обитания, органичной частью которой оно и является в различных аспектах и формах собственного нормативного выражения и манифестации. Аналитический язык юриспруденции, обогащаясь концептуально и инструментально, становится одновременно носителем предмета и средства изучения не только явления права, но и самой дисциплины.

Право и наука права — это формы существования и выражения соционормативного Текста — универсальной категории культуральной юриспруденции [77; 78; 79]. Именно в ее определениях можно описать и объяснить механизм его порождения или грамматику правопорядка той или иной исторической эпохи и типы юридической риторики, аргументации и высказываний, концептуально связанных с организацией власти, ее критикой и апологией в границах открытых значений и скрытых смыслов господствующего языка и его дискурса [80, с. 88–116; 81, с. 14–48]. В этом аспекте своего становления и развития, право и наука права заключаются в предметы

герменевтики, поэтики и семиотики юридического текста, поскольку жизнь базовых доктринальных текстов продолжается в интерпретациях своей культурно-исторической эпохи.

Список литературы

1. Автономов В. В поисках человека: Очерки по истории и методологии экономической науки. М., СПб., 2020.
2. Автономов А.С. Права человека, правозащитная и правоохранительная деятельность. М., 2009.
3. Микеле де Сильвиа. Европейская конвенция по правам человека. СПб., 2004.
4. Готов С.А., Мазаев В.Д. Современная концепция прав человека в принципах и нормах Совета Европы. М., 2001.
5. Блэк Боб. Миф о правах человека. М., 2019.
6. Ален де Бенуа. По ту сторону прав человека. В защиту свободы. М., 2015.
7. Фуллер С. Постправда. Знание как борьба за власть. М., 2021.
8. Хиршман Альберт О. Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность. М., 2021.
9. Юридическая герменевтика в XXI веке. СПб., 2021.
10. См.: Гарридо Мануэль Хесус Гарсиа. Римское частное право: Казусы, иски, институты. М., 2005.
11. Разуваев Н.В. История римского гражданского процесса как универсальная модель эволюции правопорядков Древнего мира // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2020. № 3.
12. Честнов И.Л. Право и литература после лингвистического поворота / Право и литература. М., 2013.
13. Честнов И.Л. Теория права в эпоху постмодерна / В поисках теории права. СПб., 2021.
14. Юридическая герменевтика в XXI веке. СПб., 2021.
15. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук (1966). М., 1977; СПб., 1994.
16. Фуко М. Археология знания (1969). СПб., 2004.
17. Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия и истоки социологии. СПб., 2002.
18. Зильберман Д. К пониманию культурной традиции. М., 2015.
19. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. III. Право. М., 2018.
20. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.
21. Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии / Собрание сочинений. Т. 12. М., 2019.
22. Хайек Фридрих фон. Заметки об эволюции систем правил поведения / Собрание сочинений. Рынок и другие порядки. Том 15. М.; Челябинск, 2020.
23. Нормы и мораль в социологической теории. От классических концепций к новым идеям. М., 2017.
24. Кофанов Л.Л. Lex и Jus: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н.э. М., 2006.

25. Сидорович О.В. Жреческая традиция в Древнем Риме. Культ, ритуал, история. М., 2018.
26. Дождев Д.В. Система «Институций» / Институции Гая. М., 2020.
27. Михайлов А.М. Генезис континентальной юридической догматики. М., 2012.
28. Полдников Д.Ю. Договорные теории глоссаторов (XII–XIII вв.). М., 2008.
29. Пирсон К. Просто собственность: ее история на латинском Западе. Том 1. Богатство, добродетель и право. М., 2020.
30. Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976.
31. Берг Л.Н. Правовое воздействие: инструментальный аспект. Екатеринбург, 2019.
32. Фюстель де Куланж. Гражданская община античного мира. М., 2019.
33. Агамбен Дж. Высочайшая бедность: монашеские правила и форма жизни. М., 2020.
34. Красавин И. Techné. Сборка сообщества. М.; Екатеринбург, 2013.
35. Варламова Н.В. Гетерархичность современных правовых систем и постсоветская теория права / Проблемы постсоветской теории и философии права. Сб. статей. М., 2016.
36. Зигмунт Б. Текучая современность. СПб., 2008.
37. Вульф К. Генезис социального. Мимезис, перформативность, ритуал. СПб., 2009.
38. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
39. Дубинец Е.В. Знаки звуков. Киев, 1999.
40. Темнов В.И. Звучащая юриспруденция. М., 2009.
41. Проскурин С.Г. Древние перформативы и право / Языковые параметры современной цивилизации. Москва, Калуга, 2013.
42. Проскурин С.Г., Центнер А.С. К предистории письменной культуры: архаическая семиотика индоевропейцев. Новосибирск, 2009.
43. Соболева А.К. Топическая юриспруденция. М., 2001.
44. Байтеева М.В. Язык и право. Казань, 2013.
45. Срничек Ник. Капитализм платформ. М., 2018.
46. Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992.
47. Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М., 1995.
48. Михайловский И.В. О религиозно-нравственных основаниях права / Очерки философии права. Т. 1. Томск, 1914.
49. Спекторский Е.В. Христианство и правовая культура / Христианство и культура. Прага, 1925.
50. Катерный И.В. Трансмобильность и нормативный морфогенез в условиях постгуманизированного общества: Как все еще возможен социальный порядок? / Нормы и мораль в социологической теории. От классических концепций к новым идеям. М., 2017.
51. Фергюсон Ниал. Введение в сети и иерархии / Площадь и башня. М., 2020.
52. Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013.

53. Айзенштадт С.Н. Культура, религия и развитие в Североамериканской и Латиноамериканской цивилизациях // Международный журнал социальных наук. 1993. № 1.
54. Дугин А. Теория Евразийского государства / Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 2003.
55. Лефевр Анри. Производство пространства. М., 2015.
56. Отто Рудольф. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб., 2008.
57. Эрвин Панофски. Готическая архитектура и схоластика / Богословие в культуре Средневековья. Киев, 1992.
58. Агамбен Дж. Высочайшая бедность: монашеские правила и форма жизни. М., 2020.
59. Эрих А. Мимесис. Изображение действительности в западно-европейской литературе. М., СПб., 2000.
60. Берман Гарольд Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М., 2008;
61. Эксле Отто Герхард. Действительность и знание: Очерки социальной истории средневековья. М., 2007.
62. Языки как образ мира. М.; СПб., 2003.
63. Хобсбаум Э. Разломанное время. Культура и общество в XX веке. М., 2013.
64. Юнгер Э. Смена гештальта. Прогноз на XXI век. М., 2018.
65. Мартынов В. Конец времени музыкантов. М., 2018.
66. Баксендалл М. Узоры интенции. Об историческом толковании картин (1985). М., 2003.
67. Перлер Доминик. Теории интенциональности в Средние века. М., 2016.
68. Михайлов А.М. Юридическая доктрина и юридическое мышление / Юридическое мышление. Классическая и постклассическая парадигмы / под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб., 2020.
69. Разуваев Н.В. Юридическая доктрина как средство конструирования правовой реальности // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2019. № 1.
70. Дворкин Рональд. Империя права. М., 2020.
71. Основные юридические понятия Уэсли Н. Хофельда. СПб., 2016.
72. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М., 2007.
73. Элиаде Мирча. Космос и История. М., 1987.
74. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997.
75. Фёгелин Эрик. Новая наука политики. Введение. СПб., 2021.
76. Джентиле Эмилио. Политические религии. Между демократией и тоталитаризмом. СПб., 2021.
77. Бёрк Питер. Что такое культуральная история? М., 2015.
78. Культуральные исследования права. СПб., 2018.
79. Капра Фритьоф, Маттеи Уго. Экология права. На пути к правовой системе в гармонии с природой и обществом. М., СПб., 2021.
80. Фуко М. Лекции о воле к знанию. С приложением «Знание Эдипа». Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1970–1971 учебном году. СПб., 2016.
81. Меркулов И.Н. Архаичное мышление: вера, миф, познание / Эволюционная эпистемология: проблемы, перспективы. М., 1996.

Б.М. ДЖАНКЕЗОВ

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА: СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

***Аннотация.** В статье по методологии структурно-функционального анализа проведено исследование процессуальной формы конституционного права как сложной терминологической конструкции. Дана характеристика таких ключевых элементов конституционно-процессуальной формы, как избирательный процесс, федеративный процесс, процессуальная форма признания, соблюдения, защиты и ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации, законодательный процесс, конституционно-судебная процессуальная форма. На основе проведенного исследования дано определение процессуальной формы конституционного права.*

***Ключевые слова:** избирательный процесс; федеративный процесс; процессуальная форма признания, соблюдения, защиты и ограничения прав и свобод личности; законодательный процесс; конституционный судебный процесс; процессуальная форма конституционного права.*

PROCEDURAL FORM OF RUSSIAN CONSTITUTIONAL LAW: STRUCTURAL AND FUNCTIONAL ANALYSIS

***Abstract.** Based on the methodology of structural and functional analysis, the article studies the procedural form of constitutional law as a complex terminological construction. The characteristic of such key elements of the constitutional-procedural form as the electoral process, federative process, procedural form of recognition, compliance, protection and restriction of the rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation, legislative process, constitutional-judicial procedural form was given. On the basis of the conducted research, the definition of the procedural form of constitutional law is given.*

***Key words:** election process; federative process; procedural form of recognition, observance, protection and restriction of individual rights and freedoms; legislative process; constitutional litigation; procedural form of constitutional law.*

Дихотомия материального и процессуального составляющих в конституционном праве имеет свою специфику, обусловленную в целом особенностями предмета, субъектов и методологии конституционно-правовой отрасли.

ДЖАНКЕЗОВ Батыр Махарович — заместитель заведующего кафедрой государственно-правовых дисциплин Карачаево-Черкесского филиала Московского финансово-промышленного университета «Синергия», г. Черкесск

С одной стороны, для конституционного права характерно наличие большого массива процессуальных норм, формирующих соответствующие процедуры и процессы, а с другой, — анализ соответствующих структурных элементов необходимо проводить с учетом онтологического единства материального и процессуального в конституционном праве [1, с. 8–13].

Термины «процесс» и «процедура» являются достаточно устоявшимися в доктрине отечественного конституционного права. В качестве примера конституционных процедур можно привести:

- парламентские процедуры [2];
- процедура создания политической партии [3];
- процедура привлечения к конституционно-правовой ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления [4] и т.д.

В качестве процессов как структурных элементов конституционного права можно выделить подотрасли избирательного, законодательного и конституционного судебного процессов. В то же время общая категория «конституционный процесс» является рекордсменом по количеству смысловых интерпретаций в отечественной правовой науке, но собственно в юридическом смысле под ним должна пониматься совокупность процессуальных норм конституционного права [5, с. 17–20].

Что касается процессуальной формы конституционного права как терминологической конструкции, то это намного менее распространенная категория в отечественной конституционно-правовой доктрине.

В новейший период развития науки конституционного права соответствующую процессуальную форму исследовал известный конституционалист О.Е. Кутафин в своей фундаментальной монографии, посвященной предмету конституционного права. Анализируя эволюции соответствующих идей и концепций в советский период автор подчеркивает, что «необходимость использования процессуальных форм и регламентирующих их норм в конституционном праве обусловлена тем, что нормы всех отраслей права, включая и конституционное, имеют своим назначением регулирование общественных отношений. Это назначение может быть реализовано только в том случае, если нормы права будут применяться на практике и оказывать реальное воздействие на соответствующие общественные отношения» [6, с. 97].

В аналогичном ключе высказывает свою позицию и Б.С. Эбзеев: «Именно отсутствие должной конкретизации конституционных норм в текущем законодательстве и таких процессуальных форм, в которых должна протекать реализация положений федеральной Конституции и конституций, уставов ее субъектов, отрицательно сказывается на их эффективности или даже обрекает ту или иную норму на неосуществление» [7, с. 279].

Ключевыми элементами процессуальной формы конституционного права России, на наш взгляд, являются:

- избирательный процесс (избирательная процессуальная форма);
- федеративный процесс;

- процессуальная форма признания, соблюдения, защиты и ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации;
- законодательный процесс;
- процессуальная форма осуществления конституционного правосудия в Российской Федерации.

Рассмотрим основные структурные элементы процессуальной формы конституционного права России.

Избирательный процесс (избирательная процессуальная форма) [8, с. 75–86]

В науке конституционного права России избирательный процесс является достаточно разработанной категорией. В качестве примера можно привести определение, в соответствии с которым «избирательный процесс, являясь одним из видов юридического процесса в Российской Федерации, обеспечивает реализацию норм избирательного права, субъективных прав и юридических обязанностей его участников (субъектов)» [9].

В качестве структурного элемента избирательного процесса мы выделяем *юридические факты, избирательные процедуры (стадии) и избирательные действия*. Примером *юридического факта* является назначение выборов, потому что нецелесообразно выделять назначение выборов в качестве отдельной избирательно-процессуальной стадии (процедуры), поскольку назначение выборов представляет собой акт реализации полномочий уполномоченного на то органа или должностного лица, лишь открывающий конкретную избирательную кампанию. Или, иными словами, процесс выборов того или иного органа государственной власти, местного самоуправления и по существу не решает ни одного избирательно-процессуального вопроса [10, с. 212–213].

Термин «*избирательное действие*» достаточно активно используется в действующем избирательном законодательстве, но отсутствуют критерии разграничения процедуры и действия. Например, по смыслу ряда норм Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» можно сделать вывод, что законодателем в качестве избирательных действий указаны:

- выдвижение кандидатов (списков кандидатов);
- предвыборная агитация;
- голосование на выборах;
- наблюдение за проведением выборов;
- наблюдение за работой избирательной комиссии;
- наблюдение за установлением итогов голосования;
- наблюдение за определением результатов выборов (п. 28 ст. 2).

На наш взгляд, избирательное процессуальное действие можно охарактеризовать как единичное действие одного/двух субъектов, представляющее собой в одних случаях первичный элемент избирательной процедуры, а в других — промежуточный этап между различными избирательными стадиями. Можно говорить о соотношении избирательно-правовой процедуры и действия как о соотношении целого и его части.

Таким образом, мы определяем избирательный процесс (избирательную процессуальную форму) как совокупность урегулированных конституционно-процессуальными нормами юридических фактов, избирательных действий и последовательных стадий (процедур) проведения выборов в государственные и местные органы.

Федеративный процесс

Одной из сущностных черт федерализма является динамика, то есть постоянный процесс изменений, адаптация к новым внутренним и внешним вызовам и поиск наиболее оптимальных решений [11, с. 9]. Поэтому в механизме конституционно-правового регулирования федеративных отношений высок удельный вес процессуальных норм. О динамике федеративного устройства также пишет С.А. Авакьян, подчеркивая, что «государственное устройство можно рассматривать в статике (т.е. в плане конституционно-правового закрепления) и в динамике (как практику государственного строительства)» [12, с. 21].

В качестве структурных элементов федеративного процесса можно выделить:

- порядок принятия в состав Российской Федерации иностранного государства или части иностранного государства;
- порядок образования в составе Российской Федерации нового субъекта Федерации;
- оптимальный уровень децентрализации государственной власти, определенный разграничением предметов ведения и полномочий между Федерацией и субъектами;
- институт федерального вмешательства, а также механизм конституционно-правовой ответственности субъектов Российской Федерации;
- эффективное построение и функционирование бюджетного (фискального) федерализма [13, с. 134–147].

Таким образом, федеративный процесс можно определить как урегулированную нормативными правовыми актами определенную последовательность взаимосвязанных действий, направленных на оптимальное сочетание централизации и децентрализации в государственно-территориальном устройстве Российской Федерации.

Процессуальная форма признания, соблюдения, защиты и ограничения прав и свобод человека и гражданина

В нашей стране права человека как современная форма абсолютного аксиологического императива получила новый этап развития с принятием Конституции Российской Федерации 1993 года. Впервые в отечественной истории права и свободы личности были декларированы как непосредственно действующие, но конституционное закрепление не означает моментального воплощения в жизнь указанных постулатов, «поскольку подавляющее большинство прав, хотя и действует непосредственно, реализуется в определенной процессуальной форме (по установленной процедуре)» [14, с. 10].

По мнению Л.А. Нудненко, конституционная формула непосредственного действия основных прав, свобод человека и гражданина, закрепленная в статье 18 Конституции России, наделяет эти права качеством непосредственности, не требующих дополнительного признания в иных законодательных актах, а также уточнения со стороны государственных органов или должностных лиц [15, с. 33].

Важнейшей задачей современной науки российского конституционного права является создание необходимых организационно-правовых условий (процедур, процессуальных форм) признания, соблюдения, реализации, защиты и ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина. Мы выделяем несколько отдельных процессуальных форм, каждая из которых имеет свое функциональное предназначение и сложный структурный состав:

1. Процессуальная форма признания и соблюдения (конституционализации) прав и свобод человека и гражданина.
2. Процессуальная форма реализации прав и свобод человека и гражданина.
3. Процессуальная форма защиты прав и свобод человека и гражданина
4. Процессуальная форма ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, можно сделать вывод, что условием обеспечения приоритета конституционных прав и свобод личности является эффективное построение и функционирование различных процессуальных форм.

Законодательный процесс

Конституционно закрепленная совокупность юридических процедур, образующих процесс принятия законов представляет собой важнейший признак демократического правового государства. О возможности расширительного подхода к термину «законодательный процесс» писал А.Г. Лукьянов, кратко определяя его как «порядок превращения законодательной инициативы в действующий закон» и подчеркивая, что эта «инициатива лежит далеко

за пределами законодательных процедур. Она рождается в обществе и диктуется его экономическими, политическими и духовными потребностями, вытекает из противоречий общественного развития» [16, с. 191].

По мнению С.А. Авакьяна, если идентифицировать законодательный процесс как совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных действий, то есть собственно как разновидность юридического процесса, то категорию «законотворческий процесс» из-за слишком широкого толкования процесса рождения закона нельзя поддержать [12, с. 613–614]. Таким образом, С.А. Авакьян определяет законодательный процесс как «совокупность процедур и действий, результатом которых является принятие и вступление в силу закона государства» [17, с. 297], а законотворческий процесс — как «процесс создания текстов законопроектов, их подготовки к рассмотрению и рассмотрения в парламенте государства» [17, с. 306].

Законодательный процесс как разновидность юридического процесса имеет свои последовательные стадии (процедуры), поскольку «одной из характерных особенностей законодательного процесса является деление его на структурные элементы, именуемые в теории права процессуальными стадиями. Стадию законодательного процесса в самом общем виде можно определить как некую совокупность процессуальных действий, способствующих достижению определенного правового результата» [18, с. 208].

В самом общем виде выделяются следующие стадии:

«внесение законопроекта или законопредложения (законодательная инициатива);

рассмотрение законопроекта в парламентских палатах и комитетах (комиссиях);

принятие закона;

санкционирование, промульгация и опубликование закона» [19, с. 181].

Таким образом, законодательный процесс как структурный элемент процессуальной формы конституционного права представляет собой совокупность конституционно-правовых процессуальных норм, регулирующих порядок внесения и рассмотрения в парламенте законопроектов, принятия и вступления в силу законов.

Конституционный судебный процесс (конституционно-судебная процессуальная форма)

Особое место в механизме цивилизованного разделения труда по управлению государством занимает судебная власть. Ее роль можно выразить в качестве барометра гармоничного развития всего общества и государства. Именно справедливый и беспристрастный суд — основа эффективной и легитимной государственности. Конституционное правосудие занимает особое место в судебной системе. По мнению современных конституционалистов «конституционные суды — это институт, органичный для правового

государства, где есть разделение властей и четко выраженное стремление жить по закону» [20, с. 3].

Конституционный судебный процесс можно определить как систему последовательно осуществляемых процессуальных действий, совершаемых конституционным судом и другими участниками конституционного судопроизводства в связи с рассмотрением и разрешением конкретного дела [21, с. 15].

Конституционно-судебная процессуальная форма представляет собой особую процессуальную форму осуществления конституционного судопроизводства и включает в себя ряд структурных элементов (стадий, процедур). Выделение и анализ отдельных процедур имеет фундаментальное значение, поскольку «наличие процедурных правил гарантирует правовой порядок. Более конкретно их значение состоит в том, что они гарантируют конституционную законность, права участников процесса, их равенство» [21, с. 21].

По мнению Н.В. Витрука, конституционный судебный процесс включает в себя следующие стадии:

- внесение обращений в конституционный суд;
- предварительное рассмотрение обращений в конституционном суде;
- принятие обращения конституционным судом либо его отклонение;
- подготовка к судебному разбирательству;
- судебное разбирательство (либо разбирательство вне этой формы);
- совещание, голосование и принятие конституционным судом итоговых решений;

- провозглашение, опубликование и вступление в силу решений конституционного суда;

- исполнение решений конституционного суда [22, с. 332–333].

С.В. Нарутто также выделяет вышеуказанные стадии, указывая в качестве альтернативной стадии разъяснение решения Конституционного Суда Российской Федерации [21, с. 114–116].

Это значит, что на основе анализа Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее — Закон), Регламента Конституционного Суда Российской Федерации (далее — Регламент), а также ряда других нормативных правовых актов можно выделить ряд процедур, образующих конституционно-судебную процессуальную форму. В структуре конституционно-судебной процессуальной формы можно выделить три вида процедур: *организационные, общие и специальные*.

К *организационным процедурам* относятся: процедурный порядок образования Конституционного Суда Российской Федерации (ст. 4 Закона); процедура выступления Конституционного Суда с законодательной инициативой (§ 6 Регламента); процедура направления послания Конституционного Суда (§ 7 Регламента) и т.д.

К *процедурам общего характера* (общие процедуры) относятся: процедура обращения в Конституционный Суд в форме запроса, ходатайства или жалобы (ст. 36, 37 Закона); процедура подачи обращения в Конституционный Суд в электронном виде с использованием системы подачи документов «Обращение в Конституционный Суд Российской Федерации» (§ 22.1 Регламента); процедура подачи обращения в Конституционный Суд в электронном виде с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи (§ 22.2 Регламента); процедура предварительного рассмотрения обращений, поступивших в Конституционный Суд, Секретариатом Конституционного Суда (§ 23. Регламента) и т.д.

Специальные процедуры рассмотрения Конституционным Судом отдельных категорий дел: процедура рассмотрения дел о соответствии Конституции нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними (Глава IX); процедура рассмотрения дел о соответствии Конституции не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации (Глава X); процедура рассмотрения дел по спорам о компетенции (Глава XI) и т.д.

На основе проведенного структурно-функционального анализа процессуальной формы конституционного права можно сделать ряд выводов.

Процессуальная форма конституционного права (конституционная процессуальная форма) представляет собой урегулированную конституционно-правовыми процессуальными нормами определенную последовательную деятельность в сфере устройства и функционирования государства и других политических институтов, а также защиты прав человека и гражданина посредством осуществления учредительного, федеративного, законодательного, избирательного, конституционного судебного и других видов процессов и процедур.

Каждый структурный элемент конституционно-процессуальной формы в свою очередь включает в себя различные элементы в виде отдельных массивов процессуальных норм, устанавливающих определенную последовательность (стадии). Как правило, каждая стадия представляет собой относительно обособленную процедуру, которая в совокупности образуют органичное единство в виде соответственного процесса/процессуальной формы. Также можно выделять в отдельной стадии (процедуре) в качестве структурного элемента различные процедурные действия, например, избирательные процедуры и действия.

Необходимо сочетать качественно-количественные критерии обособления отдельных элементов процессуальной формы конституционного права и всегда делать это с определенной долей условности в силу принципа единства в конституционном праве материальных норм, закрепляющих статус, права и обязанности участников конституционных правоотношений, и процессуальных норм, определяющих порядок (процедуру) их деятельности, т.е. реализации прав и обязанностей [12, с. 61].

Также важно подчеркнуть, что *термины «процессуальная форма конституционного права» и «конституционный процесс» при всей онтологической близости не являются совпадающими по смыслу.* Наиболее предпочтительнее говорить об их соотношении как общего и его части. Та же категория «избирательная процессуальная форма» шире по значению, чем «избирательный процесс», поскольку включает в себя отдельные материально-процессуальные элементы, напрямую не связанные с проведением, подсчетом голосов и подведением итогов конкретных выборов. Совершенствование процессуальной формы конституционного права и указанных ключевых элементов — непереносимое условие совершенствования конституционализма и правового государства.

Список литературы

1. Джанкезов Б.М. К вопросу о возможности (невозможности) существования самостоятельной отрасли конституционного процессуального права // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8.
2. Окулич И.П. Правовая природа парламентских процедур в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 12.
3. Бураковский А.Л. Правовое регулирование процедуры создания российских политических партий // Проблемы права. Челябинск. 2007. № 2.
4. Макарова Т.Б. Процедура привлечения к конституционно-правовой ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 16.
5. Джанкезов Б.М. От юридического процесса к конституционному процессу: теоретический анализ // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 5.
6. Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М.: Юрист, 2001.
7. Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности / Б.С. Эбзеев. М.: Норма, 2008.
8. Джанкезов Б.М. Избирательная процессуальная форма как конституционно-правовая категория // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 1 (19).
9. Агаев А.М. Избирательный процесс в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2010.
10. Биктагиров Р.Т. Становление избирательного права России и стадии избирательного процесса / Избирательные процессы и практика: монография / коллектив авторов; под общ. ред. Б.С. Эбзеева, И.Б. Гасанова. М.: РЦОИТ, 2018.
11. Колмогорова Д.М. Федеративный процесс и укрепление российских регионов: автореф. дис... канд. полит. наук. Пермь, 2008.
12. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: учебное пособие: в 2 т. / С.А. Авакьян. Т. 2. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018.
13. Джанкезов Б.М. Федеративный процесс как элемент конституционного процесса / Федерализм и регионализм: приоритеты XXI века. Материалы международной научной конференции / Под общей редакцией к.ю.н., доц.

- М.А. Миндзаева. Владикавказ: Владикавказский институт управления. Владикавказ, 2007.
14. Белявская О.Я. Право личности на судебную защиту: проблемы классификации // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 11.
 15. Нудненко Л.А. Конституционные права и свободы личности в России. Учебное пособие. СПб.: Юридический Центр-Пресс, 2009.
 16. Лукьянов А.И. Парламентаризм в России (вопросы истории, теории и практики): курс лекций / А.И. Лукьянов. М.: Норма: ИНФРА-М, 2010.
 17. Авакьян С.А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь. М.: Юстицинформ, 2015.
 18. Парламентское право России: монография / А.И. Абрамова, В.А. Витушкин, Н.А. Власенко и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой; Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Издание Государственной Думы, 2013.
 19. Органы государственной власти в России: Конституционно-правовой аспект: учебное пособие / 4-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016.
 20. Гаджиев Г.А., Кряжков В.А. Конституционная юстиция в РФ: становление и проблемы // Государство и право. 1993. № 8.
 21. Конституционный судебный процесс: учебник для магистрантов, аспирантов, преподавателей / С.В. Нарутто, С.Э. Несмеянова, Е.С. Шугрина. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015.
 22. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: Учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2005.

ДИСКРЕЦИОННЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЯ В СФЕРЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

***Аннотация.** В статье рассматриваются конституционно-правовые аспекты реализации дискреционных полномочий федерального законодателя в области избирательных правоотношений. Проводится различие между административным усмотрением в организации органов публичной власти (деятельности публичных должностных лиц) и субстанционально присущей законодателю дискреции. Выявлена конституционно-правовая основа дискреции, определены четыре группы конституционно значимых элементов дискреционных полномочий, присущих федеральному законодателю, базовым основанием для которых выступает баланс конституционно защищаемых ценностей. Установлено, что конституционно-правовыми границами и одновременно пределами дискреции законодателя выступает конституционная цель правового регулирования — обеспечение баланса конституционно защищаемых ценностей, которая позволяет федеральному законодателю реализовать принадлежащие ему и вытекающие из государственного суверенитета дискреционные полномочия, не нарушая при этом конституционно-правовые условия (основания, границы и пределы) их осуществления.*

***Ключевые слова:** дискреционные полномочия, конституционно защищаемые ценности, правовой баланс, свобода усмотрения, избирательное право и процесс, гарантии избирательных прав, пропорциональность, суверенитет.*

DISCRETIONARY POWERS OF THE FEDERAL LEGISLATOR IN THE FIELD OF ELECTORAL RELATIONS: CONSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECT

***Abstract.** This article discusses the features of the implementation of the discretionary powers of the federal legislator in the field of normative regulation of electoral legal relations. A distinction is made between administrative discretion in the organization of public authorities (the activities of public officials) and the discretion inherent to the legislator. The constitutional and legal basis of discretion is revealed and three independent groups*

ХОРУНЖИЙ Сергей Николаевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Воронежского государственного университета, доцент кафедры РАНХиГС (Воронежский филиал); секретарь Избирательной комиссии Воронежской области, г. Воронеж

of constitutionally significant elements of discretion inherent in the federal legislator are identified, the basic basis of which is the balance of constitutionally protected values. It has been established that the constitutional and legal boundaries and at the same time the limits of the legislator's discretion are the constitutional goal of legal regulation – to ensure the balance of constitutionally protected values, which allows the federal legislator to exercise discretionary powers belonging to him and arising from state sovereignty, without violating constitutional and legal conditions (grounds, boundaries and limits) of their implementation.

Keywords: *discretionary powers, constitutionally protected values, legal balance, discretion, suffrage and process, guarantees of electoral rights, sovereignty.*

При рассмотрении вопроса о дискреционных полномочиях законодателя сразу следует определить допустимость применения к нему конструкции административного усмотрения (лат. *discretio*), первоначально зародившейся и получившей свое дальнейшее развитие в рамках одноименной отрасли российского права. Действительно, возможно ли к «федеральному законодателю» применять модели и механизмы принятия решения, свойственные деятельности должностных лиц публичного права либо, напротив, говорить не о статусе такого лица, но о полномочиях неперсонализированного (представительного) органа, в рамках которого реализуется его соответствующая конституционная компетенция?

Попытки ответить на данные вопросы потребуют от нас не только определения принципиальной допустимости и возможности свободы усмотрения должностного лица при реализации им своих полномочий, вытекающих из его служебного положения, но и к необходимости установления границ искомой дискреции. Рассмотрим указанные направления более подробно.

*Административное усмотрение и «дискреционное правоприменительное решение»*¹. Обращение к классическим источникам, используемым в попытке дефинитивного определения особенностей юридической терминологии, позволяет говорить, что в большинстве случаев дискреция рассматривается преимущественно в рамках административного усмотрения [9, с. 81–84; 10, с. 72–99]. В свое время А.Н. Одарченко, анализируя формируемое советское административное право, писал, что свобода администратора, называемая административным усмотрением, предполагает его право «самостоятельно и индивидуально определять необходимость, полезность или целесообразность предпринимаемой им меры, с точки зрения соответствия или несоответствия ее тем целям, какие имеет ввиду применяемый им закон или, если таковые цели не могут быть конкретно определены из самого закона, то с точки зрения соответствия ее общественному интересу вообще» [8, с. 4]. Исследуя законодательство зарубежных государств, автор говорит о необходимости установления «барьеров», призванных содействовать «борьбе с произвольными действиями органов публичной власти». К таковым он

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.03.2020 № 12-П; Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 года № 12-П.

относил: а) первенство закона; б) разделение властей; в) закрепление основных прав граждан; г) наличие административной юстиции [8, с. 4–5].

Справедливо критикуя используемые сторонниками административного усмотрения «растяжимые понятия», категории «общественного интереса» и «общего блага» применительно к возможности дискреционных полномочий в советском праве, Одарченко все же признавал ее допустимость, основанную на идее революционной законности и подчиненную условиям, в которых «вынуждена работать советская администрация» [8, с. 7–8]. Вместе с этим ученый в определенной степени разделял также высказанную в свое время позицию А.И. Елистратова о недопустимости прямого заимствования конструкции правового усмотрения в частном праве (принцип диспозитивности) применительно к административным полномочиям должностных лиц публичного права: природа «обязанностей агентов власти», которые должны быть «истолкователями общественного интереса», не может строиться на обилии «представительных норм» дискреционной власти, имеющей множество «исторических пережитков полицейского государства» [3, с. 3, 12–14].

Опуская ретроспективный анализ последующей истории развития идей, связанных с дискрецией в органах публичной власти, как выходящий за рамки настоящей статьи, укажем лишь на ставшее по сути традиционным рассмотрение дискреции исключительно в связи с административным усмотрением [1, с. 11–18; 11, с. 5–15; 12, с. 7–23].

По нашему глубокому убеждению, основанному на современных конституционных правоположениях, дискреционное полномочие правоприменительного органа или должностного лица предполагает недопустимую Конституцией Российской Федерации правовую неопределенность и, следовательно, не основанную на законе подобное правоприменительное решение². Дискреция тем более неприемлема в сфере реализации основных конституционных прав граждан, связанных с участием в выборах и референдуме как элементов системно образующих фундамент современного демократического строя России. В противном случае правоприменительные органы приобретают «недопустимую в правовом государстве свободу усмотрения», что неизбежно «создает угрозу властного произвола и нарушения принципов равенства всех перед законом и равноправия» граждан³.

С учетом сказанного, отвечая на вопрос, сформулированный в самом начале, далее речь пойдет не об административном усмотрении и дискреционном решении правоприменительного органа публичной власти,

² Постановление Конституционного Суда РФ от 13 мая 2021 № 18-П; Постановление Конституционного Суда РФ от 9 ноября 2018 года № 39-П.

³ Особое мнение судьи КС РФ Н.С. Бондаря (Постановление Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2005 года № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 48 и статьи 58 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», пункта 7 статьи 63 и статьи 66 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации»).

но о дискреции законодательного (представительного) органа, которая (и исключительно она) имеет свое конституционно-правовое обоснование, допускающее соответствующее конституционное правоприменение. Именно в этом контексте дискреция, по нашему мнению, более всего соответствует ее подлинному смыслу как противопоставление «абсолютного господства права» [2, с. 487–488], с одной стороны, административному, правительственному произволу власти, и усмотрению, — с другой стороны.

Субстанциональная дискреция законодателя (парламента) или конституционно-правовые основы дискреции. Сразу отметим, что в работах современных конституционалистов в качестве причин появления дискреции выделяют: пробельность законодательства, отсутствие самостоятельного нормативного элемента в соответствующем механизме правового регулирования, противоречивость подзаконных актов или наличие спора о компетенции и полномочиях [4]. Указанные обстоятельства, бесспорно, могут являться причиной реализации дискреционных полномочий, оправдывающих ее применение, но вряд ли способны выступать в качестве юридического основания самого существования административного усмотрения.

Как указывает В.М. Капицын, государственная дискреция «обозначает возможность верховной власти принимать решения об использовании полномочий в целях сохранения влияния на общественные процессы в национальных интересах, когда с точки зрения нормативной определенности и правовой связанности этих решений они могут выходить за рамки формально понимаемого права» [4].

По нашему мнению, ни правовой вакуум, ни «запаздывание законодателя» не может служить оправданием наличия дискреционных полномочий, но является одним из вариантов проявления определенного «правового дефекта» [16, с. 7–21]. Кроме того, действия должностного лица за рамками своих полномочий являются основанием для уголовно-правовой ответственности представителя публичной власти. Оправданием дискреции также не может быть «недоработанность закона», как это указывается в ряде работ.

Ответ на вопрос «что стало причиной» для дискреции не следует путать с вопросом «что должно и может быть ее правовым основанием». Наличие административной дискреции предполагает действия по своему усмотрению, предмет и характер совершения которых формально и юридически логично выводится из статуса и полномочий публичного должностного лица, а также соответствующих вариантов реализации его служебных обязанностей в подобных правоотношениях. Последнее не предполагает возможность принятия таким служащим решения (в том числе в виде действия или бездействия) по аналогии, поскольку это неприемлемо для публичного права в правовой системе России. Последнее не допускает возможности принятия лицом решения (в том числе в виде действия или бездействия) по аналогии, так как это также исключается отраслями публичного права в правовой системе России.

С учетом сказанного дискреция, в том числе и административная дискреция, как правило, не уместна в рамках полномочий «обычных» субъектов правоприменения. Допустимость дискреционных полномочий возможна только в деятельности тех субъектов конституционных правоотношений, итоги деятельности которых предполагают возможность проведения публичной оценки принимаемых ими решений на предмет пропорциональности в целях обеспечения баланса конституционно защищаемых ценностей [13]. Такими субъектами выступают прежде всего федеральный законодатель — Федеральное собрание Российской Федерации (далее — парламент) и Конституционный суд Российской Федерации (далее — Суд или Высшая судебная инстанция).

Анализ работ отечественных ученых, норм действующего российского законодательства, а также научные суждения зарубежных конституционалистов, достаточно давно и весьма плодотворно (судя по частоте использования соответствующих элементов в актах Конституционного Суда) разрабатывающих идею пропорциональности, позволяют сформулировать ряд важных для целей нашего исследования идей и правил, выделить конституционно-правовые характеристики дискреционных полномочий, лежащих в основе институциональных основ конституционной пропорциональности.

Сразу отметим, что глубинным конституционно-правовым основанием дискреции федерального законодателя является государственный суверенитет [13]. Кроме того, рассмотрение вопроса о дискреции, ее границах и условиях также тесно связано с конституционными требованиями определенности правовой нормы [6, с. 40–49], отсутствие которой подрывает вытекающий из преамбулы и статей 1 (ч. 1), 2, 18 и 21 (ч. 1) Конституции Российской Федерации принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства⁴. Учитывая изложенное, попытаемся определить некоторые конституционно значимые элементы дискреционных полномочий федерального законодателя.

Дискреция — новое конституирование или исполнение конституционного

Дискреция не предполагает конституирования нового права, но лишь — определение конкретных условий его реализации.

Как указывает Конституционный Суд, право граждан избирать и быть избранными в органы публичной власти, закрепленное в Конституции, не определяет конкретные правила и условия его реализации, а именно: регулирование конкретных избирательных прав и порядка проведения федеральных, региональных, а также муниципальных выборов, в том числе

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 31 мая 2021 года № 24-П; Постановление Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2013 года № 8-П; см. также: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2. 2021. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 июня 2021 года).

установления порядка и итогов голосования, определение результатов выборов. Указанные полномочия, включая процедуру замещения вакантных мандатов, образовавшихся в течение срока действующей легислатуры, справедливо относится, по мнению Конституционного Суда, к дискреционным полномочиям федерального законодателя⁵.

Кроме того, определение конкретных условий реализации конституционных прав предполагает возможность федерального законодателя в рамках присущей ему дискреции устанавливать также статус и порядок деятельности соответствующих субъектов избирательного права. В частности, признавая жалобу гражданина, который не был избран главой муниципального образования Воронежской области, Суд указал, что полномочия по контролю за соблюдением избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации реализуется в рамках указанной выше дискреции. При этом сам факт возложения на данные комиссии обязанности по равному обеспечению для всех кандидатов предусмотренных законом условий предвыборной деятельности не может нарушать какие-либо права заявителя⁶.

Схожим образом Конституционный Суд квалифицировал установленную законом возможность решения вопросов на сходе граждан без формирования представительного органа поселения: такое нормативное регулирование учитывает реальные возможности непосредственного решения населением вопросов местного значения в небольших по числу жителей муниципальных образованиях, что обеспечивает сбалансированное использование институтов представительной и непосредственной демократии при осуществлении местного самоуправления, поэтому не выходит за рамки дискреционных полномочий федерального законодателя⁷.

Как видим в приведенных примерах, Конституционный Суд в качестве основания федеральной дискреции называет допустимость определения им конкретных форм реализации конституционных прав и свобод граждан, обеспечивающих исполнение соответствующих конституционных гарантий [15, с. 55–58].

В ряде случаев основанием закрепления конкретных форм осуществления конституционных прав является необходимость установления механизма реализации норм, носящих рекомендательный характер. В этом случае дискреционные полномочия федерального законодателя должны соответствовать стоящим перед ним правотворческим задачам в конкретно-исторических условиях развития избирательной системы Российской Федерации [5, с. 13, 36]⁸.

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 25 июня 2019 года № 1575-О.

⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 18 июля 2017 года № 1739-О.

⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2021 года № 211-О; определение Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2010 года № 454-О-О.

⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 7 июля 2016 года № 1422-О.

Применительно к реализации широчайших дискреционных полномочий в сфере избирательного права в одном из своих актов Конституционный Суд прямо указывает на то, что федеральный законодатель призван лишь «конкретизировать нормативное содержание и пределы избирательных прав», определить порядок и условия их реализации в целях наиболее эффективного обеспечения принципов правовой демократии, относящимся к основам конституционного строя Российской Федерации⁹.

Пропорциональность конституционной цель как основание дискреции

Реализация дискреции предполагает наличие конституционно–телеологической соотносимости (пропорциональности) между обладанием дискреционными полномочиями и целью законодательного регулирования. В некоторых работах в качестве правовой идеи, которая должна быть положена в основу дискреционных полномочий, перелагается использовать идею справедливости [7, с. 68]. Применительно же к кругу рассматриваемых нами правоотношений, речь идет о том, что конкретные условия реализации конституционных прав, определяемые в рамках принадлежащей федеральному законодателю дискреции, в своей основе должны быть пропорциональны (соотносимы) конституционно защищаемым ценностям современной правовой среды — осуществляться, как указывает Конституционный Суд, с учетом конкретно-исторических, а также социально-политических условий, складывающихся на данном этапе развития страны, в том числе, фактического развития избирательной системы Российской Федерации¹⁰, обеспечивающих решать «собственные правотворческие задачи»¹¹.

Определяя значимость конституционно защищаемых ценностей в сфере законодательства о выборах в качестве общей конституционной цели применения дискреции, анализ правоположений Конституционного Суда позволяет говорить о возможности выделения самостоятельного ценностно-телеологического основания федеральной дискреции применительно к конкретным выборам, в частности — «предназначение выборов в демократическом правовом государстве», необходимости соблюдения общепризнанных принципов равного, всеобщего, свободного и прямого избирательного права, конституционного статуса Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации как одной из палат российского парламента, в том числе в рамках поиска наиболее оптимального варианта организации изби-

⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 15 сентября 2016 года № 1742-О.

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2014 года № 33-П. Также об этом см.: постановления от 17 ноября 1998 года № 26-П, от 16 июня 2006 года № 7-П, от 7 июля 2011 года № 15-П, от 15 апреля 2014 года № 11-П, определения от 20 ноября 1995 года № 77-О, от 15 ноября 2007 года № 845-О-О, от 18 декабря 2007 года № 921-О-О, от 3 июля 2014 года № 1565-О, от 26 марта 2020 года № 581-О.

¹¹ Определение Конституционного Суда РФ от 6 июля 2010 года № 935-О-О.

рательных процедур [14, с. 9–15]¹². Также к рассматриваемому телеологическому основанию следует отнести и такие требования, как «согласованность с основами конституционного строя России и недопустимость искажения демократической правовой природы российской государственности»¹³.

Кроме того, самостоятельной целью применения федеральным законодателем своих дискреционных полномочий с точки зрения Конституционного Суда является установление норм, направленных на повышение уровня гласности в деятельности избирательных комиссий посредством усиления общественного контроля с учетом существующих международных стандартов и национального опыта, накопленного в ходе реализации прежней системы избирательного законодательства¹⁴.

Конституционно-правовая особенность природы электоральных отношений

Рассматривая вопрос о допустимости ограничений пассивного избирательного права в отношении лиц, осужденных к лишению свободы, Суд указал на конституционную природу избирательных прав, которая в силу их всеобщности и равенства, а также политического и публично-правового характера, предопределяет обязанность федерального законодателя создавать условия для адекватного выражения «суверенной воли многонационального народа России посредством реализации ее гражданами права на участие в управлении делами государства»¹⁵. Последнее предполагает возможность предъявления к инкубентам специальных требований, проистекающих из конституционно-правового статуса лиц, замещающих соответствующие должности.

Вместе с тем формулируемые федеральным законодателем условия реализации права на свободные выборы могут быть ограничены только в целях защиты конституционных ценностей при соблюдении критериев разумности, пропорциональности (соразмерности) и необходимости¹⁶.

Как указывает Конституционный суд, ограничение пассивного избирательного права в связи с ранее совершенным лицом уголовно-наказуемого деяния по своей природе не относится к мерам уголовной ответственности, но имеет конституционно-правовой характер, поскольку введено федеральным законодателем «в качестве особого конституционно-правового дисквалифицирующего препятствия для занятия выборных публичных должностей..., сопряженного с повышенными репутационными требова-

¹² Постановление Конституционного Суда РФ от 1 июля 2015 года № 18-П «По делу о толковании статей 96 (часть 1) и 99 (части 1, 2 и 4) Конституции Российской Федерации».

¹³ Постановление Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2012 года № 32-П.

¹⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 7 июля 2016 года № 1422-О.

¹⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 10 октября 2013 года № 20-П.

¹⁶ Постановления Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 года № 15-П, от 16 июня 2006 года № 7-П, от 22 июня 2010 года № 14-П.

ниями к носителям публичной (политической) власти, что обусловлено их прямым участием в принятии правовых актов (нормативных и индивидуальных) и ответственностью, с которой связано осуществление ими своих полномочий»¹⁷.

Рассматриваемые ограничения пассивного избирательного права, «не будучи уголовным наказанием, тем не менее является общеправовым последствием судимости», что с учетом указанных особенностей электоральных отношений находится в рамках дискреционных полномочий федерального законодателя¹⁸.

Особенность электоральных отношений согласовывается с конституционностью предъявляемых к членам избирательных комиссий с правом решающего голоса требований, которые не должны иметь гражданство иностранного государства¹⁹, а также — с сокращенными сроками судебного оспаривания отдельных решений избирательных комиссий, принимаемых в рамках конкретных избирательных кампаний²⁰.

Кроме того, не может рассматриваться как ограничение конституционного права граждан быть избранными закрепление в законодательстве условий выдвижения кандидатов (пп. 1, 2, 9, 10 ст. 32 ФЗ № 67). Последние имеют цель исключить одновременного, способного существенным образом дезориентировать избирателей, участия граждан в одних и тех же выборах как в качестве партийного кандидата выдвинутого избирательным объединением, так и в качестве независимого кандидата, выдвинутого в порядке самовыдвижения. Установление указанных ограничений также не выходит за рамки дискреционных полномочий федерального законодателя²¹.

Все приведенные выше примеры обоснования федеральной дискреции были основаны исключительно на позитивных юридических конструкциях, представлениях и атрибутах, известных в философии познания как «катафатический (утверждающий) метод», с помощью которого весьма успешно можно раскрыть то или иное понятие с точки зрения его дефинитивного содержания, тем не менее не позволяет в полном объеме приблизиться к определению его границ и пределов допустимости. Последнее возможно благодаря применению инструментов, присущих методу отрицательного («апофатического») познания. Интегративное и одновременное использование указанных подходов позволяет более точно уяснить столь сложноформализуемые юридические конструкции конституционного права. Рассмотрим это подробнее применительно к следующему выделяемому

¹⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 10 октября 2013 года № 20-П.

¹⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 26 марта 2020 года № 584-О; см. также определение Конституционного Суда РФ от 9 ноября 2017 года № 2508-О и от 18 января 2018 года № 13-О.

¹⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2020 года № 2357-О.

²⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 28 мая 2020 года № 1138-О.

²¹ Определение Конституционного Суда РФ от 26 марта 2020 года № 581-О.

нами элементу, определяющему допустимость применения федеральным законодателем дискреционных полномочий.

Границы и условия дискреции

Требования, предъявляемые к определению условий или границам реализации конституционных прав, осуществляемых в рамках дискреционных полномочий федерального законодателя. В качестве положительного обоснования возможности последних применительно к рассматриваемой нами сферы избирательных правоотношений Конституционный Суд формулирует специальное требование: федеральный законодатель обязан проявлять необходимую заботу в том, чтобы вводимые им избирательные процедуры были прозрачными и честными, препятствовали возможности фальсификации итогов избирательной кампании, а также способствовали достоверному и объективному отражению действительных результатов электорального волеизъявления граждан. Иначе избирательное законодательство не будет соответствовать конституционной природе выборов, предполагающих, что справедливое выявление подлинного волеизъявления граждан является основой формирования органов публичной власти²². Отметим определенную попытку в сформулированном конституционном суждении указать на юридически отрицательные элементы, исключающие возможность дискреции — «несоответствие конституционной природе выборов...».

Тем не менее, на наш взгляд, это не может рассматриваться в полном смысле как применение отрицательного метода в силу как минимум двух причин: достаточно сложного определения юридического содержания указанной природы, а также самого существа такого обоснования, предполагающего в большей степени соответствие и присутствие, т.е. положительное признание, нежели отрицание чего-то.

Данное предположение находит подтверждение и в актах Конституционного Суда, где в качестве определенных границ возможной дискреции Суд называет такие фундаментальные основы организации демократического управления, как «природу народного представительства», «конституционное предназначение выборов», а также конституционные требования о соблюдении общепризнанных принципов всеобщего, равного, свободного и прямого избирательного права и справедливые процедуры их реализации²³.

В этом смысле представляет интерес предпринятая в одном из постановлений Конституционного Суда попытка ответить на утверждение о недопустимости федеральной дискреции. В акте Суда используется формулировка «избыточная дискреция». Основанием для подобного суждения заявителей стало предоставление субъектам Российской Федерации права определять

²² См. например: постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2013 года № 8-П, от 15 апреля 2014 года № 11-П, от 15 ноября 2018 года № 42-П.

²³ Постановление Конституционного Суда РФ от 13 апреля 2017 года № 11-П.

порядок формирования представительного органа муниципального района и городского округа с внутригородским делением, а также устанавливать разные способы замещения главы муниципального образования без установления на федеральном уровне критериев, которыми должен руководствоваться региональный законодатель при принятии конкретных решений, связанных с дифференциацией порядка формирования органов местного самоуправления в различных муниципальных образованиях. Последнее ведет к произвольности принимаемого законодательным (представительным) органом власти конкретного субъекта Федерации решения. Анализ рассматриваемого постановления Суда, позволяет сделать вывод о том, что Высшая судебная инстанция косвенным образом согласилась с этим. В обоснование определения условий и границ дискреционного усмотрения, согласно сформулированной позиции Конституционного Суда, должен быть положен «учет объективных взаимосвязей организационных принципов местного самоуправления и особенностей его территориальной организации, а также функций и задач публичной власти, реализуемых на конкретной территории (уровне)»²⁴. Кроме того в качестве антитезы позитивной дискреции федерального законодателя Конституционный Суд говорит о недопустимости ее трансформации в негативный инструмент ограничения, обоснованный «немотивированными конституционно значимыми целями управленческого усмотрения». В резолютивной же части решения Суда мы обнаруживаем искомые критерии (отрицательные и положительные) дискреционных полномочий законодателя по данному конкретному делу.

Справедливости ради отметим, что в некоторых случаях Конституционный Суд предметно раскрывает содержание федеральной дискреции в сфере избирательного законодательства, указывая, что к ним относится, в частности, решение вопроса о расширении объема правовых средств, которые предназначены для выявления и фиксации гражданами допущенных нарушений; сюда Суд также включает возможность установления дифференциации в зависимости от уровня выборов с учетом конституционно-правовой природы муниципальных выборов, являющихся институтом самоорганизации населения соответствующего муниципального образования²⁵.

Подобное определение дискреции, конечно, снимает целый ряд вопросов, но исключительно лишь к конкретным рассматриваемым Судом правоотношениям и тем более не позволяет распространить их на другие по аналогии.

Представленное выше выделение элементов, допускающих конституционную возможность применения дискреции, носит отчасти дидактический характер, обусловленный трудностью практического разделения рассмотренного выше содержания дискреции федерального законодателя и выделения в нем цели и задач, пределов и границ.

²⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 1 декабря 2015 года № 30-П.

²⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 7 июля 2016 года № 1422-О.

Вместе с этим именно данное обстоятельство позволяет говорить о конституционной объективности нижеизложенного признака, благодаря которому ранее рассмотренные вопросы приобретают новое системно-конституционное наполнение.

Баланс конституционно защищаемых ценностей как конституционно-правовой механизм реализации дискреционных полномочий

В основу выявленных выше условий реализации дискреционных полномочий федерального законодателя в сфере избирательного права и процесса должен быть положен «баланс между законными интересами каждого гражданина и общества в целом»²⁶. Указанный баланс обеспечивает равные и справедливые условия реализации избирательных прав, обеспечивающих в том числе легитимацию органов публичной власти благодаря применению рационально организованных процедур, которые отвечают требованиям прозрачности, честности, безопасности, а также предотвращают возможные злоупотребления.

В данном случае пределами дискреции федерального законодателя являются «границы конституционно дозволенного, определяемого сохранением самого существа этого основного права»²⁷.

Указанные обстоятельства исключают возможность рассмотрения дискреционного полномочия как нормативного закрепления одного из альтернативных вариантов правового регулирования. Действительно, при знакомстве с некоторыми актами Суда дискреция может выглядеть как выбор альтернативы. Добавим, что, по нашему мнению, «возможной» альтернативы», и усилим: при данных обстоятельствах — «единственно возможной». В частности, рассматривая жалобу, связанную с оспариванием невозможности замены представленных ранее кандидатом подписных листов, Конституционный Суд указал на то, что соответствующее правовое регулирование обусловлено особым назначением подписных листов как избирательных документов, которые позволяют выявить уровень поддержки кандидатов избирателями, необходимой для его регистрации. Поэтому установление подобных норм «не выходит за рамки дискреционных полномочий федерального законодателя». Вместе с этим Конституционный Суд указывает, что в то же время законодатель вправе внести соответствующие изменения в действующее регулирование, в том числе путем закрепления права кандидата в депутаты в случае выявления им недостатков в оформлении собранных в его поддержку подписных листов на их замену другими до завершения срока представления указанных документов для регистрации

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

кандидата²⁸. Широта дискреционных полномочий законодателя предполагает возможность, не выходя за них, установить специальные условия, которые позволяют исключить из избирательного процесса участников, не имеющих достаточной поддержки избирателей²⁹.

Полагаем, что указанная Судом высшей инстанции видимая альтернативность предполагает лишь конституционную возможность федерального законодателя, основанную как на общем принципе разделения власти на три ветви, так и на полномочиях соответствующего конституционного органа — Федерального Собрания Российской Федерации, но никак не произвольного выбора конкретного варианта правового регулирования. В случае же допущения последнего это означало бы наличие не только ничем не обоснованных границ дискреции («избыточной дискреции»), но и свидетельствовало бы об особом конституирующем качестве таких полномочий, что противоречит как Конституции, так и приведенным ранее правоположениям Суда³⁰.

С учетом сказанного конституционно-правовыми границами и одновременно пределами дискреции законодателя выступает конституционная цель правового регулирования — обеспечение баланса конституционно защищаемых ценностей. Именно баланс защищаемых конституционных ценностей или, пользуясь терминологией постановления Конституционного Суда — «гармонизированное в своем действии сочетание соответствующих принципов»³¹, позволяет федеральному законодателю реализовать несомненно принадлежащие ему и вытекающие из государственного суверенитета дискреционные полномочия, не нарушая при этом конституционно-правовые условия их осуществления.

Список литературы

1. Валиев Р.Г. Институционально-правовые основания общеправовой модели дискреционных полномочий // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 5.
2. Дайси А.В. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской Конституции // Антология мировой правовой мысли. Т. II. М.: Мысль, 1999.

²⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 6 июля 2010 года № 1087-О-О.

²⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 28.01.2021 № 173-О; см. также: определения Конституционного Суда РФ от 25.11.2020 № 2840-О, от 3 июля 2014 года № 1483-О. Об этом также: постановления Конституционного Суда РФ от 17 ноября 1998 года № 26-П и от 11 июня 2002 года № 10-П.

³⁰ ЕСПЧ, признавая за государством весьма значительные пределы усмотрения в регулировании избирательной системы, указывает, что нормы избирательного законодательства должны «оцениваться в свете ее политического развития». По этой причине, по мнению Европейского Суда по правам человека, разделяемому нами, некоторые детали избирательной системы, недопустимые в одном месте, могут быть оправданы в другом, «при условии обеспечения законодательной властью свободного волеизъявления народа» — см.: Определение Конституционного Суда РФ от 10 октября 2017 года № 2253-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности части 9 статьи 88 и части 3 статьи 89 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».

³¹ Там же.

3. Елистратов А.И. I. Понятие о публичном субъективном праве. II. «Теория субъективных прав» А.А. Рождественского / проф. А.И. Елистратов. М., 1913.
4. Капицын В.М. Государственная дискреция как проблема конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 3.
5. Колюшин Е.И. Актуальные проблемы избирательного права России: учебное пособие. М., 2019.
6. Нарутто С.В. Определенность законодательства как гарантия прав и свобод человека и гражданина в конституционно-судебной доктрине // Lex russica. 2018. № 10.
7. Непомнящий Е.В. Контроль за конституционностью законов в контексте представлений Конституционного Суда РФ о дискреционных полномочиях федерального законодателя // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 5.
8. Одарченко А.Н. О пределах административного усмотрения // Право и жизнь. Книга 6. М., 1925.
9. Раджабова Е.А. Границы дискреционных полномочий органов публичной власти // Административное право и процесс. 2020. № 9.
10. Соловей Ю.П. Дискреционный характер административного акта как обстоятельство, исключающее судебную проверку его законности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4.
11. Соловей Ю.П. Принципы осуществления публичной администрацией дискреционных полномочий // Административное право и процесс. 2018. № 7.
12. Стариков Ю.Н. Административное судопроизводство и административные процедуры: к системному взаимодействию и надлежащему уровню правовой регламентации // Административное право и процесс. 2018. № 3.
13. Хорунжий С.Н. Правовой баланс как самостоятельная юридическая ценность: механизмы его обеспечения и регулирования. Воронеж, Изд-во ВГУ, 2019.
14. Хорунжий С.Н. Общероссийское голосование как субсидиарная форма реализации конституционного права граждан на участие в управлении делами государства // Мониторинг правоприменения. 2020. № 3(36).
15. Хорунжий С.Н. Конституционные гарантии реализации избирательных прав в контексте ответственности за распространение недостоверной информации // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 3.
16. Шарнина Л.А. Проблемы установления пробелов в конституционном праве // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 1.
17. Эбзеев Б.С. Конституционное право России: учебник. М., 2019.

СРОКИ ПРОВЕДЕНИЯ ВЫБОРОВ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА (1918–1936)

Аннотация. *Статья посвящена изучению начальной стадии советского избирательного процесса — назначению выборов, определению оптимальных сроков проведения выборов, их периодичности и субъектам. Советские выборы на этапе формирования избирательной системы проводились по производственно-территориальному принципу и с высокой периодичностью. Эти особенности во многом предопределяли проблемы на этапе назначения выборов. Закрепленные в первой советской Конституции сроки проведения выборов (в низовые советы — раз в три месяца), оказались фактически нереализуемыми, и их постепенно увеличили в 1921 году установив ежегодную периодичность; впоследствии она увеличилась до трех лет. В первое десятилетие советской власти были апробированы разнообразные модели проведения выборов, избирательные кампании проводились в различные сроки. На протяжении 1920-х годов сроки проведения выборов постепенно сместились с ранней осени на зимний период. Советские работники определяли влияние сроков проведения на явку избирателей. Так, в осенний период явка избирателей была низкой из-за занятости на сельскохозяйственных работах, перенос сроков на зимний период наряду с другими организационными мерами позволил повысить явку на избирательные собрания.*

Ключевые слова: *советский избирательный процесс, советские выборы, сроки проведения выборов, периодичность проведения выборов, назначение выборов, советская избирательная система.*

DATES OF ELECTIONS IN THE SOVIET PERIOD OF THE ELECTORAL PROCESS DEVELOPMENT (1918–1936)

Abstract. *The article is devoted to the study of the initial stage of the Soviet electoral process — the appointment of elections, determination of the optimal timing of elections, their frequency and subjects. The Soviet elections at the stage of the formation of the electoral system were held according to the production-territorial principle, with high frequency, these features largely predetermined the problems at the stage of calling elections. The timeframes for holding elections fixed in the first Soviet Constitution (to the grassroots councils — once every three months) turned out to be practically unrealizable, and they were gradually increased, in 1921 having established an annual frequency, subsequently the frequency*

of elections increased to three years. In the first decade of Soviet power, various models of elections were tested, election campaigns were carried out at different times, throughout the 1920s. the timing of elections was gradually shifted from early autumn to winter. Soviet workers determined the effect of the timing on voter turnout, for example, in the autumn period, voter turnout was low due to employment in agricultural work, the postponement of the dates for the winter period, along with other organizational measures, made it possible to increase the voter turnout at election meetings.

Keywords: *Soviet electoral process, Soviet elections, timing of elections, frequency of elections, appointment of elections, Soviet electoral system.*

Назначение выборов является одной из основных этапов избирательного процесса, обеспечивающей обязательность и периодичность проведения выборов. В современной литературе под назначением выборов понимается «первая стадия избирательного процесса, заключающаяся в издании уполномоченным на то органом или должностным лицом (субъектом права назначения выборов) акта, в котором определяется дата голосования» [1, с. 326].

В современном избирательном законодательстве на стадии назначения выборов ключевое значение имеет определение срока проведения выборов — единого дня голосования¹. Споры об оптимальных сроках проведения выборов, влиянии на явку избирателей ведутся с 2004 года — введения единого дня голосования в федеральном законодательстве [2, с. 30–34]. Очевидно, что определение оптимальных сроков проведения выборов имеет как юридический, так и политологический аспект [3, с. 61–69; 4, с. 161–168; 5, с. 84–89]. Политологи рассматривают назначение времени проведения выборов как «элемент избирательной инженерии», — одну из политических технологий, способную оказать решающее влияние на результат выборов [6, с. 640–643]. Пандемия 2020 года обострила в обществе дискуссии о сроках проведения выборов и длительности голосования [7, с. 34–40]².

При принятии решений важно учитывать исторический опыт определения оптимальных сроков проведения выборов, тем более, что в советский период были апробированы разнообразные модели организации избирательных кампаний в различные сроки. Большинство проблем, с которыми сталкиваются избирательные комиссии сегодня, были хорошо знакомы и в советский период, но, к сожалению, опыт избирательных кампаний в советское время изучен слабо и зачастую тенденциозно. В настоящей публикации устраняется этот пробел и исследуются проблемы назначения выборов как начальной стадии избирательного процесса и определения срока выборов ее

¹ Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 14.09.2020). Статья 10. // СЗ РФ от 17.06. 2002. № 24. Ст. 2253.

² По этому вопросу высказалась председатель Центральной избирательной комиссии: Памфилова предложила перенести единый день голосования на апрель // <https://www.rbc.ru/politics/07/09/2020/5f560f5f9a794743e53327b8>.

как важнейшего элемента в период становления советской избирательной системы (до 1936 г.).

Избирательная система, введенная Конституцией 1918 года, сочетала в себе наряду с революционными новациями и вполне традиционные черты, свойственные царскому периоду истории России, — выборы были неравными, непрямыми и не всеобщими, но при этом избирательные цензы подверглись радикальному пересмотру, выборы проводились по производственно-территориальному принципу и с высокой периодичностью. Особенности советской избирательной системы во многом предопределили проблемы как на этапе назначения, так и на других стадиях избирательного процесса. На этапе становления советской избирательной системы длительное время сохранялась неопределенность со сроками проведения выборов, их периодичностью и субъектами назначения.

В избирательные кампании 1920-х годов субъект назначения выборов неоднократно менялся. Непосредственно после революции выборы назначали местные исполкомы (исполнительные комитеты) советов либо административные отделы исполкомов. Это право за ними закрепляла первая советская Конституция 1918 года «согласно установившимся обычаям»³. Исполкомы назначали выборы исходя из местных условий и в удобные им сроки. С 1922 года наметились первые тенденции централизации избирательного процесса, и основным субъектом назначения выборов выступал Народный комиссариат (Наркомат) внутренних дел (НКВД), определявший общие сроки проведения избирательной кампании. В 1924 году после частичной передачи полномочий от Наркомата внутренних дел субъектом назначения стал Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК). После создания Всероссийской Центральной избирательной комиссии при Президиуме ВЦИК в 1925 году, Центризбирком определяла единые сроки проведения избирательных кампаний, но вплоть до 1936 года субъектом назначения выборов оставался ВЦИК.

Периодичность выборов советов и съездов в первой советской Конституции устанавливалась невероятно высокая: предполагалось городские и сельские советы проводить раз в три месяца, избирать состав съездов в волостях и уездах ежемесячно, губернских — четыре раза в год, областных и всероссийских съездов — не менее двух раз в год⁴. Фактически это означало проведение выборов советов и съездов непрерывно в течение года. Дело осложнялось и нарушением конструкции советской власти, — депутаты сельских и городских советов должны были делегировать представителей

³ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918) // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (далее — СУ РСФСР). 1918. № 51. Ст. 582.

⁴ Конституция (Основной Закон) РСФСР (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

на съезды, однако из-за несовпадения сроков реализовать это было крайне проблематично.

Нереалистичность столь высокой периодичности выборов стала ясна уже в 1918 году и ее постепенно стали приводить в соответствие со здравым смыслом. Постановление 1919 года снизило частоту выборов съездов для уездов и волостей до одного раза в три месяца⁵. Постановление VIII Всероссийского съезда Советов от 23 декабря 1920 года «О советском строительстве» подтверждало периодичность проведения выборов и съездов, установленную VII съездом⁶. Однако ситуация принципиально не изменилась, сроки проведения выборов нарушались на всех уровнях советов и съездов, что потребовало издания дополнительных нормативных актов, предусматривающих ответственность за их нарушение. Так, Циркулярное постановление ВЦИК от 8 февраля 1921 года «О регулярных перевыборах Советов и о созыве в установленные сроки съездов Советов» не только подтверждало сроки, установленные Постановлением VIII Всероссийского съезда Советов, но и фиксировало порядок согласования переноса сроков и вводило ответственность за их несоблюдение. Перенос сроков для уездных съездов необходимо было согласовывать с губернскими исполкомами, а губернских съездов — с Президиумом ВЦИК и НКВД, представив «мотивированные соображения о необходимости отсрочки перевыборов»⁷. Как показывают данные Наркомата внутренних дел, с 1918 по 1920 годы выборы преимущественно проводились с периодичностью раз в полгода.

Ситуация с периодичностью выборов изменилась в 1921 году. На IX Всероссийском съезде Советов обсуждался вопрос о хаосе со сроками и периодичностью советов и съездов всех уровней, в итоге было принято решение унифицировать периодичность избирательных кампаний в стране. В постановлении ВЦИК от 31 декабря 1921 года «О советском строительстве» устанавливалась единая периодичность проведения съездов, все очередные съезды, а также перевыборы городских, поселковых и сельских Советов должны были проводиться один раз в год⁸.

С 1922 года сроки проведения выборов стали едиными для всей страны. В ходе избирательной кампании, которая должна была проводиться с 1 ноября по 15 декабря, избирались сельские, городские советы, съезды и исполкомы всех уровней⁹. В 1922 году эти сроки были закреплены в положениях о во-

⁵ Постановление VII Всероссийского Съезда Советов от 12.12.1919 «О советском строительстве» // СУ РСФСР. № 64. Ст. 578.

⁶ Постановление VIII Всероссийского Съезда Советов от 23.12.1920 «О советском строительстве» // СУ РСФСР. 1921. № 1. Ст. 1.

⁷ Циркулярное постановление Президиума ВЦИК от 8 февраля 1921 г. «О регулярных перевыборах Советов и о созыве в установленные сроки Съездов Советов» // СУ РСФСР. 1921. № 11. Ст. 72.

⁸ Постановление ВЦИК от 31.12.1921 «О советском строительстве» // СУ РСФСР. 1922. № 4. ст. 44.

⁹ Постановление IV сессии ВЦИК IX созыва «Положение о губернских съездах советов и губернских исполнительных комитетах» // СУ РСФСР. 1922. № 72–73. Ст. 907.

лостных, уездных и губернских съездах и инструкции о выборах¹⁰. Нормативная ежегодная периодичность продержалась пять кампаний (1922, 1923, 1924, 1925/1926, 1926/1927), далее их стали проводить с периодичностью раз в два или три года (1928/1929, 1930/1931, 1934/1935).

Не менее обсуждаемым вопросом стало время проведения выборов. Вопрос об оптимальных сроках проведения избирательных кампаний имел два аспекта. Первый из них был связан с выбором наиболее благоприятного времени, а второй — с установлением единого срока проведения по всей территории страны. При определении сроков приходилось учитывать несколько моментов. Организация выборов в летний период в сельской местности не требовала специальных помещений; выборные собрания зачастую проводились в поле; высокий абсентеизм крестьян обуславливался занятостью на полевых работах.

В холодный период времени года крестьяне были более свободны, но в деревнях не хватало помещений для проведения избирательных собраний. Накануне кампании 1925/1926 годов Наркомат внутренних дел провел опрос краевых, губернских и частично уездных исполкомов (всего участвовало 209 исполкомов) об оптимальных сроках проведения выборов. Данные опроса показывали, что идеального периода времени для проведения выборов не существовало. Наибольшее число исполкомов (142; 68% от общего числа) высказались за осенний период (сентябрь — ноябрь), мотивировав свои предпочтения «окончанием основных полевых работ»¹¹. За летний период проведения выборов высказались лишь 10 губернских исполкомов, полагавших возможным провести избирательные собрания в период так называемого междупарья, «являвшемся перерывом между полевыми работами»¹². Еще около 40 местных исполкомов высказались за зимний период назначения выборов, поскольку «это наиболее свободное время у крестьян и возвращение уезжавших на отхожие промыслы»¹³.

Центризбирком была вынуждена учитывать и другие моменты при определении времени избирательной кампании. В октябре 1925 года во Всероссийскую Центральную избирательную комиссию обратились Наркомат финансов и Наркомат рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ) РСФСР с просьбой разграничить по времени избирательную кампанию и кампанию по сбору сельскохозяйственного налога и перенести сроки выборов на первые месяцы календарного года (январь — март). По мнению названных ведомств, из-за совпадения сроков проведения двух кампаний сельскохозяйственный налог поступал крайне медленно. Наркомат финансов связывал это с тем, что «перевыборная кампания отвлекает большую часть ответственных и партий-

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. Р-393. Оп. 22. Д.7. Л.1–2; 21–22; 27; 55, 55 (об).

¹¹ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 60. Д. 117. Л. 55.

¹² ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 60. Д. 117. Л. 56.

¹³ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 60. Д. 117. Л. 57.

ных работников на всех уровнях»¹⁴. Также отмечалась «заинтересованность председателей волисполкомов и сельсоветов в их переизбрании, а в некоторых случаях неуверенность в возможности переизбрания приводили к тому, что руководители низового аппарата предпочитали переложить на своих преемников или отложить до конца перевыборной кампании неприятную, а иногда и совсем небезопасную обязанность нажимных операций»¹⁵.

Однако Наркомат внутренних дел, разбиравшийся в ситуации по поручению Президиума ВЦИК, считал опасения Наркомата финансов и НК РКИ бесосновательными, и опрошенные исполкомы полагали вполне допустимым совместить сроки этих кампаний. По мнению НКВД и региональных исполкомов, сроки с 1 сентября по 1 декабря являлись наиболее удобными для проведения выборов¹⁶. Именно эти сроки и были утверждены Постановлением ЦИК СССР от 2 октября 1925 года, однако они не соблюдались. Первыми их стали нарушать центральные органы из-за отсутствия своевременно проведенной подготовки выборов (не были готовы формы отчетности, инструкция о перевыборах и т.д.). Президиум ВЦИК установил другие периоды проведения выборной кампании: с 1 ноября 1925 года по 1 февраля 1926 года¹⁷. В этих временных рамках Центризбирком и предстояло утвердить конкретное время для каждого региона. При этом установленные сроки должны были, во-первых, учитывать просьбы регионов, а во-вторых, выдерживать универсальные сроки проведения выборной кампании. Ожидаемо, начиная с октября 1925 года в Центризбирком, поступало множество запросов из регионов относительно продления или перенесения выборной кампании.

Основная масса запросов региональных исполкомов в Центризбирком о перенесении сроков была связана с климатическими особенностями регионов, несвоевременной подготовкой избирательной кампании и административно-территориальными реформами второй половины 1920-х годов. Первыми в Центризбирком обратились национальные автономные республики и регионы, имевшие значительные климатические особенности: ЦИК Бурят-Монгольской АССР, Сибкрайисполкома, Северо-Кавказского крайисполкома, ЦИК Якутской АССР¹⁸. Так, ЦИК Бурят-Монгольской АССР просила перенести выборы на октябрь, поскольку «огромные территории совершенно не обеспечены такими зданиями, которые бы позволяли вести работу в зимнее время, и таким путем большая часть перевыборных собраний проводится на открытом воздухе. Промыслово-охотничьи районы смогут участвовать только в период до выхода на охоту, что как максимум возможно до 15 октября. О проведении перевыборов в северных районах

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 103. Д. 89. Л. 158.

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 103. Д. 89. Л. 158.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 103. Д. 89. Л. 150.

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 103. Д. 638. Л. 37.

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 105. Д. 140. Л. 89–283.

даже в соответствии с общим планом Бурятии говорить не приходится»¹⁹. Сибкрайисполком просил перенести отчетную кампанию с декабря на январь 1929 года, обосновывая это негативным опытом предыдущих кампаний совпадения выборов с религиозными праздниками: «Опыт показал, что в начале года (с 1 по 15 января) значительную часть избирателей не удастся привлечь на избирательные собрания, т.к. на этот период выпадают религиозные праздники, празднуемые некоторой частью избирателей по новому стилю, а некоторой — по старому стилю»²⁰.

Ходатайства Моссовета, Ленинградского облисполкома, Саратовского, Самарского, Сталинградского, Курского, Тамбовского губисполкомов и ряда других регионов с просьбой о перенесении выборов обосновывались проводившейся административно-территориальной реформой и отсутствием своевременной подготовки к выборам: «Работа по районированию отрывала местные органы от текущих задач по советскому строительству, проведение перевыборов должно оторвать местные советы и исполкомы на три-четыре месяца от текущей работы и ставит под угрозу нормальную работу советов и исполкомов в новых условиях»²¹.

Анализ запросов и ответов на них позволяет сделать вывод, что приоритетом для Центризбиркома стало соблюдение единых сроков кампании, а не региональных особенностей. За исключением труднодоступных местностей (Камчатской губернии, ряда губерний Сибирского края) большинству регионов было отказано в изменении сроков, либо сроки кампании продлены незначительно (до 15 февраля — 1 марта). Центризбирком аргументировала отказы сложностями в подготовке, организации агитации, подведении итогов и так далее²².

В последующие кампании вопрос определения единых сроков проведения выборов также оставался актуальным с той оговоркой, что не обсуждались общие сроки проведения, и единственно возможным периодом проведения выборов считались поздняя осень и зима. Так, в кампанию 1928/1929 годов общие сроки устанавливались Центризбиркомом с таким расчетом, чтобы отчетную кампанию завершить в декабре 1928 года, выборы в сельские советы провести в январе, волостные и районные съезды — в январе и феврале, выборы в городские советы — феврале, уездные, окружные, губернские, краевые, областные и республиканские съезды советов провести в марте 1929 года, а XIV Всероссийский съезд советов созвать в апреле²³.

Несмотря на многочисленные просьбы региональных исполкомов о перенесении сроков избирательных кампаний, Центризбирком стремилась выдерживать линию на проведение выборов в запланированные, установленные

¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп.105. Д. 140. Л. 112–112 (об).

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп.105. Д. 140. Л. 212.

²¹ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп.105. Д. 140. Л. 48–52, 103–104; Д. 142. Л. 96.

²² ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 102. Д. 132. Л. 230–242.

²³ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 105. Д. 140. Л. 5.

единые сроки. Во внимание Центризбиркомом преимущественно принимались просьбы об установлении особых сроков, обусловленные климатическими или национальными особенностями регионов, все ходатайства, связанные с районированием и плохой подготовкой кампании, отклонялись²⁴.

В целом, на протяжении рассматриваемого периода произошло постепенное смещение сроков проведения выборов с ранней осени на конец осени и зиму. В первой половине 1920-х годов (1922, 1923 и 1924 гг.) выборы в сельские и городские советы проводились с сентября по ноябрь, при этом большая часть (более 80% избирательных собраний) была проведена до ноября. В ходе кампаний 1925/1926 и 1926/1927 годов произошло постепенное смещение сроков на позднюю осень и начало зимы (большая часть избирательных собраний была проведена в ноябре — декабре, а в городах — в январе). В кампанию 1928/1929 годов выборы сместились на зимний период, в сельские советы избирались в январе — начале февраля, городские — в феврале и марте. В кампании 1930-х годов выборы также проводились в зимний период, в 1930/1931 годы — январь — март, 1934/1935 годы — декабрь — февраль.

Традиция проводить выборы в зимний период была закреплена и после 1937 года. Выборы 1937 года были назначены на зимний период — 12 декабря, в 1946 году — 10 февраля. В дальнейшем советские выборы стали проводиться в весенний период; с 1950 года выборы назначались на первое или второе воскресенье марта.

Влияли ли сроки проведения избирательных кампаний на явку избирателей? Представленная ниже таблица дает представление об изменении явки городского и сельского населения на выборы в Советы в избирательные кампании с 1922 по 1935 годы.

Избирательная кампания	Явка на выборы в сельские советы	Явка на выборы в городские советы	Время проведения выборов
1922	22,3	36,5	сентябрь — ноябрь
1923	37,2	38,5	сентябрь — ноябрь
1924	41,1	40,5	сентябрь — ноябрь (повторные март — май)
1925/1926	47,3	52,2	октябрь — январь
1926/1927	47,6	59,0	ноябрь — январь
1928/1929	60,7	70,5	январь — март
1930/1931	69,1	78,4	январь — март
1934/1935	82,3	90,3	декабрь — февраль

**Явка избирателей на выборы (от имевших право избирать)
в 1922–1934/1935 годы²⁵**

²⁴ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 105. Д. 140. Л. 113, 104, 283; Д. 142. Л. 98.

²⁵ Таблица составлена по материалам статистических сборников: Избирательная кампания по РСФСР в 1923 году. К XI Всероссийскому съезду советов РСФСР. М.: Издательство НКВД, 1924;

Приведенные в таблице сведения говорят о существовании зависимости периода проведения выборов и явки населения. В первой половине 1920-х годов — в кампании 1922, 1923 и 1924 годов — выборы проводились в начале осени, когда население было занято на сельскохозяйственных работах, явка на выборы в сельские советы была низкой: в пределах 20–40 процентов, в городах — в пределах 35–40 процентов. Смещение сроков выборов на позднюю осень — начало зимы в кампании 1925/1926 и 1926/1927 годов позволило увеличить явку населения, а проведение выборов в зимний период в 1929–1934 годах ее максимально повысило.

Советские функционеры соответствующего профиля внимательно отслеживали эту взаимосвязь. В начале 1920-х годов они не были заинтересованы в высокой явке избирателей, так как выборы проводились в большей степени формально, но после объявления политики «оживления советов» ситуация принципиально изменилась, соответственно, появилась и потребность переноса срока выборов на более удобный период для населения.

Здесь необходимо сделать существенную оговорку, что период проведения выборов был не единственным фактором повышения явки, одновременно с определением наиболее удобных сроков организации выборов властями была проделана значительная работа по совершенствованию условий проведения избирательных собраний — максимально удобного расположения избирательных участков, разукрупнение избирательных участков, поиск вместительных и отапливаемых помещений, совершенствования повестки избирательных собраний. В 1930-е годы существенное влияние на явку стал оказывать административный ресурс, то есть, население, особенно в городах, в полупринудительном порядке заставляли участвовать в избирательных собраниях. Но все же, как признавали советские работники 1920-х годов, период и сроки проведения выборов были одним из решающих факторов повышения явки избирателей. Представляется, что та советская практика и сегодня может быть интересной для определения оптимальных сроков проведения выборов. Притом с учетом того, что, как показывает относительно недавний исторический опыт, ранняя осень — наименее удачный период для проведения выборов.

В заключение отметим, что эксперименты революционного периода становления советского государства завершились принятием взвешенных и рациональных решений о сроках и периодичности проведения выборов. Именно в 1920-е годы были выработаны организационные модели выборов,

Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 годах Ч. 1. Горсоветы, сельские советы, волсезьды, волисполкомы и ревизионные комиссии. М.: Издательство НКВД, 1926; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 году Вып. 1. Выборы в сельские, волостные, районные органы власти. Статистический сборник. М.: Издательство «Власть Советов», 1930; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 году Вып. 2. Выборы в городские Советы. Статистический сборник. М.: Издательство «Власть Советов», 1930; Итоги выборов в советы РСФСР в 1930–1931 годах. Статистический сборник. М.: Всероссийская Центральная избирательная комиссия, 1931; Выборы в Советы в Союзе СССР. 1934–1935 гг. М.: Издательство «Власть Советов» при Президиуме ВЦИК, 1935.

реализовывавшиеся в последующие годы советского периода, во многом сохранившие актуальность в настоящее время.

Список литературы

1. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации. Учебник для вузов / Отв. ред. А.А. Вешняков. М., 2015.
2. Ежукова О.А. К вопросу о возможности переноса единого дня голосования // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 6.
3. Вискулова В.В. Единые дни голосования в России и дополнительные гарантии избирательных прав граждан // Журнал российского права. 2011. № 6.
4. Выдрин И.В. Спорные конструкции в российском законодательстве о выборах // Вопросы управления. 2014. № 5 (30).
5. Троицкая Т.В. Сроки назначения выборов в России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 6 (125).
6. Морозова О.С. Назначение проведения выборов как элемент избирательной инженерии // Фундаментальные исследования. 2014. № 6 (часть 3).
7. Тюков Н.А. Организация и проведение выборов в условиях пандемии COVID-19 // Избирательное законодательство и практика. 2020. № 3.

Э.С. ЮСУБОВ
Г.В. ТУМАНЯН

ОБЩЕСТВЕННОЕ УЧАСТИЕ (ПАРТИСИПАЦИЯ) В ХОДЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ. ИНСТИТУТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ

***Аннотация.** Существующий на сегодня уровень доверия граждан к избирательным процессам и органам власти создает необходимость масштабного и систематического общественного участия в наблюдении за ходом выборов и референдумов. В данной статье описываются результаты анализа институтов наблюдателей и членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса с точки зрения общественного контроля за электоральными процессами. Мы можем прийти к выводу, что обе практики имеют довольно схожие функции и назначение. Эта идея просматривается с порядков назначения граждан до их прав и полномочий. Как правило, члены избирательных комиссий с правом совещательного голоса являются теми же наблюдателями, только с расширенными правами и сильными законодательными гарантиями безопасного осуществления своей деятельности. В рамках исследования предлагается ряд предложений, которые могут повлиять на совершенствование избирательного процесса и существующих институтов общественного контроля за выборами и референдумами.*

***Ключевые слова:** выборы, референдум, общественный контроль, избирательный процесс, законодательство.*

PUBLIC PARTICIPATION (PARTICIPATION) IN THE IMPLEMENTATION OF ELECTORAL PROCESSES. INSTITUTES OF PUBLIC CONTROL

***Abstract.** The current level of citizens' confidence in electoral processes and government bodies creates the need for large-scale and systematic public participation in the observation of elections and referendums. This article describes the results of the analysis of the institutions of observers and members of election commissions with an advisory vote from the point of view of public control over electoral processes. We can come to a conclusion. That both practices have fairly similar functions and purposes. This idea can be seen from the*

ЮСУБОВ Эльман Сулейманович — кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, советник Председателя Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Томск

ТУМАНЯН Гарник Вагинакович — магистрант Национального исследовательского Томского государственного университета, заместитель председателя Молодежной избирательной комиссии Томской области, г. Томск

procedures for appointing citizens to their rights and powers. As a rule, members of election commissions with an advisory vote are the same observers, only with expanded rights and strong legislative guarantees for the normal and safe implementation of their activities. The study proposes a number of proposals that can affect the improvement of the electoral process and the existing institutions of public control over elections and referendums.

Keywords: *elections, referendum, public control, electoral process, legislation.*

К постановке проблемы

Существующий на сегодня уровень доверия граждан к избирательным процессам и органам власти создает необходимость масштабного и систематического общественного участия в наблюдении за ходом выборов и референдумов. Гражданское участие отражается в выполнении функции контроля за ходом электоральных процессов. Можно говорить о существовании двух важнейших форм вовлечения граждан: участие в роли наблюдателя и члена избирательной комиссии с правом совещательного голоса. Данные формы участия являются важнейшими институтами транспарентности [1, с. 79–85], повышают доверие граждан к избирательным процессам [2, с. 104–109] являются гарантом соблюдения избирательных прав граждан [3, с. 104–109]. Несмотря на существующие нормативные противоречия [4, с. 121–130], сложно будет переоценить их важность для развития демократических институтов.

Мы не рассматриваем участие граждан в электоральных процессах в роли членов избирательных комиссий с правом решающего голоса, так как данный формат участия предполагает в большей степени участие гражданина как организатора избирательного процесса, нежели лица его контролирующего. В данном исследовании не рассматривается такая категория, как иностранные (международные) наблюдатели, которые не имеют практически никакого влияния на общественный контроль в Российской Федерации.

Целью данной статьи является формулирование рекомендаций для совершенствования форм общественного участия в вопросе контроля за избирательными процессами. Достижение поставленной цели требует выполнения ряда взаимосвязанных задач, в частности:

- проанализировать существующие формы общественного контроля за избирательными процессами;
- проанализировать нормативно-правовую базу, регламентирующую формы общественного участия;
- проанализировать нормативно-правовую базу, регламентирующую функции общественного участия;
- провести сравнение форм общественного участия в части нормативного наделяния соответствующими полномочиями.

Объектом исследования является общественный контроль, предметом — общественный контроль за электоральными процессами. Для понимания феномена «общественного» или «гражданского» контроля необходимо обратиться к действующему законодательству Российской Федерации и соответствующей научной литературе.

Федеральный закон от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ (ред. от 27.12.2018 г.) «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (далее — Закон об основах общественного контроля) под общественным контролем подразумевает деятельность субъектов общественного контроля, осуществляемую в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений. Важным дополнением является допущение Федеральным законом возможности осуществления общественного контроля не только в формах, перечисленных в настоящем ФЗ, но и в иных формах, устанавливаемых российским законодательством. Изучая описываемый выше нормативно-правовой акт, мы можем прийти к выводу, что общественный контроль на выборах и референдумах по своей форме является процессом общественного мониторинга. Общественный мониторинг, согласно тому же Федеральному закону, организовывается: Общественной палатой Российской Федерации, общественными палатами субъектов Российской Федерации, общественными палатами (совета) муниципальных образований, общественными наблюдательными комиссиями, общественными инспекциями, общественными объединениями и иными негосударственными некоммерческими организациями.

В научной литературе можно найти довольно схожие точки зрения на феномен общественного контроля. Так, можно сказать, что контроль граждан (аккумулирующий разнообразные формы, средства и способы [5, с. 66–69]) за подготовкой и ходом формирования публичной власти, а также определением результатов этого процесса является непосредственной гарантией осуществления подлинно демократических выборов, основанных на свободе и честности процедур на всех стадиях избирательного процесса [6, с. 651–662], его существование является общепризнанным институтом международного права [7, с. 22–30].

Общественный контроль помогает корректировать неточности и нарушения, связанные с отклонением от норм законодательства [8, с. 218–220], причем, в России значение общественного контроля усиливается [9, с. 116–123] в связи с распространенностью данных нарушений [10, с. 119–122]. Несмотря на это, существующее законодательство носит в себе серьезные

ограничения на возможность являться субъектом общественного контроля [11, с. 28–33], тем самым приостанавливая развитие общественного контроля как общественного института.

Права и свободы граждан находятся в сильной зависимости от состоятельности общественного контроля как общественного института [12, с. 17–20]. Требуется повсеместная работа по развитию и распространению данного института гражданского общества, ведь реальный, повседневный, повсеместный и действенный общественный контроль может стать фактором развития гражданского общества [13, с. 51–62].

Сравнение форм общественного контроля

На практике наблюдатели и члены избирательных комиссий с правом совещательного голоса имеют довольно схожие функции и, как правило, занимаются общественным контролем. Возникает необходимость детального сравнения данных категорий.

Деятельность как общественных наблюдателей, так и членов комиссий с правом совещательного голоса регламентируется законодательством. Регулирующие нормы можно найти в Федеральном законе от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 30.04.2021 г.) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — Закон об основных гарантиях) На основании данного закона проведен сравнительный анализ норм, регламентирующих присвоение гражданам соответствующего статуса.

Таблица 1

Сравнение правил назначения граждан на должности общественного контроля

Форма участия	
Наблюдатели	Члены избирательной комиссии с правом совещательного голоса
Кто назначает на выборах	
Зарегистрированный кандидат; Избирательное объединение, выдвинувшее зарегистрированного кандидата и/или зарегистрированных кандидатов; Избирательное объединение, зарегистрировавшее список кандидатов; Субъекты общественного контроля; Иные общественные объединения	Кандидат на выборах; Избирательное объединение, выдвинувшее список кандидатов; Избранные депутаты; Избирательные объединения, допущенные к распределению мандатов

Кто назначает на референдумах	
Инициативная группа по проведению референдума; Политическая партия; Субъект общественного контроля; Зарегистрированный кандидат	Инициативная группа по проведению референдума; Избирательные объединения, списки кандидатов которых были допущены к распределению депутатских мандатов в законодательном (представительном) органе
Кто может быть назначен	
Гражданин Российской Федерации, обладающий активным избирательным правом	Гражданин Российской Федерации, обладающий активным избирательным правом
Ограничения при назначении	
Депутаты; Выборные должностные лица; Главы местных администраций; Высшие должностные лица субъектов Российской Федерации (руководители высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации); Лица, находящиеся в непосредственном подчинении перечисленных выше лиц; Судьи; Прокуроры; Члены избирательных комиссий с правом решающего голоса (за исключением членов избирательных комиссий, полномочия которых были приостановлены)	Лица, не имеющие гражданства Российской Федерации; Граждане Российской Федерации, имеющие иностранное гражданство; Недееспособные или ограниченно дееспособные граждане; Граждане, не достигшие 18 лет; Депутаты; Выборные должностные лица; Главы местных администраций; Судьи; Лица, имеющие неснятую и непогашенную судимость, а также лица, подвергнутые в судебном порядке административному наказанию за нарушение законодательства о выборах и референдумах, — до окончания срока, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию; Сенаторы Российской Федерации; Работники аппаратов комиссий; Доверенные лица кандидатов, избирательных объединений; Лица, замещающие командные должности в воинских частях, военных организациях и учреждениях

Сравнивая списки субъектов, которые имеют право назначать наблюдателей и членов комиссий с правом совещательного голоса, мы можем заметить, что они довольно схожи. Как правило, это — избирательные объединения (с различными оговорками в виде зарегистрированных ими кандидатов, списков кандидатов и т.д.) либо кандидаты на выборах. Наблюдателей может назначать и более широкая группа субъектов, что выражается в наделении таким правом субъектов общественного контроля, перечисленных в Законе об основах общественного контроля, и общественных объединений. Наделение субъектов общественного контроля подобным правом является несомненным достижением на пути к развитию институтов гражданского общества и демократии [14, с. 154–165].

Примечательно, что основное требование для назначения наблюдателей и членов комиссий — это наличие гражданства Российской Федерации и наличие активного избирательного права. Более широким является список ограничений для присвоения гражданам описываемых статусов. Ограничения довольно однородны, но местами отличаются друг от друга. Хотя если существующие ограничения призваны минимизировать вмешательство и влияние на избирательные процессы, то непонятно, с чем могут быть связаны такие различия.

Как говорилось выше, основные требования к назначаемым лицам, это гражданство Российской Федерации (не учитываются международные наблюдатели) и наличие активного избирательного права. Логично, что часть ограничений связана именно с этими факторами. В то же время примечательно, что граждане Российской Федерации, имеющие иностранное гражданство, не могут быть членами комиссий с правом совещательного голоса, но могут назначаться наблюдателями, хотя, если объективно, то обе категории выполняют похожие, почти одинаковые, функции.

Широкая категория лиц, занимающих выборные должности, не может являться наблюдателями или членами комиссии с правом совещательного голоса. В случае назначения наблюдателей присутствует норма, указывающая на то, что не могут быть назначены лица, находящиеся в их прямом подчинении. Такая норма отсутствует в случае назначения членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса. До конца не ясна логика законодателя, ибо получается, что лица, находящиеся в прямом подчинении у лиц, занимающих выборные должности, могут влиять на избирательный процесс будучи наблюдателями, но не могут делать этого будучи членами избирательных комиссий с правом совещательного голоса. Такие же вопросы возникают относительно ограничений на назначение членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса, где перечислены такие категории граждан, как лица, имеющие неснятую и непогашенную судимость, а также лица, подвергнутые в судебном порядке административному наказанию

за нарушение законодательства о выборах и референдумах, — до окончания срока, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию; сенаторы Российской Федерации; работники аппаратов комиссий; доверенные лица кандидатов, избирательных объединений; лица, замещающие командные должности в воинских частях, военных организациях и учреждениях. Было бы логично распространить эти ограничения также на назначение наблюдателей или вовсе пересмотреть ограничительный перечень.

Наблюдателями не могут становиться лица, являющиеся членами избирательных комиссий с правом решающего голоса, но такая норма отсутствует в случае с членами комиссий с правом совещательного голоса. Получается, что члены избирательных комиссий с правом совещательного голоса могут быть назначены наблюдателями и, наоборот, наблюдатели могут быть назначены членами избирательной комиссии с правом совещательного голоса. В таком случае одно лицо может совмещать оба описываемых статуса, быть наблюдателем и членом комиссии с правом совещательного голоса. И при совмещении статусов лицо может совмещать налагаемые на него полномочия. Следовательно, необходимо внести изменения в действующее избирательное законодательство (и обсуждаемый проект избирательного кодекса) и согласовать нормы Закона об основных гарантиях, которые регулируют статус наблюдателя и члена комиссии с правом совещательного голоса.

В целом, если не учитывать описываемые различия, на сегодняшний день мы имеем две очень похожие практики назначения граждан. Ниже рассмотрим полномочия и ограничения для назначенных наблюдателей и членов комиссий с правом совещательного голоса.

Таблица 2

Права и полномочия наблюдателей и членов комиссий с правом совещательного голоса

Форма участия	
Наблюдатели	Члены избирательной комиссии с правом совещательного голоса
Права и полномочия	
Право доступа в помещение избирательной комиссии и помещение для голосования. Право присутствовать при: проведении досрочного голосования; установлении итогов голосования;	Член комиссии с правом совещательного голоса обладает равными правами с членом комиссии с правом решающего голоса по вопросам подготовки и проведения выборов, референдума,

<p>определении результатов выборов; составлении соответствующих протоколов об итогах голосования; о результатах выборов; повторном подсчете голосов избирателей, участников референдума</p>	<p>за исключением права:</p> <ul style="list-style-type: none"> а) выдавать и подписывать бюллетени, открепительные удостоверения; б) участвовать в сортировке, подсчете и погашении бюллетеней; в) составлять протокол об итогах голосования, о результатах выборов, референдума; г) участвовать в голосовании при принятии решения по вопросу, отнесенному к компетенции соответствующей комиссии, и подписывать решения комиссии; д) составлять протоколы об административных правонарушениях
---	---

Просмотрев данные таблицы с выдержками из Закона об основных гарантиях можно прийти к выводу, что функции наблюдателей и членов комиссий с правом совещательного голоса сводятся к контролю и наблюдению. Члены комиссий с правом совещательного голоса обладают всеми правами членов комиссий с правом решающего голоса за исключением прав на действия, которые могут оказывать влияние на избирательный процесс. Членов комиссий с правом совещательного голоса может характеризовать только то, что они, как наблюдатели с расширенными правами, могут осуществлять функции контроля не только во время реализации избирательного процесса, но и (при соблюдении определенных условий) после выборов и референдумов. Дополнительные гарантии (на функцию контроля за ходом избирательного процесса) членам избирательных комиссий с правом совещательного голоса дает положение с гарантией права присутствовать при совершении действий, указанных выше в таблице (п. 22 ст. 29).

Наблюдательный характер функционирования членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса подкрепляется пунктом 23 статьи 29 Закона об основных гарантиях, который устанавливает право на ознакомление с различными вопросами, связанными с организацией выборов, и право на ознакомление с документацией и материалами выборов.

Несмотря на большое сходство прав, полномочий и функций наблюдателей и членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса, последние имеют ряд привилегий при реализации своей деятельности.

Законодательные гарантии реализации контрольной деятельности

Форма участия	
Наблюдатели	Члены избирательной комиссии с правом совещательного голоса
Законодательные гарантии совмещения общественной деятельности с трудовой деятельностью	
Нет	В период избирательной кампании, кампании референдума не могут быть уволены с работы по инициативе работодателя или без их согласия переведены на другую работу
Разрешается ли удалять с помещения для голосования	
Нет	Нет
Наличие возможности продолжать деятельность после выборов	
Отсутствует	Присутствует. В случае избрания кандидата или допуска избирательного объединения к распределению мандатов законодательного (представительного) органа власти

Из таблицы № 3 видно, что члены избирательных комиссий с правом совещательного голоса обладают большим количеством гарантий беспрепятственного осуществления своей деятельности. При рассмотрении приведенных различий возникают вопросы относительно создания государством условий для вовлечения граждан в избирательные процессы. Государство дает гарантии совмещения общественной деятельности с трудовой деятельностью членам избирательных комиссий с правом совещательного голоса (данные гарантии имеют также члены избирательных комиссий с правом решающего голоса), но таких гарантий лишены наблюдатели. Отсутствие данного положения можно рассматривать как деструктивный фактор для развития институтов общественного контроля. При всем желании принять участие в избирательном процессе в роли наблюдателя гражданин может столкнуться с возможными негативными последствиями на месте постоянной работы или службы. Именно по этой причине большинство наблюдателей на избирательных процессах — это студенты¹. Данное обстоятельство также может иметь негативное влияние на развитие института выборов в целом.

¹ Большинство общественных наблюдателей — это студенты нижегородских вузов <https://opno52.ru/page7220576.html> (дата обращения: 25.03.2021).

Молодое поколение, которое из года в год (в период обучения) участвовало на выборах не только как избиратель, реализуя свое активное избирательное право, но и проявляло гражданскую активность и сознательность, действуя в роли наблюдателя, после окончания обучения и трудоустройства не получает гарантии совмещения трудовой деятельности с общественной. Логично, что в отсутствие законодательных гарантий большинство представителей молодежи не будет рисковать своей работой ради реализации общественной деятельности.

Другое ограничение связано с отсутствием возможности заниматься общественной деятельностью после окончания избирательного процесса. Оно касается наблюдателей и членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса, чьи кандидаты не были избраны или избирательные объединения не были допущены к распределению мандатов в законодательном (представительном) органе власти соответствующего уровня. Вполне логично, что допуск перечисленных категорий граждан к деятельности избирательных комиссий очень важен для осуществления реального и эффективного процесса общественного контроля. Ведь нарушения в сфере избирательного права и процесса могут реализоваться не только в период проведения выборов и референдумов, — их подготовка может вестись также в предвыборные периоды. Наделение всех категорий наблюдателей и членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса возможностью принимать участие в наблюдении и контроле в поствыборный период может иметь положительное влияние как на общественное мнение, так и на честность и открытость избирательного процесса.

Единственной гарантией осуществления деятельности по общественному контролю и у наблюдателей, и у членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса является положение о запрете их удаления с территории избирательных участков. Мы можем прийти к выводу, что единственным преимуществом наблюдателей в вопросе эффективности осуществления деятельности по общественному контролю является возможность поочередного осуществления полномочий совместно со сменщиком в день голосования. Ведь при нахождении на территории избирательного участка с раннего утра до позднего вечера логично, что гражданин может потерять бдительность и внимательность, а к концу дня может ставиться под сомнение его работоспособность и объективность.

Существуют вопросы, которые, на наш взгляд, должны присутствовать в соответствующих нормативно-правовых актах. Деятельность, направленная на предотвращение нарушений на выборах, требует определенных знаний законодательства о выборах и референдумах [15, с. 69–75]. На наш взгляд, не всегда уровень знаний (в избирательной сфере) наблюдателей и членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса соответствует

необходимому уровню осуществления прозрачных выборов. Благодаря этому объективность и эффективность их участия в избирательных процессах вызывает вопросы. Было бы логично нормативное закрепление положения о необходимости сдачи определенных экзаменов для допуска к процессам контроля и наблюдения. Разумеется, мы исключим одну часть граждан от участия в избирательных процессах в связи с низким уровнем знаний, необходимых для осуществления контрольной деятельности, другую часть — по причине отсутствия интереса к общественному участию.

Не секрет, что граждане, осуществляющие деятельность в роли наблюдателя или члена избирательной комиссии с правом совещательного голоса, получают за это соответствующее вознаграждение и зачастую осуществляют свою деятельность в большей степени не из общественных побуждений, а ради получения определенных выплат. По причине закрепления норм об обязательном минимуме знаний мы все же теряем некоторое количество граждан, ранее осуществляющих контрольные полномочия. Но подобная мера в первую очередь улучшит качество общественного контроля, отсекая от участия незаинтересованных граждан. Введение подобной нормы в практику требует тщательной подготовки и поэтапного внедрения, которое смягчит удар от потери определенного количества участников общественного контроля, но несомненно повысит его уровень. Кроме того, существуют исследования, подтверждающие негативное влияние некоторых некоммерческих организаций, занимающихся обучением наблюдателей, на развитие демократии в Российской Федерации [16, с. 55–72]. По нашему мнению, требуется строгая регламентация деятельности подобных организаций, целью которой может являться повышение как качества знаний участников избирательного процесса, так и демократической культуры в целом.

Другой инициативой является распространение положений пункта 18 статьи 29 (член любой комиссии на территории субъекта Российской Федерации не может быть привлечен к ответственности без согласия прокурора субъекта Российской Федерации, а председатель избирательной комиссии субъекта Российской Федерации и член ЦИК России — без согласия Генерального прокурора Российской Федерации) Закона об основных гарантиях на наблюдателей и членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса в период подготовки и проведения выборов и референдумов. Закрепление соответствующего положения является логичным и закономерным шагом для обеспечения независимости избирательного процесса. Также предлагается распространить данное положение на членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса, которые продолжают свою деятельность (в случае избрания кандидата либо допуска избирательного объединения к распределению мандатов) в избирательной комиссии соответствующего уровня до начала следующих выборов.

Заключение

Рассмотрев положения о наблюдателях и членах избирательных комиссий с правом совещательного голоса можно констатировать большую схожесть обеих практик. Данная идея отражается при анализе их функций, прав и полномочий, которые прямо указывают на реализацию гражданами общественного контроля и наблюдения. Как правило, члены избирательных комиссий с правом совещательного голоса являются теми же наблюдателями, только с расширенными правами и сильными законодательными гарантиями нормального и безопасного осуществления своей деятельности. Учитывая все сказанное выше, мы можем поставить под сомнение практику разделения общественного контроля во время избирательных процессов на две группы (наблюдатели и члены избирательных комиссий с правом совещательного голоса). Для развития институтов общественного контроля и совершенствования избирательных процессов, требуется широкое реформирование существующих практик вовлечения граждан в избирательный процесс.

Список литературы

1. Емелин М.Ю., Николаев Б.В. Статус наблюдателей в избирательном праве Российской Федерации и США // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. № 3.
2. Добрыднева Д.В. Наблюдатель как один из субъектов избирательного процесса // Ученые записки Тамбовского отделения РoСМУ. 2018. № 10.
3. Егорова А.Л. Институт наблюдателей на выборах как фактор легитимации власти в современной России // Управленческое консультирование. 2019. № 5. DOI: 10.22394/1726-1139-2019-5-121-130.
4. Троицкая Т.В. К вопросу о формах участия граждан Российской Федерации в выборах // Economic Consultant. 2013. № 3.
5. Михеев Д.С. К вопросу о формах общественного контроля // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2018. № 1.
6. Бердникова Е.В. Роль общественного контроля в обеспечении демократических выборов в Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2014. № 4.
7. Казаков В.Н., Евсиков К.С., Беляткина К.А. Институт общественного контроля в Российской Федерации как элемент гражданского общества // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 3.
8. Декало Д.О. Проблемы законодательства Российской Федерации в сфере общественного контроля // Молодой ученый. 2018. № 22.
9. Носков А.П. Общественный контроль как форма взаимодействия общества и государства: политико-правовые основы // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. № 2/1.

10. Кессиди М.А., Лоскутов Н.В. Проблемы организации общественного контроля в Российской Федерации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 2–1. DOI: 10.24411/2411-0450-2020-10100.
11. Забайкалов А.П. О расширении состава субъектов общественного контроля как гарантии конституционного права граждан на участие в управлении делами государства // Юридическая наука. 2018. № 1.
12. Афанасьева А.А., Лоскутов Н.В. Организация взаимодействия органов власти со средствами массовой информации // В сборнике: «Новая наука: новые вызовы». Материалы X Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2019.
13. Огнева Е.А. Общественный контроль как фактор развития гражданского общества // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2019. № 2.
14. Григоревский В.А. Правовые проблемы назначения наблюдателей на выборах // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 3.
15. Самарина М.Н. Наблюдатель как один из субъектов избирательного процесса в РФ // Диалог. 2016. № 1.
16. Скокова Ю.А. Движение наблюдателей на выборах в России: роль НКО как «школы демократии» // Социологический журнал. 2016. № 2. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.2.4259>.

П.В. ДАНИЛИН
В.Н. ДАНИЛОВ

МНОГОДНЕВНОЕ ГОЛОСОВАНИЕ: МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАКТИКА И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

***Аннотация.** В статье анализируется опыт применения многодневного голосования на региональных выборах и общенациональном голосовании в Российской Федерации в 2020 году. Применение многодневного голосования было вызвано необходимостью обеспечения безопасности граждан во время посещения избирательных участков. Описывается международная практика применения многодневного голосования за рубежом в 2020 и 2021 годах в связи с пандемией Covid-19. На основе данных социологических опросов анализируется отношение различных групп российских избирателей к многодневному голосованию.*

***Ключевые слова:** выборы, многодневное голосование, Центральная избирательная комиссия, Covid-19, безопасность*

MULTI-DAY VOTING: INTERNATIONAL PRACTICE AND RUSSIAN EXPERIENCE

***Abstract.** The article analyzes applying of multi-day voting in regional elections and national voting in the Russian Federation in 2020. The application of multiday voting was prompted by the need to ensure the safety of citizens during visits to polling stations. We describe the international practice of multiple-day voting in 2020 and 2021 in connection with the Covid-19 pandemic. The attitudes of various groups of Russian voters toward multiday voting are analyzed on the basis of sociological survey data.*

***Keywords:** elections, multi-day voting, Covid-19, safety, Central Election Commission*

Пандемия вируса Covid-19 драматическим образом вторглась в повседневную жизнь граждан всех государств и нанесла удар по целым секторам экономики и перегрузила национальные системы здравоохранения. Одновременно она поставила серьезные вопросы относительно сохранения норм реализации демократических процедур: насколько адекватным является проведение выборов в чрезвычайных условиях; оправдывают ли отмену существующего порядка голосования на выборах, особенно крупных и предполагающих личный визит гражданина к месту голосования, риски

ДАНИЛИН Павел Викторович — руководитель Центра политического анализа, г. Москва

ДАНИЛОВ Вячеслав Николаевич — политолог, кандидат философских наук, доцент кафедры философской антропологии Философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва

заражения; нужно ли менять формат голосования или проще переносить выборы; и если переносить, то каков критерий эпидемиологической нормы, когда голосование можно было бы считать безопасным; и так далее [1].

Эти, как и многие другие, вопросы встали на повестку национальных институтов, ответственных за проведение выборов в каждой стране. Российский ответ на «электоральный вызов» пандемии оказался гибридным. Внеплановое голосование по поправкам в Конституцию страны было перенесено с исходной даты на период, который, как прогнозировалось, мог быть отмеченным минимальным числом ежедневно инфицированных — на середину лета 2020 года. ЦИК России пошла на эксперимент, расширив окно для голосования с одного светового дня до недели. Этот опыт был признан в целом успешным и с корректировкой ширины «окна» до трех дней. Многодневное голосование было также использовано на выборах единого дня голосования (ЕДГ) в сентябре 2020 года.

Многодневное голосование в единый день голосования в 2021 году и пандемия

Организаторы выборов в России пытаются сделать все, чтобы процедура выборов и в предстоящий единый день голосования прошла максимально безопасно для граждан. 18 июня 2021 года, на следующий день после того, как Президент Российской Федерации подписал Указ о назначении выборов в Государственную Думу, председатель ЦИК России Э.А. Памфилова сообщила, что выборы пройдут в течение трех дней — с 17 по 19 сентября. Такое право Центральная избирательная комиссия Российской Федерации получила после того, как 31 июля 2020 года был принят закон о многодневном голосовании. В соответствии с данным законом, избирательные комиссии, организующие выборы на своем уровне, имеют право принимать решение о проведении голосования в течение нескольких дней подряд, но не более трех. Если избирательная комиссия проводит многодневное голосование, то такие опции, как досрочное голосование или голосование с помощью открепительных удостоверений, становятся недоступны.

В «Положении об особенностях голосования, установления итогов голосования при проведении голосования на выборах, референдумах, назначенных на 19 сентября 2021 года, в течение нескольких дней подряд» говорится, что будут применены две основных формы голосования: в предназначенном для этого помещении и на дому. Комиссии будут работать с 8 до 20 часов. С целью недопущения манипуляций и использования административного ресурса исключается голосование на предприятиях непрерывного цикла [2].

Голосование 17 и 18 сентября 2021 года будет проводиться также с использованием дополнительной возможности голосования, обеспечивающей волеизъявление групп избирателей, проживающих в населенных пунктах и иных местах, в которых затруднено транспортное сообщение и отсутствуют

помещения для голосования. Избирательные участки и адреса (описания мест) проведения такого голосования определяются территориальными избирательными комиссиями не позднее 10 сентября 2021 года.

По словам главы ЦИК России, «основная задача — сохранить здоровье наших граждан. Именно поэтому и было принято решение о трехдневном голосовании. При работе над Положением об особенностях голосования в течение нескольких дней подряд мы провели серьезные консультации с представителями экспертного сообщества, политических партий, общественных движений и учли предложения, которые расширят возможности избирателей. Получился максимально простой, конкретный и понятный документ, исключающий двойное толкование».

Решение о проведении многодневного голосования было основано на рекомендациях Роспотребнадзора. Также ЦИК России утвердила дополнительное выделение средств федерального бюджета на мероприятия по соблюдению санитарно-эпидемиологической безопасности при проведении выборов¹.

Жители ряда регионов смогут проголосовать дистанционно. Эту возможность получают избиратели в Курской, Мурманской, Нижегородской, Ростовской, Ярославской областях, а также городах Москва и Севастополь.

Основная причина проведения многодневного голосования зафиксирована достаточно однозначно, — это необходимость обеспечения здоровья и безопасности голосующих. Причина довольно веская. Тем более, что цифры по заболеваемости за сто дней до ЕДГ-2021 не вызывали оптимизма. Если ознакомиться со статистикой инфицирования в мае — сентябре 2020 года, то нетрудно заметить, что после 290 тысяч зараженных в мае, июнь показал снижение до 230 тысяч, июль — до 185 тысяч, август — до 150 тысяч; и лишь в сентябре снова начался рост (175 тыс.). Всего за май 2020 года было зафиксировано 3 тысячи смертельных случаев. В мае 2021 года число зараженных оказалось чуть ниже, чем в 2020 году (257 тыс. случаев), однако смертность была почти вчетверо выше (11 тыс. случаев). Что касается июня 2021 года, то он показал резкий рост, а не снижение показателей инфицированных, и по итогам месяца заболевших оказалось более 433 тысяч человек. Смертность составила 13,5 тысячи человек. Экстраполяции и сравнения с 2020 годом оказались не вполне корректны, а значит, прогнозировать на основании аналогии с 2020 годом организаторы выборов не могли. И в целях обеспечения психологического комфорта голосующих, а также безопасности их здоровью, применение многодневного голосования было сочтено неизбежным.

При этом ряд критиков-оптимистов решения по многодневному голосованию апеллировали к вакцинации населения: надежды возлагались

¹ Элла Памфилова представила положение об особенностях голосования в течение нескольких дней. Официальный сайт Центральной избирательной комиссии РФ. 1.07.2021. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cikrf.ru/news/cec/49550/> (дата обращения: 30.06.2021).

на высокие темпы вакцинации, чтобы процентная доля вакцинировавшихся приблизилась к плановой отметке в 60 процентов. Однако, несмотря даже не существенное ускорение прививочной кампании, на 20 июня число вакцинированных в России составило 19,6 млн человек (13,4%)². Расчеты показали, что при темпах вакцинации в 150 тысяч человек в день до вакцинации 50 процентов населения страны пройдет год. А для вакцинации 60 процентов взрослого населения потребуется более 300 дней. При этом за скобками этих расчетов оставались вопросы о необходимости ревакцинации через полгода.

Пандемия и многодневное голосование в мире

Максимальная безопасность — вот что должно приниматься во внимание при проведении выборов в чрезвычайных условиях, вызванных пандемией. В прошлом году организаторы выборов в самых разных странах столкнулись с тем, что пришлось переносить избирательные кампании, запланированные на весну. Так, были перенесены парламентские выборы в Македонии, Сирии, Шри-Ланке, Сербии, Турецком Кипре, Казахстане и Боливии. Отложены президентские выборы в Боливии и Польше. На более поздний срок были отнесены референдум в Чили и общероссийское голосование в России. В 2020 году в следующих странах были отложены или перенесены выборы из-за пандемии³:

Таблица 1

Страна	Вид выборов	Плановая дата проведения	Статус
Македония	Парламентские	12 апреля	Перенесены
Сирия	Парламентские	13 апреля	Перенесены
Россия	Общероссийское голосование	22 апреля	Перенесены
Шри-Ланка	Парламентские	25 апреля	Перенесены
Сербия	Парламентские	26 апреля	Перенесены
Чили	Референдум	26 апреля	Перенесены
Турецкая республика Северного Кипра	Парламентские	26 апреля	Перенесены
Казахстан	Парламентские	30 апреля	Перенесены
Боливия	Президентские и парламентские	3 мая	Перенесены
Польша	Президентские	10 мая	Перенесены

² Статистика вакцинации от коронавируса. GOGOV.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://gogov.ru/articles/covid-v-stats> (дата обращения: 30.06.2021).

³ Worldwide Elections — 2020. GlobalSecurity.org [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globalsecurity.org/military/world/elections-2020.htm> (дата обращения: 30.06.2021).

Среди упомянутых наиболее интересен случай Чили, где запланированный на 26 апреля референдум был перенесен на 25 октября. Однако по итогам референдума изначально планировалось на ту же дату провести и выборы в Национальный конгресс. Естественно, с переносом даты референдума съехала и дата выборов в конгресс. Сперва их перенесли на март 2021 года⁴. Однако в марте, учитывая эпидемиологическую ситуацию, было решено выборы не проводить. Их снова перенесли, уже на апрель, расширив возможность голосования до двух дней с целью снижения опасности заражения. Но и в апреле выборы не состоялись. Их опять-таки перенесли на 15–16 мая. И получается, что Национальный конгресс Чили избрали только с четвертой попытки. Все это было сделано для того, чтобы добиться адекватной явки населения, озабоченного вопросами безопасности здоровья. Явка, кстати, в Чили была на уровне в 41 процент. А заболеваемость коронавирусом в Чили все это время находилась на довольно высоком уровне (страна занимает 22 место в мире по числу заболевших коронавирусом⁵).

На примере Чили мы видим, что не только Россия, но и некоторые другие страны поворачиваются лицом к многодневному голосованию⁶. За последние годы опыт многодневного голосования уже использовался рядом стран, которые, правда, преследовали иные цели, нежели безопасность. Например, таким образом пытались увеличить явку и политическое участие граждан. Но с 2020 года использование многодневного голосования стало средством обеспечения безопасности голосующих (что косвенно тоже влияет на явку).

Опыт многодневного голосования использовался в Нидерландах, где с 15 по 17 марта 2021 года проходили выборы членов Палаты представителей. Изначально выборы должны были состояться в один день, 17 марта, но из-за карантинных ограничений правительство решило проводить голосование в течение трех дней⁷.

В Чехии в течение двух дней будет проходить голосование по выборам Палаты депутатов Чешского парламента (с 8 по 9 октября 2021 года)⁸. Чехия вообще является давним и последовательным сторонником многодневного голосования. К примеру, выборы президента Чехии в 2018 году проводились 12–13 января (первый тур голосования) и 26–27 января (второй тур).

⁴ 2021 Chilean Constitutional Convention election. Википедия [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/2021_Chilean_Constitutional_Convention_election (дата обращения: 30.06.2021).

⁵ Статистика коронавируса в мире. GOGOV.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://gogov.ru/covid-19/world> (дата обращения: 01.07.2021).

⁶ По нашему мнению, многодневное голосование со всеми издержками, связанными с организацией и наблюдением, все же куда честнее и прозрачнее, чем голосование по почте (США, Австралия, Польша), открывающее определенное пространство для манипуляций и фальсификаций, а также вызывающее недоверие у ряда граждан.

⁷ 2021 Dutch general election. Википедия [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/2021_Dutch_general_election (дата обращения: 30.06.2021).

⁸ 2021 Czech legislative election. Википедия [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/2021_Czech_legislative_election (дата обращения: 30.06.2021).

В Новой Зеландии в 2015 и 2016 годах проводились референдумы о государственном флаге страны. Первый длился чуть менее месяца — с 20 ноября по 11 декабря 2015 года. Второй продолжался три недели с 3 по 24 марта 2016 года. Для утверждения результата необходима была явка более половины зарегистрированных избирателей. Так как в первом варианте референдума отсутствовал старый флаг, явку даже в течение 21 дня не удалось поднять до требуемой планки (48,78%). Вторым референдумом, на котором старый флаг Новой Зеландии появился в качестве одной из опций для голосования, явка составила 67,78 процента голосов. Победу одержал как раз старый национальный флаг⁹.

Через год в соседней Австралии в течение двух месяцев проводился референдум о регистрации однополых браков: с 12 сентября по 7 ноября 2017 года. Голосование проводилось по почте. По сути, это был формат многодневного дистанционного голосования. В ходе референдума 61,6 процента голосовавших ответили согласием на предложение легализовать однополые браки, 38,4 процента выступили против. Явка составила 79,5 процента избирателей¹⁰.

Есть пример, когда расширение практики многодневного голосования могло бы привести к принятию судьбоносного решения. Речь идет о Румынии, где в 2018 году в течение двух дней проходил референдум о внесении определения понятия «семья» в конституцию страны. С 6 по 7 октября избиратели голосовали за запрещение однополых браков. Однако явка составила лишь 21,1 процента голосов при необходимых 30 процентах. При этом «за» проголосовали 3,5 млн человек, (93,4%) а «против» — всего лишь около четверти миллиона (6,6%). Очевидно, что если бы многодневное голосование было расширено до недели, порог явки удалось бы преодолеть, избиратели не потеряли бы свои голоса, а референдум состоялся¹¹.

Еще один случай, когда многодневное голосование повлияло на политический расклад в стране. Республика Сейшельские Острова в 2016 году с 8 по 10 сентября выбирала парламент в течение трех дней. Победителем стал Демократический альянс, получивший 19 мандатов. Впервые с 1979 года Народная партия осталась без большинства мандатов¹².

В Египте многодневное голосование применялось на президентских выборах в 2018 году. Египтяне, находящиеся за границей, могли проголосовать с 16 по 18 марта, а граждане внутри страны — с 26 по 28 марта. Президентом стал Абдул-Фаттах Халил Ас-Сиси, набравший 97 процентов голосов. Его

⁹ 2015–2016 New Zealand flag referendums. Википедия [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/2015–2016_New_Zealand_flag_referendums (дата обращения: 30.06.2021).

¹⁰ Australian Marriage Law Postal Survey. Википедия [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Australian_Marriage_Law_Postal_Survey (дата обращения: 30.06.2021).

¹¹ 2018 Romanian constitutional referendum. Википедия [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/2018_Romanian_constitutional_referendum (дата обращения: 30.06.2021).

¹² 2016 Seychellois parliamentary election. Википедия [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/2016_Seychellois_parliamentary_election (дата обращения: 30.06.2021).

оппонент, Мусса Мустафа Мусса, получил менее 3 процентов. При этом, явка составила 41 процент электората¹³. Год спустя в Египте прошел конституционный референдум. Голосование проводилось в течение трех дней с 20 апреля 2019 года по 22 апреля 2019 года. За поправку, разрешающую президенту Ас-Сиси баллотироваться на пост президента, проголосовали 88,8 процента избирателей при явке 44 процента¹⁴.

Вышеприведенные примеры иллюстрируют применение многодневного голосования как полноценный формат волеизъявления граждан. Но есть и иные примеры, когда многодневное голосование используется частично на отдельных группах избирателей или для тех или иных способов голосования. В Монголии при проведении 26 июня 2013 года очередных президентских выборов только избиратели за рубежом могли принять участие в голосовании в период с 14 по 16 июня, то есть в течение трех календарных дней¹⁵.

Как уже говорилось выше, в 2020 году многие выборы были отменены или перенесены. Особенно это касается избирательных кампаний, даты которых пришлись на апрель и начало мая. Среди государств, которые проводили выборы в 2020 году, выделяются страны, избравшие стратегию растягивания голосования на несколько дней с целью снизить риски заражения коронавирусной инфекцией.

2–3 октября 2020 года в Чехии проходили муниципальные выборы во всех 13 регионах страны, кроме Праги¹⁶. Двухдневное голосование сопровождалось и другими мерами по повышению безопасности голосующих. В частности, избирателям была предоставлена возможность проголосовать из личного авто на специальном участке. Однако многодневное голосование стало средством для предотвращения очередей на избирательных участках. В те же дни в Чехии прошел первый тур выборов в сенат (верхнюю палату парламента); второй тур этих выборов состоялся через неделю и также прошел в течение двух дней (9–10 октября)¹⁷.

В Италии осенью 2020 года также в течение двух дней (20–21 сентября) проводились региональные выборы в Валле-д’Аоста, Кампании, Лигурии, Марке, Апулии, Тоскане и Венето. Благодаря двухдневному голосованию, а также совмещению выборов с конституционным референдумом, явка оказалась довольно высокой. В Лигурии — 53,5 процента, в Кампании — 55,5,

¹³ 2018 Egyptian presidential election. Википедия [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/2018_Egyptian_presidential_election (дата обращения: 30.06.2021).

¹⁴ 2019 Egyptian constitutional referendum. Википедия [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/2019_Egyptian_constitutional_referendum (дата обращения: 30.06.2021).

¹⁵ Presidential Election Timetable. Mongolia Focus, 29.04.2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://blogs.ubc.ca/mongolia/2013/presidential-election-timetable/> (дата обращения: 6.07.2021).

¹⁶ 2020 Czech regional elections. Википедия [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/2020_Czech_regional_elections (дата обращения: 30.06.2021).

¹⁷ 2020 Czech Senate election. Википедия [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/2020_Czech_Senate_election (дата обращения: 6.07.2021).

в Апулии — 56,4, в Марке — 59,7, в Венето — 61,1, в Тоскане — 62,6 процента¹⁸. Выборы прошли одновременно с конституционным референдумом, явка на котором была откровенно ниже, хотя он проходил в те же два дня (51,1%). Итальянцы голосовали за сокращение численности депутатов парламента с 630 до 400 человек. Поддержали это предложение 69,96 процента граждан из числа проголосовавших. Заметим, что референдум изначально должен был пройти 29 марта 2020 года, но был отложен из-за пандемии коронавируса¹⁹.

Дважды в 2020 году откладывались выборы президента и парламента в автономном регионе Бугенвиль (Папуа — Новая Гвинея). Выборы должны были состояться в мае, но из-за пандемии их перенесли на июнь, а затем и на август. В августе избиратели голосовали в течение 20 дней с 12 августа по 1 сентября. Стоит отметить высокую явку: из 250 тысяч общего населения Бугенвиля за нового президента проголосовало почти 50 тысяч избирателей (48 766), а за его конкурента — 30 600²⁰.

На Сейшельских островах в течение трех дней (22–24 октября) проходили выборы президента и Национального собрания²¹. В течение двух дней (24–25 октября) проводились парламентские выборы в Египте в первом туре, и с 7 по 8 ноября во втором туре²².

Таким образом, опыт многодневного голосования признан успешным и уже входит в мировую практику организации выборов. Избиратели чувствуют себя безопаснее, увереннее и более защищенными, что способствует повышению явки и расширению политического участия граждан в деятельности государства.

Российский опыт многодневного голосования

Несмотря на то, что практика многодневного голосования является относительно новой в России, прецеденты ее применения уже имели место. Еще выборы в Учредительное собрание в 1917 году проходили не в один день. В новейшей истории России также имелся аналогичный прецедент. В частности, в 1994 году выборы депутатов Городского собрания Санкт-Петербурга проходили в течение двух дней — в воскресенье, 20 марта, и в понедельник, 21 марта [3].

Еще одной формой де-факто многодневного голосования было досрочное голосование. Норма эта неоднократно критиковалась и представителями

¹⁸ 2020 Italian regional elections. Википедия [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/2020_Italian_regional_elections (дата обращения: 30.06.2021).

¹⁹ 2020 Italian constitutional referendum. Википедия [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/2020_Italian_constitutional_referendum (дата обращения: 30.06.2021).

²⁰ 2020 Bougainvillean general election. Википедия [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/2020_Bougainvillean_general_election (дата обращения: 30.06.2021).

²¹ 2020 Seychellois general election. Википедия [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/2020_Seychellois_general_election (дата обращения: 30.06.2021).

²² 2020 Egyptian parliamentary election. Википедия [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/2020_Egyptian_parliamentary_election (дата обращения: 30.06.2021).

оппозиции, и членами ЦИК России как уязвимая для фальсификаций избирательная практика. В результате досрочное голосование на федеральных выборах с 2018 года было упразднено²³, что усложнило для многих граждан возможность волеизъявления (ведь голосовать можно только в определенный день).

Масштабное общероссийское многодневное голосование впервые было применено в России в ходе голосования по поправкам в Конституцию страны в июне—июле 2020 года. В связи с нынешней пандемией для обеспечения безопасности процедуры голосования по рекомендации Роспотребнадзора были приняты особые противоэпидемиологические мероприятия. Одной из мер стало продленное голосование. С 25 по 30 июня проходило так называемое *голосование до дня голосования*, которое помогло снизить число голосующих граждан, одновременно присутствующих на участке. По прогнозам ЦИК России, количество голосующих на участке не должно было превышать 8–12 человек в час. Для безопасности перед входом на избирательный участок у граждан измерялась температура тела, участки были обеспечены одноразовыми масками и перчатками, санитайзерами, одноразовыми ручками, дезинфицирующими ковриками, а также разметкой социальной дистанции.

Голосование проходило беспрецедентным образом: граждане имели возможность проголосовать в течение семи дней, причем как на участке, так и вне помещения для голосования. Были организованы отдельные участки на придомовых территориях. Противники поправок язвительно окрестили его «голосованием на пеньках» (скандальные фото с участками на пнях активно распространялись в Интернете)²⁴. Согласно результатам проверки ЦИК России, такие участки действительно были, но их было всего три²⁵.

Явка по дням распределилась примерно равномерно. На 25 июня, в первый день голосования, уже более 10 млн человек выразили свое мнение о поправках в Конституцию. Явка составила 9,2 процента. Количество проголосовавших граждан на общероссийском голосовании по состоянию на конец дня 26 июня составило уже 21 млн 171 тыс. 137 человек. На 28 июня явка на всероссийское голосование по поправкам в Конституцию, включая дистанционное голосование, составила 28,46 процента. Всего проголосовали 30,9 миллиона человек, из них 903 тысячи — на электронном голосовании. Число граждан, проголосовавших 28 июня 2020 года, с учетом дистанцион-

²³ Госдума отменила открепительные удостоверения на выборах. ТАСС, 24.05.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/4276620> (дата обращения: 30.06.2021).

²⁴ Пейоратив попал и в язык официальных лиц. См. напр.: «Председатель ЦИК РФ Элла Памфилова подтвердила, что в будущем форма голосования на придомовых территориях, которое Центризбирком образно называет «голосованием на пеньках», применяться не будет» (Памфилова подтвердила, что ЦИК не намерен больше использовать «голосование на пеньках». ТАСС, 24.12.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/10345875>. (дата обращения: 27.06.2021)).

²⁵ ЦИК провела «масштабное расследование» о голосовании на трех пеньках. РБК, 14.09.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/14/09/2020/5f5f50fb9a7947d333b846b0> (дата обращения: 27.06.2021).

ного электронного голосования — 40 415 883, явка составила 37,2 процента от числа зарегистрированных избирателей. На вечер 29 июня, на территории страны проголосовали 49 649 010 граждан при общей явке 45,7 процента.

В целом явка избирателей на общероссийском голосовании по закону о поправке к Конституции Российской Федерации за шесть дней составила 55,22 процента при итоговой явке 67,97 процента (74,1 млн человек). Судя по ее динамике по дням, ставка ЦИК России сработала, — число проголосовавших в среднем составило чуть менее 10 процентов в день, — с чуть большим показателем в последний «основной» день голосования. Кстати говоря, равномерное распределение числа участников по дням является косвенным свидетельством отсутствия серьезных нарушений в процессе голосования, иначе имелись бы серьезные экстремумы в какой-либо из дней голосования (было бы логично предположить, что административно зависимый электорат придет в первый день или утром последнего дня) [4].

В ходе встречи с В.В. Путиным 9 июля 2020 года Председатель ЦИК России Э.А. Памфилова, в частности, заявила: «После того как прошло общероссийское голосование, социологическими службами было проведено исследование, опросили людей. Оказалось, что им очень понравились те процедуры, которые мы предложили. Мы сейчас продумываем с учетом того, что все-таки хоть и гораздо лучше стало, но в разных регионах по-разному складывается эпидемиологическая ситуация. Конечно, не семь дней, это не реально, но рассмотреть возможность не одного дня голосования, чтобы обеспечить безопасность, а два или три дня. Обсудим, посмотрим еще какие-то меры, которые в нынешней ситуации обеспечивают полную безопасность и дают дополнительные возможности людям проголосовать»²⁶.

Вскоре инициатива получила и законодательное оформление. В июле 2020 года Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации приняла в третьем чтении закон «О внесении изменений в статьи 22 и 29 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Закон предусматривает возможность проведения многодневного голосования по решению избирательной комиссии соответствующего уровня: «По решению избирательной комиссии, организующей выборы, референдум, голосование на выборах (включая повторное голосование, повторные выборы), референдумах может проводиться в течение нескольких дней подряд, но не более 3 дней. Указанное решение может быть принято не позднее, чем в десятидневный срок со дня официального опубликования (публикации) решения о назначении выборов, референдума и не подлежит пересмотру. Законом может быть предусмотрено, что указанное решение при проведении выборов в органы местного самоуправления, местных референдумов принимает

²⁶ Встреча с Председателем Центризбиркома Эллой Памфиловой. Официальный сайт Президента России. 9.07.2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63623> (дата обращения: 27.06.2021).

избирательная комиссия субъекта Российской Федерации». Также закон предусматривает возможность по решению избирательной комиссии, организующей выборы или референдум, «голосование избирателей, участников референдума вне помещения для голосования на территориях и в местах, пригодных к оборудованию для проведения голосования (на придомовых территориях, на территориях общего пользования и в иных местах)»²⁷.

Данную законодательную новацию поддержала Уполномоченный по правам человека Российской Федерации Т.Н. Москалькова: «Считаю, что это очень удобная для граждан инициатива, потому что люди могут прийти на участки, когда им комфортно, нынешняя форма голосования показала, что она понравилась людям»²⁸. Таким образом, возможность использования многодневного голосования уже в сентябре 2020 года, в рамках единого дня голосования, получила поддержку у организаторов избирательного процесса, ЦИК России, региональных избирательных комиссий и, как будет показано далее, избирателей.

Оценивая успешный опыт применения многодневного голосования в ходе единого дня голосования 2020 года, Э.А. Памфилова объяснила, что многодневное голосование может сохраниться и после окончания пандемии, если на это будет соответствующий запрос общества²⁹.

Многодневное голосование позволило пройти рискованный с эпидемиологической точки зрения процесс без видимого всплеска заболеваемости, чего опасались некоторые критики идеи проведения выборов во время пандемии. Никаких значимых пиков заболеваемости с двух-трехнедельным лагом после избирательных кампаний не наблюдалось. Были защищены в процессе голосования и члены избирательных комиссий, и наблюдатели, — все участки были снабжены необходимым количеством средств индивидуальной защиты. С точки зрения логистики это было непростой задачей.

Многодневное голосование следует рассматривать и в контексте повышения качества избирательных услуг. Оно находится все в той же парадигме деятельности избирательной системы страны, — сделать все, чтобы избиратель мог получить качественную, удобную и безопасную услугу участия в выборах. Многодневное голосование, которое нашло применение в в нашей стране, стало не только средством обеспечения безопасности граждан от риска заражения смертельным вирусом, но и повысило доступность избирателям услуги по реализации активного избирательного права [5].

²⁷ Законопроект № 47830-6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Система обеспечения законодательной деятельности. [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/47830-6> (дата обращения: 27.06.2021).

²⁸ Москалькова поддержала идею многодневного голосования на выборах. РИАИ, 29.06.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200629/1573643947.html> (дата обращения: 27.06.2021).

²⁹ Памфилова считает, что многодневное голосование может сохраниться и после пандемии. ТАСС, 23.12.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/10333311> (дата обращения: 27.06.2021).

Многодневное голосование: мнение граждан

Граждане России в целом с одобрением отнеслись к идее проведения голосования в течение нескольких дней. Всероссийский центр исследования общественного мнения (ВЦИОМ) дважды опрашивал респондентов по данному вопросу. Первый опрос был проведен сразу после прошедшего Единого дня голосования в конце сентября 2020 года³⁰ [6]. Второй опрос проводился в ожидании подписания указа Президента В.В. Путина о проведении избирательной кампании в 2021 году. Результаты опросов позволили прийти к выводу, что предложенный формат проведения выборов гражданами оценивается положительно.

В 2020 году ВЦИОМ опрашивал отдельно всех россиян и тех, кто проживает в регионах, где 11–13 сентября проходили выборы высшего должностного лица субъекта Федерации или же депутатов законодательного собрания региона. Более половины опрошенных граждан к возможности проголосовать в течение нескольких дней отнеслись положительно (61%). Среди тех, кто принял участие в голосовании, этот показатель еще выше — 74 процента.

Таблица 2

Как Вы относитесь к возможности проголосовать в течение трех дней?

	Все опрошенные, %	Участники голосования 11–13.09.2020, %
Скорее положительно	61	74
Скорее отрицательно	18	15
Безразлично	19	10
Затрудняюсь ответить	2	1

Основными причинами, показавшимися наиболее важными сторонникам многодневного голосования, назывались удобство, отсутствие очередей и меньшая вероятность заражения коронавирусом. Так, 49 процентов отметили тот факт, что им удобно то, что можно прийти в подходящее время. Еще 7 процентов респондентов отметили, что для них важно, что на участках нет

³⁰ Опрос проводился 21 и 30 сентября 2020 года. Погрешность составила 2,5 процента. Выборка — 1600 респондентов — стратифицированная двухосновная случайная, построена на основе полного списка телефонных номеров (стационарных и мобильных), задействованных на территории РФ. Формат опроса — формализованное телефонное интервью, при котором интервьюер задает вопросы и фиксирует ответы. Охват — не менее 80 регионов, 500 городов и ПГТ, 100 сел. Взрослое население, распределение по полу, возрасту, уровню образования и типу населенного пункта. ВЦИОМ, 1.10.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mnogodnevnoe-golosovanie-za-i-protiv> (дата обращения: 27.06.2021).

очередей, суеты и толп. Также 5 процентов оценили то, что при многодневном голосовании меньше вероятность заразиться коронавирусом. Респонденты поддержали голосование в течение нескольких дней из-за возможности выбрать удобный день и время (54%; среди участвовавших в выборах — 60%); меньшего риска заразиться коронавирусом (37%); меньшего числа людей на участках (26%); того, что за большее время сможет проголосовать большее количество избирателей (24%).

Таблица 3

**Причины, почему люди поддерживают голосование
на выборах в течение нескольких дней
(закрытый вопрос, не более двух ответов)**

	Все опрошенные, %	Участники голосования 11–13.09.2020, %
Есть возможность выбора удобного дня и времени	54	60
Меньше рисков заражения, санитарная безопасность голосования	37	37
На участках будет меньше людей, так как их численность будет распределена на несколько дней голосования	26	27
Больше людей сможет проголосовать	24	23
Другое	2	2
Нет таких / Отрицательно отношусь к голосованию в течение нескольких дней	6	5
Затрудняюсь ответить	4	3

В целом об удобстве многодневного голосования высказалось 78 процентов опрошенных. Среди тех, кто участвовал в голосовании, эта доля достигает 84 процента. Одобряли идею проведения голосования в 2021 году также в течение нескольких дней 61 процент граждан страны, а среди тех, кто участвовал в голосовании в 2020 году, — 71 процент. Готовы поддержать проведение выборов в многодневном формате и в будущем 70 процентов опрошенных, 28 процентов выступили против. Среди принявших участие в голосовании на выборах 77 процентов респондентов высказались «за»; 22 процента опрошенных отвергло эту идею.

Таблица 4

Как вы относитесь к предложению использовать возможность голосования в течение нескольких дней на выборах, которые будут проходить в следующем году

	Все опрошенные, %	Участники голосования 11–13.09.2020, %
Скорее положительно	61	71
Скорее отрицательно	20	16
Безразлично	17	12
Затрудняюсь ответить	2	1

Следует отметить, что чем старше был респондент, тем охотнее он признавал пользу многодневного голосования. Если в целом по стране этот показатель составлял 61 процент, то среди поколения старше 60 лет он равнялся 72 процентам. Таким же образом среди старшего поколения куда ниже было недовольство многодневным форматом (всего 14%). Женщины намного чаще мужчин поддерживали многодневное голосование. Среди мужчин 53 процента респондентов ответили, что выступают за многодневку; среди женщин доля сторонников многодневного голосования равнялась 68 процентам. Лишь 13 процентов респондентов женского пола были против многодневки. У мужчин доля противников оказалась на 11 процентов выше (24%).

Уровень образования практически не влияет на уровень поддержки многодневного голосования. Имеющие неполное среднее образование поддерживали многодневку почти так же часто (62%), как и респонденты со средним специальным образованием (63%), но лишь немногим активнее, чем имеющие высшее или незаконченное высшее образование (61%). Лишь обладатели среднего образования (школа и ПТУ) высказали чуть более слабую поддержку многодневке (58%). То же самое касается и распределения респондентов по доходам. Вне зависимости от названного уровня доходов на члена семьи, поддержка многодневного голосования варьируется от 60 до 62 процентов. Но среди тех, кто отказался отвечать на вопрос о доходах семьи или затруднился с ответом, уровень поддержки многодневного голосования ниже (59% и 51%), что может быть связано с общим недоверием респондентов данного типа как к любым государственным структурам, так и в целом к опрашиваемым.

Иной подход выявил вопрос о самостоятельной оценке своего имущественного положения. Те, кто назвал материальное положение своей семьи очень хорошим или хорошим, активно поддерживают многодневное голосование (70%). Считающие свое материальное положение средним, выска-

зывали поддержку многодневке чуть реже (65%). Еще меньше сторонников многодневки среди тех, кто оценивает материальное положение своей семьи как плохое или очень плохое (46%). Правда, в этой группе особо велика доля не определившихся со своим отношением к многодневному голосованию (28%), что привело к тому, что уровень противников многодневки в этой группе не сильно выбивается (26%). Наконец, среди затруднившихся дать ответ на этот вопрос, максимального значения достигает уровень недоверия к многодневке (38%), а также минимальный уровень поддержки этого формата голосования (23%).

Если исходить из профессиональных занятий респондентов, то самая высокая степень поддержки многодневки зафиксирована у военных (90%) и пенсионеров (71%). Далее идут специалисты с высшим образованием, работающие в бюджетном секторе, а также государственные и муниципальные служащие (по 65%), домохозяйки (64%), служащие без высшего образования (62%). Неквалифицированные рабочие примерно в том же процентном соотношении (59%) поддерживают многодневку, что и специалисты с высшим образованием, работающие в коммерческом секторе (57%). Но если среди первых доля противников многодневного голосования одна из самых низких и уступает лишь военным (8% против 6%), то у работников бизнес-сектора с высшим образованием число противников многодневки находится на уровне 27 процентов, что выше всех показателей, кроме группы бизнесменов (53%). Квалифицированные рабочие поддерживают многодневку чуть сильнее (56%), чем безработные (54%).

Наиболее низкая поддержка многодневного голосования среди бизнесменов (34%) и студентов (44%). Но если 35 процентов опрошенных студентов не смогли определиться с ответом, и лишь 21 процент из них выступили против многодневки, то респонденты из группы бизнесменов, напротив, в количестве 53 процентов выступили против многодневного голосования. Лишь 14 процентов опрошенных бизнесменов не смогли определиться со своим отношением к этому формату выборов.

Жители Москвы и Петербурга продемонстрировали наименьший энтузиазм по поводу многодневного голосования. Здесь группа поддержки составляет всего 50 процентов. В крупных городах и городах-миллионниках многодневку поддерживает 59 процентов респондентов. В селах и городах, где проживает более 100 тысяч, но менее полумиллиона граждан, поддержка многодневного голосования высокая (62%), но самый высокий уровень поддержки продемонстрировали малые города с населением до 100 тысяч человек (67%).

Если учитывать территориальное распределение респондентов, то наименьшая поддержка многодневным выбором характерна в Дальневосточном федеральном округе (49%), а наивысшая — в Южном федеральном

округе (67%). Уровень поддержки новому формату голосования довольно высок в Уральском и Приволжском федеральном округах (по 64%). Северо-Западный федеральный округ дает 62 процента. Центральный федеральный округ и Сибирский федеральный округ поддерживают многодневку на уровне в 60 процентов опрошенных. Наконец, по Северокавказскому федеральному округу данный показатель равен 53 процентам.

Второй опрос проводился 15 июня 2021 года³¹ [7]. ВЦИОМ выяснил, что более половины россиян (56%) положительно относятся к предложению организовать голосование в течение трех дней на предстоящих выборах в Государственную Думу (64% среди граждан 60 лет и старше), не согласны с предложением 21 процент опрошенных (29% 25–34-летних), 22 процента респондентов безразличны к этому вопросу (44% среди молодых людей 18–24 лет).

Таблица 5

Отношение к многодневному голосованию (% среди тех, кто декларирует участие в выборах в сентябре этого года)

	Все опрошенные, %	Возраст опрошенных				
		18–24, %	25–34, %	35–44, %	45–59, %	60+, %
Скорее положительно	56	50	47	55	57	64
Скорее отрицательно	21	6	29	24	24	16
Безразлично	22	44	21	21	18	20
Затрудняюсь ответить	1	0	3	0	1	0

Почти две трети опрошенных (61%) сообщили, что возможность голосовать в течение трех дней была бы для них удобна (81% среди молодежи 18–24 лет), 34 процента ответили, что им было бы удобнее голосовать только в один день (41% среди 45–59-летних).

³¹ Всероссийский опрос, проводился 15 июня 2021 года. 1600 респондентов. Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров. Погрешность 2,5 процента. Выборка извлечена из полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Трехдневное голосование: за и против. Аналитический обзор. ВЦИОМ, 18.06.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/trekhdnevnoe-golosovanie-za-i-protiv> (дата обращения: 27.06.2021).

Таблица 6

Как вам было бы удобно, чтобы голосование на выборах в Государственную Думу было организовано только в один день, или была возможность голосования в течение трех дней (% среди тех, кто декларирует участие в выборах в сентябре этого года)

	Все опрошенные, %	Возраст опрошенных				
		18–24, %	25–34, %	35–44, %	45–59, %	60+, %
Голосовать в один день	34	12	37	33	41	33
Голосовать в течение трех дней	61	81	58	64	57	59
Затрудняюсь ответить	5	7	5	3	2	8

Интересно, что молодежь, наиболее часто декларирующая безразличие к самой концепции многодневного голосования, а также затрудняющаяся с ответами на вопросы о том, как лучше было бы организовать формат голосования, для себя дает однозначный ответ: более чем $\frac{4}{5}$ молодых респондентов считают для себя более удобным голосование в течение трех дней.

По нашему наблюдению, в течение 10 месяцев, прошедших с ЕДГ-2020 и вплоть до июня 2021 года доля граждан, которых устраивает формат многодневного голосования, сохраняется стабильно высокой и составляет одни и тот же 61 процент. Многодневное голосование оказалось в целом позитивно воспринято российским избирателем. Это подчеркивает тот факт, что доля граждан, уверенных в том, что данный институт нужно сохранить и в дальнейшем, выше среди тех, кто принял участие в голосовании.

Заключение

Пандемия вируса Covid-19 в 2020–2021 годах вынудила организаторов выборов в России и мире искать паллиативные решения проблемы: как не отказаться от проведения выборов и обеспечить их безопасность. Одно из таких решений — распределение голосования по нескольким дням, то есть многодневное голосование. Оно дважды было опробовано в нас в стране и неоднократно за рубежом. В глазах организаторов выборов, их участников и экспертов новый формат голосования не вызвал серьезных нареканий. И большинство избирателей нашли многодневное голосование удобным и безопасным. На сегодня, пока пандемия коронавируса не прекратилась, многодневное голосование остается эффективным способом обеспечения безопасности на избирательных участках для граждан, пользующихся ак-

тивным избирательным правом. Тем не менее, вопрос о том, сохранять ли многодневное голосование как удобный для избирателя формат волеизъявления и после победы над пандемией, остается открытым.

Список литературы

1. Прощай, КОВИД? / Под ред. К. Гаазе, В. Данилова, И. Дуденковой, Д. Краlechкина, П. Сафронова. М.: Издательство Института Гайдара, 2020.
2. Положение об особенностях голосования, установления итогов голосования при проведении голосования на выборах, референдумах, назначенных на 19 сентября 2021 года, в течение нескольких дней подряд. Утверждено постановлением Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 01 июля 2021 г. № 13/103-8 [Электронный ресурс]. URL: [cikrf.ru>upload/decreed-of-cscc/13-103-8-pril.docx](http://cikrf.ru/upload/decreed-of-cscc/13-103-8-pril.docx) (дата обращения: 30.06.2021).
3. Новые формы голосования. Доклад Ассоциации «Независимый общественный мониторинг». М., 2021. [Электронный ресурс]. https://vid-1.ria.ru/ig/pressmia/2021/20210419_newforms_16_04.pdf (дата обращения: 30.06.2021).
4. Россия 2020: Год обновленной Конституции. Доклад Центра политического анализа. М., 2020. Центр политического анализа [Электронный ресурс]. URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/report/read/id/42> (дата обращения: 30.06.2021).
5. Выборы для людей: новое качество избирательной системы РФ. Доклад Центра политического анализа. М., 2021. Центр политического анализа [Электронный ресурс]. URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/report/read/id/43/page/1> (дата обращения: 30.06.2021).
6. Многодневное голосование: за и против. Аналитический обзор. ВЦИОМ, 1.10.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mnogodnevnoe-golosovanie-za-i-protiv> (дата обращения: 27.06.2021).
7. Трехдневное голосование: за и против. Аналитический обзор. ВЦИОМ, 18.06.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trekhdnevnoe-golosovanie-za-i-protiv> (дата обращения: 27.06.2021).

ВМЕШАТЕЛЬСТВО В НАЦИОНАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ КАК СОПУТСТВУЮЩИЙ ФАКТОР ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

***Аннотация.** Феномен вмешательства в выборы извне стал неотъемлемым атрибутом современных национальных процедур. Несмотря на то, что мировая история организации демократических выборов свидетельствует о перманентном характере попыток влиять на формирования властных институтов в независимых государствах, только сейчас в научной литературе тема внешнего вмешательства начала находить свое отражение, а противодействие такому вмешательству — вставать на научные основы. Автор, внесший в 2010 году в научный дискурс понятие «электоральный суверенитет» [1], на примере России пытается разобраться с этим феноменом и приходит к выводу, что он является сопутствующим атрибутом современных демократических выборов и считает необходимым организацию системной работы (как на национальном, так и на международном уровне), направленной на противодействие вмешательству извне в национальные электоральные процессы для обеспечения подлинной свободы выбора населения и верховенства права, устанавливающего электоральный суверенитет государств.*

***Ключевые слова:** выборы, суверенитет, вмешательство в выборы, воздействие на выборы, влияние на выборы, электоральный суверенитет, свободные выборы*

INTERFERENCE IN NATIONAL ELECTIONS AS A CONCOMITANT FACTOR OF DEMOCRATIC PROCESSES IN THE GLOBAL WORLD

***Abstract.** The phenomenon of external interference in elections has become an integral part of modern national procedures. Despite the fact that the world history of the organization of democratic elections testifies to the permanent nature of attempts to influence the formation of government institutions in independent states, the topic of external interference has begun to be reflected in the scientific literature only now, whereas the countermeasure to such interference has begun to rise on a scientific basis. The author, who introduced the concept of «electoral sovereignty» into the scientific discourse in 2010, tries to make sense of this phenomenon using the example of Russia and comes to the conclusion that it is a concomitant attribute of modern democratic elections and considers that it is necessary to organize a systematic work (both nationally and internationally), aimed at counteracting*

external interference in national electoral processes to ensure genuine freedom of choice for population and the rule of law, which establishes the electoral sovereignty of states.

Keywords: *elections, sovereignty, interference in elections, influence on elections, electoral sovereignty, free elections*

Сегодня, наверно, нет ни одного государства, которое не пыталось бы решить проблему внешнего вмешательства в свои национальные выборы. Вопрос лишь в том, насколько государства готовы и в состоянии противостоять этому вмешательству; и намерены ли они открыто говорить об этой проблеме и воспринимать данный феномен как неотъемлемый атрибут современного мироустройства.

Вмешательство в национальные выборы, по сути, — посягательство на национальный суверенитет, который характеризует полновластие нации, ее политическую свободу, наличие у нее реальной возможности определять способ своей национальной жизни, в частности — способность самоопределяться и создавать независимое государство [2, с. 167].

В последнее время достоянием общественности стали многочисленные факты вмешательства во внутринациональные политические процессы «лидера демократии» — Соединенных Штатов Америки, которые на протяжении более 100 лет пытаются (и не безуспешно) влиять на развития суверенных государств. Начиная от президента Вудро Вильсона, который в 1919 году отправил в Россию корпус из 13 тысяч американских солдат, надеясь сохранить в ней западное влияние, наведения «демократического порядка» в Центральной и Южной Америки и странах Карибского бассейна, до сегодняшних дней — участия в развале социалистического лагеря и СССР, а в частности, до оранжевых революций в странах постсоветского пространства, угли от пожарищ в которых продолжают тлеть и по сей день [3].

Проблема вмешательства во внутренние дела государства, как феномен современных международных правоотношений, существовала достаточно давно и не является прямым следствием новейших технологий и особенностей постиндустриального мира. Об этом красноречиво свидетельствует сам факт закрепления в Уставе ООН в 1948 году запрета на подобные действия. Однако по сей день проблема «внешнего вмешательства» в международной повестке рассматривается весьма абстрактно: его детали прорисовываются контрастно, даже с обозначением непосредственных исполнителей, а вот контуры обозначаются достаточно расплывчато, что не позволяет понять ни природу, ни движущие силы, ни объективную, ни субъективную стороны этого феномена современности, появляющегося в топах новостей практически в ходе каждого национальных выборов.

С постепенным укреплением суверенитета России, если отталкиваться от ее обреченного образа 90-х годов прошлого века, происходил и рост самостоятельности внутренней политики и субъектности в международных отношениях. Это особенно заметно в последние годы. Только с течением вре-

мени мы осознанно стали воспринимать истинный смысл тех предложений, посредством которых «коллективный Запад» пытался реорганизовывать российскую политическую систему в конце XX столетия, когда фактически предпринималась попытка сделать внутреннюю политику нашего государства максимально зависимой от наднациональных институтов, где тон задавали США и Евросоюз, с последующим лишением народа его суверенитета.

История знает и другие, более ранние примеры «оптимизации» мироустройства в интересах развития одного или нескольких государств, объединившихся ради уничтожения оппонентов. В канун Первой мировой войны Европа, к которой чуть позже подключились и США, стояла перед дилеммой: какую из двух империй — Российскую или Османскую — принести в жертву. Так как российские недра в те времена в силу известных причин особого интереса не вызывали, выбор пал на Османскую империю. Под благовидным предлогом обеспечения «свободы народам» В. Вильсон выступил с доктринальной программой развала единой государственности, указав на необходимость раздробить Османскую империю: «...национальности, ныне находящиеся под властью турок, должны получить недвусмысленную гарантию существования и абсолютно нерушимые условия автономного развития». Эта программа легла в основу Версальского мира.

Только спустя десятилетия западные державы, опираясь на уже апробированные подходы к завоеванию мирового господства, сформировали систему «содействия развитию демократии», внедрив ее через различные фонды, платформы и профильные межгосударственные объединения, стоящие на иждивении у Запада, практически во все государства, не входящие в так называемое «мировое правительство».

Для последних суверенитет народов никогда не являлся благом, а был злом и препятствием для «демократического» прогресса человечества и «правильного» социального развития. Противники национального суверенитета считают, что интеграция должна дойти до такой стадии, когда вместо национальных государств будет установлено мировое правительство, в котором тон будут задавать те, у кого под контролем находятся мировые финансы, вооруженные силы, а теперь еще и цифровые платформы.

В нынешнем варианте глобализация вкупе со стандартизацией может привести к хаосу и беспорядку, которые во много раз перекроют предполагаемый инициаторами коммерческий эффект от их применения. При этом глобализация совместно со стандартизацией могла бы быть инструментом форматирования всего социального пространства, не накрывая его как некий унификационный купол, изготовленный в секретных лабораториях транснациональных корпораций, а как защитный механизм, посредством и под «протекторатом» которого мировое сообщество могло бы начать движение в направлении здравого смысла [4, с. 50].

Европейский Союз является ярким примером регионального «мирового правительства» в локально-европейском масштабе. Другие наднациональные

институции, выполняющие ту же «глобалистскую» функцию на региональном уровне, — Европейский суд по правам человека, Гаагский трибунал, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе со своим структурным подразделением (БДИПЧ), имеющим право давать указания государствам по формированию и развитию своих политических и электоральных систем.

С развитием новых центров влияния, прежде всего России и КНР, «какая-либо из держав уже не в силах диктовать собственную волю по всему миру, подобно тому, что на протяжении длительного времени практиковали Соединенные Штаты Америки. Новая глобальная политическая конструкция уже сейчас не предполагает существование ни однополярного, ни биполярного устройств мира» [5, с. 85].

Однако мы наблюдаем вполне ожидаемую реакцию на укрепление национального суверенитета со стороны так называемых стран «старой демократии». Чем больше автономной и суверенной становится внутренняя политика России, тем больше «коллективный Запад» старается оказать давление на проявление самостоятельности. То же происходит и в других странах, пытающихся отстоять свой суверенитет: в Китае, Иране, Турции, Кубе, Венесуэле, Белоруссии...

С развитием технологий и коммуникаций формы и методы вмешательства во внутриполитические дела государств и в национальные выборы совершенствуются и приобретают системность, обусловленную объективными параметрами современного мироустройства, тяготеющего исходя из принципа свободной конкуренции к глобализации и подчинению «слабых» государств единой системе управления «мирового правительства». В этом контексте представляет интерес комплексное исследование «демократического феномена» вмешательства в российские выборы извне и поиск действенных инструментов противодействия посягательствам на народный суверенитет.

* * *

Б.С. Эбзеев справедливо заметил, что народный суверенитет не есть сама власть, это — организационно-политический и функциональный принцип осуществления публичной власти, имеющий конститутивное значение; его смысл — в юридической институализации участия народа в реализации своей воли в установленных конституцией формах. Такое понимание суверенитета народа, реализуемого в установленных конституцией формах и пределах, находит подтверждение в современных конституциях, обычно конституирующих народное верховенство и объявляющих его волю основой конституционного устройства общества [6, с. 4].

Конституция Российской Федерации, провозглашая, что носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ, который осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления, определяет высшим непосредственным выраже-

нием власти народа референдум и свободные выборы (ст. 3). Конституция не допускает к участию в выборах лиц, не имеющих гражданства¹, устанавливая так называемый «ценз гражданства».

Конституция также провозглашает, что Российская Федерация принимает меры по недопущению вмешательства во внутренние дела государства (статья 79.1, введенная Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ), еще раз подчеркивая, что только народ обладает всей полнотой власти на территории Российской Федерации, а любое вмешательство есть посягательство на его суверенитет.

Основой всей современной демократии является доктрина народного суверенитета, а сам он приобрел сегодня характер универсального для всякого демократического государства конституционного принципа. Из него проистекает, что только воля народа легитимирует государство и составляет основу государственной деятельности, и именно на его согласии, а как раз в этом прежде всего заключается смысл юридического догмата народной воли, государство может основывать свою власть, а из договора с ним — выводить свои полномочия [7].

Помимо закрепления государственного суверенитета на законодательном уровне в последние четыре года была начата соответствующая работа и в профильных органах и организациях. В Федеральном Собрании Российской Федерации создано две профильные комиссии и одна рабочая группа, в компетенцию которых входят вопросы противодействия вмешательству в выборы: Временная комиссия Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по вопросам защиты государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации; Рабочая группа по мониторингу признаков вмешательства в суверенные дела Российской Федерации в период подготовки проведения выборов в Государственную Думу Российской Федерации в 2021 году Временной комиссии Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по вопросам защиты государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации; Комиссия Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по расследованию фактов вмешательства иностранных государств во внутренние дела России.

Центральная избирательная комиссия Российской Федерации в 2021 году впервые в своей истории организовала новое направление работы по вопросам противодействия вмешательству в выборы, которое будет заниматься анализом факторов и потенциальных угроз внешнего воздействия и вме-

¹ В редких случаях допускается участие иностранных граждан на местных выборах и местных референдумах на основании международных договоров в соответствии с пунктом 10 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

шательства в избирательные кампании для подготовки соответствующих предложений по вопросам предупреждения и предотвращения внешних воздействий и вмешательства в избирательный процесс.

Однако, несмотря на противоположность даже косвенного вмешательства в национальные выборы и принятия соответствующих мер превентивного реагирования, заинтересованность зарубежных акторов повлиять на политический результат избирательной гонки в своих интересах всегда была и будет сохраняться в рамках демократической парадигмы периодического переизбрания властных институтов при возрастающей макроэкономической конкуренции в мире.

* * *

27 апреля 2021 года В.В. Путин, выступая на заседании Совета законодателей в Санкт-Петербурге, обратил внимание на недопустимость иностранного вмешательства в запланированные российские выборы: «Уверен, что ...граждане России сами сделают свой выбор без услужливых и зачастую опасных, несущих раздор в обществе подсказок извне».

12 мая секретарь Совета безопасности России Н.П. Патрушев заявил: «В преддверии выборов в Госдуму активизировалось внешнее воздействие, направленное на нагнетание в российском обществе социальной напряженности». Этот факт косвенно подтверждает и руководство американского Национального фонда в поддержку демократии (NED), признанного в Российской Федерации нежелательной организацией, латентно работающего, помимо прочего, на «продвижение демократии» в России [8].

Председатель Центральной избирательной комиссии Российской Федерации Э.А. Памфилова также ожидает провокаций на предстоящих в сентябре думских выборах, в том числе из-за рубежа. Это может быть как физическое вмешательство, — к примеру, выведение из строя сайтов, — так и «информационно-психологическое воздействие» в виде пропаганды [9]. «Многие назначили Россию своим если не врагом, то противником, и желание сорвать выборы, дискредитировать выборы, оно огромное, и негативный поток, направленный на это, давно формируется», — отметила она на форуме молодых политологов «Дигория», прошедшем в начале июля [10].

«Можно предположить, что накануне выборов в Государственную Думу будут новые попытки расшатать, дестабилизировать ситуацию, спровоцировать протестные выступления, желательно насильственные, как Запад любит это делать. Наверное, потом будет развернута кампания по непризнанию наших выборов», — высказал свою позицию Министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров², выступая 8 июля в Дальневосточном федеральном университете.

²Лавров: Россия видит почти ежедневные попытки Запада вмешиваться в ее внутреннюю политику // ТАСС, 08.07.2021 // [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://tass.ru/politika/11851237?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 09.07.2021).

Сегодня проблема внешнего вмешательства в национальные выборы еще далеко не изучена: ни одна международная профильная электоральная организация не занимается этим вопросом, поэтому данная проблема требует комплексного и системного подхода с обобщением и анализом имеющейся на сегодняшний день информации и наработанной практики.

* * *

Принцип недопустимости вмешательства во внутренние дела государств является одним из основополагающих в современной системе международного права и закреплен в целом ряде универсальных и региональных международных актов: в Уставе ООН, Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах, в документе Копенгагенского совещания конференции по человеческому измерению СБСЕ и целом ряде других.

В Документе Московского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ от 03.10.1991 года государства-участники безоговорочно осуждают силы, стремящиеся захватить власть у представительного правительства в любом государстве-участнике вопреки воле народа, выраженной в ходе свободных и справедливых выборов, и в нарушение законно установленного конституционного строя.

Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 24.10.1970 года, даже косвенное вмешательство в дела другого государства определяет как нарушение норм международного права: «Ни одно государство или группа государств не имеет права вмешиваться прямо или косвенно по какой бы то ни было причине по внутренние и внешние дела любого другого государства; вследствие этого вооруженное вмешательство и все другие формы вмешательства или всякие угрозы, направленные против правосубъектности государства или против его политических, экономических и культурных основ, являются нарушением международного права».

В 2003 году Генеральная Ассамблея ООН приняла специальную Резолюцию № 58/189 «Уважение принципов национального суверенитета и многообразия демократических систем в ходе процессов выборов как важный элемент поощрения и защиты прав человека», в которой подчеркивается необходимость признания принципа уважения национального суверенитета, а также призыв ко всем государствам воздерживаться от финансирования политических партий или других организаций в любом другом государстве таким путем, который подрывает законность процессов выборов.

Отечественное избирательное законодательство, основываясь на положениях Конституции Российской Федерации и международных актов, устанавливает в качестве одного из принципов проведения выборов в России недопустимость иностранного участия в избирательных кампаниях

и кампаниях референдума³, реализуя данный принцип через установленные запреты, ограничения или условия осуществления отдельных избирательных действий иностранными гражданами и иными субъектами, имеющими связь с иностранными государствами или другими иностранными акторами.

«Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» определяет в качестве задач обеспечения государственной и общественной безопасности⁴ недопущение вмешательства во внутренние дела нашей страны, в том числе путем инспирирования «цветных» революций.

Однако, понятие иностранного вмешательства в выборы в российском законодательстве, как и в законодательстве других государств, сегодня юридически не определено. В научном сообществе еще не выработан единый подход к вопросу о понятии, содержании и формах иностранного вмешательства в выборы. Термины «вмешательство», «влияние», «воздействие» зачастую либо отождествляются, либо наполняются собственным содержанием в рамках интерпретации общепризнанного принципа «невмешательства во внутренние дела государства».

Тем не менее, большинство авторов склоняются к тому, что вмешательство в избирательный процесс является разновидностью политического вмешательства, которое представляет собой умышленные действия, направленные на искажение национального политического ландшафта посредством воздействия на избирательный процесс в интересах субъекта вмешательства. А само вмешательство может происходить в разных формах и осуществляться разными методами, — от прямого (искажение итогов голосования, принуждение к голосованию, взлом аккаунтов и т.п.) до косвенного влияния посредством информационно-психологического воздействия на избирателя в обход действующего законодательства.

Внешнее вмешательство может быть как открытым (нападки на кандидата или избирательное объединение, дискредитация процедур голосования и выборов в целом), так и скрытым. Формами скрытого вмешательства выступают работа с оппозиционными элементами (инструктаж), незаконное финансирование участников избирательных кампаний, подкуп избирателей, осуществляемые зачастую через иностранные неправительственные организации. В условиях распространения информационно-коммуникационных технологий в особую разновидность скрытого вмешательства следует выделить те его формы, которые могут быть реализованы через социальные сети и в целом Интернет. Опасность вмешательства такого вида состоит в его фактически безграничном и неконтролируемом воздействии на избирате-

³ Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ; пункт 6 статья 3 (ред. от 04.06.2021) / СПС КонсультантПлюс // [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/6e24082b0e98e57a0d005f9c20016b1393e16380 (дата обращения: 05.07.2021).

⁴ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ № 400 от 02.07.2021; пункт 47 / СПС КонсультантПлюс // [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 07.07.2021).

лей за рамками установленных правил ведения кампаний. Наиболее часто используется метод преднамеренного искажения информации с «побуждающим эффектом» с последующим ее тиражированием и преумножением фальсифицированных данных. Особый вред подобной технологии по воздействию на выборы заключается в том, что иностранные распространители дезинформации выдают себя за субъекты избирательного процесса (избирателей, политических активистов, наблюдателей, членов комиссий, активных граждан), искусственно формируя таким образом «коллективную позицию» несуществующих участников выборов, понуждая посредством внушительного потока недостоверной информации присоединяться к ней избирателей, которые воспринимают эту технологию за «чистую монету».

Ключевым механизмом во внешнем вмешательстве является обман избирателей, а не принуждение. Иностранные акторы, выдавая себя за избирателей, стремятся получить доступ к внутривыборному процессу и исказить политический дискурс, развернутый в ходе выборов, не путем внедрения точек зрения, которых ранее не существовало, а, скорее, для усиления существовавших позиций, считающихся в обществе маргинальными и находящихся вне политического мейнстрима. Усиление этих точек зрения путем технологий политического обмана приводит к фундаментальному изменению политического дискурса, настроений и влияет на формирование воли избирателей. И, что наиболее важно, это происходит под воздействием лиц, не имеющих право быть участниками национального избирательного процесса.

Зачастую мощный поток дезинформации направляется на то, чтобы показать «нечестность» выборов, поколебать доверие граждан к избирательной системе [11, с. 135–136]. Подобное вмешательство несет реальный вред не только государственному суверенитету, но и коллективному праву народов на самоопределение, политическим инструментом выражения которого являются свободные выборы.

Неудивительно, но американские исследователи допускают вмешательство в выборы других государств, но только со стороны США. Оценивая доводы о допустимости многочисленных фактов вмешательства США в выборы в других государствах, американские исследователи уверены, что многие из тайных американских инициатив были нацелены на нелиберальные или тоталитарные режимы, не имеющие избирательной системы, которая могла реализовать коллективное право народа на самоопределение. Следовательно, по мнению автора, вмешиваясь в эти политические системы, США не обязательно подменяли своей политической волей внутреннюю волю народа государства, поскольку правительство последнего не было выражением воли этого народа (см., например, исследовательский доклад Корнельской школы права «Вмешательство в выборы: реальный вред и единственное решение» [12]).

* * *

Временной комиссией Совета Федерации по вопросам защиты государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации было выявлено 10 способов вмешательства в российские выборы извне (более подробно — см. раздел Доклада «Иностранное вмешательство в выборы в документах Временной комиссии Совета Федерации по вопросам защиты государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации»).

По мнению Комиссии в части внешнего вмешательства в отечественные выборы речь не идет о грубой фальсификации извне избирательных бюллетеней, иной документации и т.д. (хотя среди имеющихся у Комиссии данных есть информация и о хакерских атаках на цифровые ресурсы ЦИК России). Оно направлено в первую очередь на мотивацию либо демотивацию законных участников избирательного процесса противоправными методами⁵.

Вместе с тем многочисленные факты, имеющиеся в распоряжении Комиссии, и их последующий анализ показали, что на суверенной территории России западные программы вмешательства применяются в последнее время гораздо более скрытно с учетом нынешнего, достаточно высокого уровня защищенности отечественного суверенитета. Зарубежные подрывные программы готовятся с пониманием того, что большинство российских граждан осуждают сами по себе попытки воздействовать извне на основы отечественного конституционного строя, нарушить нашу территориальную целостность, изменить внутреннюю и внешнюю политику в угоду иностранным интересам.

После опубликования доклада Миссии по оценке потребностей БДИПЧ ОБСЕ в июне 2021 года Комиссия Совета Федерации также признала, что еще одним направлением вмешательства в национальные выборы могут являться иностранные (международные) миссии по наблюдению за выборами.

В отсутствии нормативного регулирования института международного наблюдения ощущается все большее его противоправное влияние на ход избирательной кампании и воздействие на национальные выборы. Несмотря на то, что БДИПЧ ОБСЕ отказалась приезжать в качестве наблюдателей на выборы в Российскую Федерацию 19 сентября, существует большая вероятность использования Западом института международного наблюдения в лице ОБСЕ для воздействия на внутривнутриполитические процессы, оказания влияния на свободное волеизъявление избирателей и делегитимацию итогов голосования путем обнародования заявлений дискредитирующих выборы, на которых де-факто даже не присутствовали наблюдатели этой организации.

⁵ Специальный доклад по итогам президентских выборов в Российской Федерации (2018 г.) с точки зрения покушений на российский электоральный суверенитет: Временная комиссия Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации // [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://council.gov.ru> (дата обращения: 07.08.2021).

К сожалению, институт международного наблюдения усилиями Запада превращен в международный инструмент политического участия в национальных выборах. Деятельность западных миссий по наблюдению за выборами, прежде всего — БДИПЧ ОБСЕ, является абсолютно не транспарентной, далеко не беспристрастной, использующей двойные стандарты, и постоянно становится предметом критики не только официальных представителей государств, но и правозащитников и ученых-исследователей⁶.

* * *

Избирательное законодательство Российской Федерации, реализуя установленные статьями 3, 32, 79.1, 81, 97 Конституции Российской Федерации положения, имплементирует принцип недопустимости иностранного вмешательства в выборы в регулятивные нормы закона о принципах проведения выборов, пассивном избирательном праве граждан, требованиях к членам избирательных комиссий, проведении предвыборной агитации и финансировании избирательной кампании.

Рядом норм федерального законодательства установлены условия реализации избирательных прав гражданами Российской Федерации, имеющими правовую связь с иностранными субъектами, к которым отнесены как кандидат, являющийся физическим лицом, выполняющим функции иностранного агента, так и кандидат, аффилированный с выполняющими функции иностранного агента лицом.

Иностранное вмешательство в выборы, с точки зрения форм его практической реализации, может быть классифицировано следующим образом:

- вмешательство в деятельность избирательных комиссий (участие в работе комиссии иностранных граждан, граждан России с иностранным гражданством, лиц без гражданства, а также «иностранцев», вмешательство в работу комиссии иностранных (международных) наблюдателей);
- вмешательство при реализации пассивного избирательного права (выдвижение и регистрация иностранных граждан, лиц без гражданства, граждан Российской Федерации, имеющих иностранное гражданство или вид на жительство в иностранном государстве, и иных лиц, пассивное избирательное право которых ограничено по причине связи с иностранным государством, а также физических лиц, осуществляющих функции

⁶ См., например, Борисов И.Б., Игнатов А.В. БДИПЧ ОБСЕ в действии. Наблюдение за наблюдателями — М.: РОИИП, 2011.— 127 с.; Борисов И.Б., Трунов И.Л. Институт международного наблюдения, правовой анализ на основе выборов Президента Республики Казахстан // Международное публичное и частное право. № 3. 2006. С. 26–29; Борисов И.Б. Оранжевая миссия, или наблюдение за наблюдателями // Журнал о выборах. 2005, № 1. С. 43; Борисов И.Б., Игнатов А.В. По обе стороны от Вены (оценка электоральных процедур в Эстонии и в Азербайджане // Журнал о выборах. № 2. 2006, С. 10–23; Международное наблюдение за выборами и референдумами: Сборник документов и материалов / Центральная избирательная комиссия Российской Федерации; сост. и отв. ред. В.И. Лысенко, под общ. ред. В.Е. Чурова. — М.: ЦИК РФ, 2011.— 863 с.

иностранного агента, или кандидатов, аффилированных с выполняющими функции иностранного агента лицами, без указания информации об этом;

- участие в поддержке выдвижения кандидатов (сборе подписей) в качестве сборщика подписей или избирателя, проставляющего подпись, иностранного гражданина, лица без гражданства);

- вмешательство при реализации активного избирательного права (голосование иностранных граждан, лиц без гражданства; воспрепятствование голосованию граждан Российской Федерации, находящихся за пределами территории России со стороны государства пребывания, его организаций и граждан);

- вмешательство при информационном обеспечении выборов (участие иностранных СМИ в информационном обеспечении выборов с нарушением требований законодательства Российской Федерации; участие в предвыборной агитации иностранных граждан, лиц без гражданства, иностранных юридических лиц, международных организаций и международных общественных движений);

- выпуск агитационных материалов кандидатом, являющимся лицом, выполняющим функции иностранного агента или аффилированным с иностранным агентом лицом без указания соответствующей информации;

- участие иностранных граждан, лиц без гражданства, иностранных юридических лиц в информировании избирателей или предвыборной агитации, в том числе в Интернете, включая социальные сети, блоги и иные ресурсы, в том числе косвенной агитации, ином влиянии на политические процессы без указания на то, что материалы распространяются иностранными гражданами, лицами без гражданства, иностранными юридическими лицами, в том числе их распространение от имени граждан Российской Федерации, российских юридических лиц и иных лиц, имеющих право проведения предвыборной агитации);

- вмешательство в финансирование выборов (внесение добровольных пожертвований в избирательный фонд, пожертвований политическим партиям иностранными гражданами, лицами без гражданства, иностранными организациями и иными субъектами, внесение которыми добровольных пожертвований запрещено в связи с иностранным участием);

- финансирование избирательной кампании и иной политической деятельности кандидата, политической партии из иностранных источников, иностранным субъектом или субъектом, связанным с иностранными источниками;

- внесение пожертвования лицом, осуществляющим функции иностранного агента, или аффилированным с ним лицом, без указания соответствующей информации в платежном документе;

- вмешательство при организации голосования и подсчете голосов избирателей {в целом на деятельность избирательных комиссий, корректировка итогов голосования, воздействие на технические средства

подсчета голосов, ГАС «Выборы», деятельность по затруднению работы информационных сервисов избирательных комиссий (хакерские атаки), призывы к неучастию в выборах, к недоверию избирательной системе, результатам выборов; публичные комментарии международных наблюдателей о ходе избирательного процесса в период, когда такие комментарии не допускаются законом}.

Иностранное вмешательство при информационном обеспечении выборов может быть в виде создания и первичного распространения информации иностранным субъектом либо в виде активного распространения и содействия распространению информации, созданной и впервые размещенной на российском ресурсе, но способствующей достижению целей иностранных субъектов.

Сегодня можно говорить об исчерпывающем перечне субъектов иностранного вмешательства в выборы: иностранное государство, группа иностранных государств, международная организация, международная неправительственная организация, иностранный гражданин, лицо без гражданства, иностранная организация (юридическое лицо) либо группа иностранных граждан, лиц без гражданства, иностранных организаций (юридических лиц), включая иностранное средство массовой информации, а также физические и юридические лица, действующие в их интересах.

Иностранное вмешательство в выборы де-юре можно определить следующим образом: деятельность иностранных государств и международных организаций, их органов, иностранных юридических и физических лиц, их объединений, лиц без гражданства, не основанная на международных договорах государства и общепризнанных принципах международного права, противоречащая законодательству Российской Федерации и имеющая целью оказать воздействие на выборы как высшее непосредственное выражение власти народа Российской Федерации для изменения их результатов, в том числе, на ход избирательного процесса, явку избирателей, итоги голосования и результаты выборов, доверие избирателей к выборам и их результатам, действия и формирование воли участников избирательного процесса в интересах субъекта вмешательства или иного внешнего актора.

* * *

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, только согласованные действия по реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации, направленные на нейтрализацию внешних и внутренних угроз и создание условий для достижения национальных целей развития позволят обеспечить гармоничное сочетание сильной державы и благополучия человека для формирования справедливого общества и процветание России. Поэтому вопросы противодействия внешнему вмешательству в выборы находят решение во взаимодействии всех ветвей единой системы публичной власти России.

Согласно Постановлению Правительства от 18.06.2021 года № 932 более 20 министерств, ведомств, учреждений России оказывают содействие избирательным комиссиям в организации подготовки и проведения выборов депутатов Государственной Думы восьмого созыва, в том числе и по вопросам обеспечения избирательных прав и свобод граждан от влияния извне.

Социологи и политологи в своих исследованиях хода предстоящих выборов фиксируют, что юридически выверенные процедуры на старте избирательной кампании, компетентные действия организаторов выборов, выдержанный подход участников выборов к вынужденным «ковидным» ограничениям увел так ожидаемый нашими оппонентами политический протест в сторону неполитических форм. Этот факт сильно раздражает наших «западных партнеров», которые продолжают поиск новых «опорных фигур» и резонансных тем, которые еще можно было бы использовать на территории страны для оказания давления на политические процессы в России и вмешательства в выборы. Продолжают прощупываться различные направления атак для инициации возможного протеста.

Организации и физические лица, выполняющие функции иностранного агента, практически ежедневно делают информационные вбросы, которые, с одной стороны, должны «подлить масло» в социальный протест, а с другой — перетащить его в политическую сферу текущих выборов. В качестве основных направлений атак выбраны: трехдневное голосование, удобное для избирателей и обеспечивающее санитарные требования; видеонаблюдение, которое не реализовано в таком объеме нигде в мире; рекомендации по проведению выборов в условиях пандемии; дистанционное электронное голосование (ДЭГ), которое будет организовано только в 7 субъектах Российской Федерации из 85-и.

О приготовлениях и соучастии Запада к этим атакам могут свидетельствовать количественные показатели роста в 2021 году официального числа лиц, выполняющих функции иностранного агента, по сравнению с выборами в Государственную Думу в 2016 году.

Число «иностранных агентов» по данным Министерства юстиции на момент старта избирательной кампании⁷

	Выборы 2016 года	Выборы 2021 года
НПО, выполняющие функции иностранного агента	46	77
СМИ, выполняющие функции иностранного агента	0	28 (организаций — 15, ФЛ — 13)
Нежелательные организации	7	40
ИТОГО	53	145

⁷ Сведения реестра НКО, выполняющих функции иностранного агента / Информационный портал Министерства юстиции Российской Федерации // [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://unro.minjust.ru/NKOForeignAgent.aspx> (дата обращения: 18.06.2021).

За последние пять лет число агентов иностранного участия в политическую жизнь страны по сравнению с 2016 годом увеличилось 2,7 раза и на каждую политическую партию, участвующую в выборах в Государственную Думу, приходится 10 организаций иностранного влияния (в 2016 году — 3,5).

* * *

Обобщив и проанализировав феномен «иностранного вмешательства в выборы», можно сделать следующие выводы:

1. Вмешательство в национальные выборы как противоправная технология влияния на политический ландшафт современных государств имеет объективные предпосылки для существования, обусловленные демократическим процессом сменяемости власти в период достаточно жесткой макроэкономической конкуренции, сложной, многоуровневой совокупности развития нашего социума. Вмешательство может реализовываться в различных формах, общей опасной чертой которых является обращение к нарушению цивилизованного порядка, установленных норм и правил, а не мирное выражение взглядов и разрешение разногласий.

2. С большой долей вероятности можно утверждать, что в период организации и проведения выборов депутатов Государственной Думы восьмого созыва будут попытки иностранного вмешательства в выборы с целью расшатать и дестабилизировать ситуацию, спровоцировать публичные акции и протестные выступления.

3. Принцип недопустимости вмешательства во внутренние дела государства является одним из основополагающих принципов международного права и распространяется на национальные выборы, признается основными международными организациями, большинством государств современного мира. Любое вмешательство в выборы в обход установленных правил и процедур является противоправным деянием, нарушающим международные принципы и нормы. Вмешательство в выборы извне несет реальный вред не только государственному суверенитету, но и коллективному праву народов на самоопределение.

4. Практически все цивилизованные государства мира ведут работу по обеспечению противодействия иностранному вмешательству во внутренние дела государства, в том числе — в выборы, но феномен «вмешательства в национальные выборы» сегодня еще не стал предметом пристального внимания ни одной профильной международной организации.

5. Фиксируется опасная для существующего миропорядка тенденция, когда одни «глубоко демократические» государства пытаются обосновать свою исключительность и возможность вмешиваться в выборы других государств, мотивируя это тем, что национальные электоральные процедуры, на их взгляд, не отражают волю народа.

6. Выделяются две формы иностранного вмешательства в выборы: прямое иностранное вмешательство — противоправное воздействие на систе-

му установления итогов выборов, в том числе, на членов избирательных комиссий, автоматизированные средства подсчета голосов и установления итогов голосования, организация кибератак на информационные ресурсы избирательных комиссий с целью корректировки данных об итогах голосования, принуждение и иное прямое незаконное воздействие на избирателей к голосованию за или против определенного кандидата, партию и т.п.; и косвенное иностранное вмешательство — противоправное скрытое иностранное воздействие на выборы в виде использования информационно-коммуникационных технологий, социальных сетей, телеграмм-каналов, агитационных материалов, финансирования кампаний и иных скрытых способов влияния на формирование общественного мнения и воздействия на политический результат. При этом косвенное иностранное вмешательство является наиболее распространенной формой.

7. Иностранное вмешательство в выборы направлено на дискредитацию института выборов, снижение доверия избирателей к выборам, избирательной системе, избирательным комиссиям; дестабилизацию политической системы, усиление внутренних противоречий в обществе, разжигание социальной ненависти и изменение конституционного строя; корректировку политических программ и политических целей кандидатов, избирательных объединений; создание преимуществ участникам избирательного процесса, в том числе агитационных, финансовых и других; дискредитацию отдельных кандидатов и избирательных объединений; корректировку итогов голосования и результатов выборов.

8. Выделяются три основных направления противодействия иностранному вмешательству в выборы:

– *на законодательном уровне* — установление правовых ограничений на участие в выборах иностранных лиц и специальное регулирование правовых условий реализации избирательных прав отдельными категориями граждан, имеющими определенную связь с иностранными субъектами;

– *на правоприменительном уровне* — обеспечение соблюдения установленных правовых ограничений иностранного участия в выборах и правовых условий реализации прав лиц, аффилированных с иностранными акторами, а также принятие предусмотренных законом мер в случае несоблюдения ограничений и условий, оперативное пресечение распространения информационных и агитационных материалов, распространяемых с нарушением закона в части ненадлежащего субъекта распространения либо источников финансирования;

– *информационное* — обеспечение оперативного информирования избирателей и участников выборов о попытках иностранного вмешательства, включая распространение информации, оказывающей влияние на выборы, в том числе сведений о субъектах распространения такой информации, их источниках финансирования.

9. Основным направлением развития системы противодействия иностранному вмешательству в выборы с учетом существующего правового регулирования является усиление информационного направления такого противодействия, в том числе выявление и обнародование сведений об иностранном вмешательстве и его попытках, указание сведений о лице, имеющим правовую связь с иностранным государством, как авторе материалов, владельце информационного ресурса и т.п., а также как участника избирательной кампании или члена избирательной комиссии.

* * *

Феномен вмешательства в выборы извне стал неотъемлемым атрибутом современных национальных электоральных процедур, как одна из форм воздействия на суверенитет во внутривнутриполитических вопросах государств. «Уважать суверенитет — это значит не допускать государственных переворотов, антиконституционных действий и незаконного смещения легитимных властей», — отмечал В.В. Путин в интервью телеканалам CBS и PBS еще в 2015 году⁸. Государство в лице своих органов обязано не только организовать проведение демократических выборов на своей территории, но и обеспечить сдерживание и пресечение посягательства на национальный суверенитет, вмешательства в выборы извне на постоянной и системной основе, что позволит осуществить реализацию избирательных прав граждан в максимально полном объеме без какого-либо внешнего давления и влияния до того, как указанное иностранное воздействие приведет к дестабилизации ситуации, социальным потрясениям и возможному насилию.

Список литературы

1. Борисов И.Б. Электоральный суверенитет. М.: РОИИП, 2010.
2. Шевцов В.С. Государственный суверенитет (вопросы теории). М.: Изд-во «Наука», 1979.
3. Stephen Kinzer. Americans are told every day that Russians are interfering in our politics. We've been interfering in Russia's for a century // The Boston Globe (USA). 10.03.2020. Available at: <http://www.bostonglobe.com/2020/03/10/opinion/americans-are-told-every-day-that-russians-are-interfering-our-politics-weve-been-interfering-russias-century> (Accessed 02.07.2021); Ted Rall. America's Long History of Meddling in Russia // Counterpunch. 17.01.2020. Available at: <http://www.counterpunch.org/2020/01/17/americas-long-history-of-meddling-in-russia> (Accessed 02.07.2021); David Shimer. Rigged: America, Russia, And One Hundred Years of Covert Electoral Interference. Kindle Edition, 2020. 345 p. и другие.
4. Гасанов И.Б. Новый Вавилон. Эволюция государства — от единовластия к двоеначалию. М.: МедиаПресс, 2019.

⁸ Путин: Россия уважает суверенитет Украины и хотела бы, чтобы это делали и другие страны / ТАСС // [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/09/28/putin-site.html> (дата обращения: 26.02.2020).

5. Чистобородов И.Г. Государственное управление в общественно-политической сфере с использованием форсайта // Гражданин. Выборы. Власть. № 2. 2021.
6. Эбзеев Б.С. Народ, народный суверенитет и представительство: доктринальные основы и конституционная практика // Избирательное законодательство и практика. № 2, 2016.
7. Эбзеев Б.С. Самоопределение народов в современном мире: конституционно-и международно-правовые аспекты // [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/50588-samoopredelenie-narodov-sovremennom-mire-konstitucionno-mezhdunarodno-pravovye> (дата обращения: 03.07.2021).
8. Городов П. План NED. Как американские фонды хотят «взломать» выборы в России? / Аргументы и факты Aif.ru, 17.05.2021 // [Электронный ресурс] Режим доступа: https://aif.ru/politics/world/plan_ned_kak_amerikanskie_fondy_hotyat_vzломat_vybory_v_rossii (дата обращения: 02.07.2021).
9. Александров А. ЦИК на страже: как будут бороться с «иностранным вмешательством» в выборы / NEWS.RU, 21.05.2021 // [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://news.ru/society/cik-na-strazhe-kak-budut-borotsya-s-inostrannym-vmeshatelstvom-v-vybory/> (дата обращения: 02.07.2021).
10. Кузьмин В. Памфилова ожидает сложные выборы в «невероятно неблагоприятной» внешней среде / RG.RU, 06.07.2021 // [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rg.ru/2021/07/06/pamfilova-ozhidaet-slozhnye-vybory-v-neveroiatno-neblagopriatnoj-vneshnej-srede.html> (дата обращения: 02.07.2021).
11. Сидорук Т.Н. Желтиков Н.В., Борминцева А.С. Независимость выборов в контексте вмешательства в избирательный процесс // Гражданин. Выборы. Власть. № 3, 2019.
12. Ohlin J. Election Interference: The Real Harm and The Only Solution / Cornell Legal Studies Research. Paper No. 18–50 // [Электронный ресурс] Режим доступа: Election Interference: The Real Harm and The Only Solution by Jens David Ohlin.: SSRN (дата обращения: 08.07.2021).

СТРОИТЕЛЬСТВО ГАРМОНИЧНОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ И МИРЕ

Аннотация. В статье анализируются современные проблемы развития западного потребительского общества, характерной чертой которого является незаработанное потребление. Альтернативой такому развитию выступает строительство гармоничного общества, в котором каждый человек может реализовать свои способности благодаря созданной системе возможностей. Сегодня Россия начала строительство гармоничной страны. Для этого у России есть все. Это — большой потенциал народа, огромные природные ресурсы, оборонная, продовольственная, лекарственная, технологическая безопасность, значительные золотовалютные резервы, устойчивый рубль, не обремененный давлением доллара. Наконец, Россия имеет уникальный опыт развития в XX — первом десятилетии XXI века, связанный со строительством социализма и капитализма, из которого она может взять только лучшее. Раскрывается путь, по которому предстоит пройти России в строительстве гармоничного общества. Он включает в себя создание новой системы социально-экономических общественных отношений, при которых человек может развивать и реализовать свой потенциал вне зависимости от того, где он родился и живет. Процесс создания и развития гармоничного общества требует самосовершенствования личности, взаимного доверия между обществом и государством, а также между гражданами. Гармония в общественных отношениях невозможна без действенной защиты окружающей среды и природы. В свою очередь, гармония в мировых общественных отношениях предполагает отказ от западной финансово-кредитной мошеннической системы и неравноправного политико-правового устройства, навязанного миру англосаксами. Показывается роль правящей элиты и гражданского общества в строительстве эффективного государства, призванного создать условия для становления гармоничного общества.

Ключевые слова: гармоничное общество, гармоничная страна, правящая элита, гражданское общество, самосовершенствование человека, доверие граждан друг к другу, доверие общества к государству, доверие государства к обществу, эффективное государство, механизмы прозрачности и ответственности.

BUILDING A HARMONIOUS SOCIETY IN RUSSIA AND THE WORLD

Annotation. The article analyzes the current problems of the development of the Western consumer society, a characteristic feature of which is unearned consumption. An alternative to such development is the construction of a harmonious society in which everyone can realize their abilities, thanks to the created system of opportunities. Today, Russia has

begun building a harmonious country. Russia has everything for this. This is the great potential of the Russian people, huge natural resources, defense, food, medicine, technological security, significant gold and foreign exchange reserves, a stable ruble, not burdened by the pressure of the dollar. Finally, Russia has a unique experience of development in the XX — first twenty years of the XXI century, associated with the construction of socialism and capitalism, from which it can take only the best. The article reveals the path that Russia will have to follow in creating a harmonious society. It includes the creation of a new system of socio-economic social relations, in which a person can develop and realize his potential, regardless of where he was born and lives. The process of creating and developing a harmonious society requires self-improvement of a person, mutual trust between society and the state, as well as between citizens. Harmony in public relations implies effective protection of the environment and nature. In turn, harmony in world social relations presupposes the rejection of the Western financial and credit fraudulent system and the unequal political and legal system imposed on the world by the Anglo-Saxons. The role of the ruling elite and civil society in the construction of an effective state designed to create conditions for the formation of a harmonious society is shown.

Keywords: *harmonious society, harmonious country, ruling elite, civil society, human self-improvement, citizens 'trust in each other, society's trust in the state, state's trust in society, effective state, mechanisms of transparency and responsibility.*

Кризис западного потребительского общества

В настоящее время в мире стремительно происходят масштабные социальные, экономические и технологические перемены, которые требуют от России не просто отвечать на эти вызовы, но и стремиться стать лидером мировых преобразований. Пожалуй, самой важной задачей является *строительство гармоничной страны, в которой каждый человек может реализовать свои способности благодаря созданной системе возможностей*. Гармоничное общество — альтернатива западному потребительскому обществу, достигшему высокого технологического и социально-экономического уровня развития, но зашедшему в глубокий системный кризис.

Потребительское общество создано в конце 50-х — начале 60-х годов XX века правящими элитами Запада как инструмент управления народами. Механизм общества потребления — система кредитования, основанная на идее «потом расплатитесь». На первый взгляд, потребительское общество само по себе не страшно. *Беда для развития мирового сообщества — незаработанное потребление, которое разлагает человека, гражданское общество, государственную власть, правящую элиту, а вместе с ними и международные отношения и ведет к гибели окружающей среды и природы.*

Незаработанное потребление уничтожает в обществе представления о хорошем и плохом, правильном и неправильном, добре и зле, милосердии и добродетели. В настоящее время в Африке голодает около 20 процентов населения — 240 миллионов человек, при этом во Франции и Испании футбольные клубы продают игроков за огромные деньги — от 100 до 222 миллионов евро, и никому в голову не приходит позаботиться проблемой голодающих

людей. В Индии в пик третьей волны коронавирусной эпидемии в апреле-мае 2021 года в день диагностировалось более 300 тысяч заболевших; ежедневно от инфекции умирало большое количество людей, страна оказалась в пепле погребальных костров. Однако правящая элита Англии ничем не помогла своей бывшей колонии, которая принесла ей в свое время гигантские доходы.

Английская премьер-лига — самая дорогая футбольной лига в мире; общая трансферная стоимость ее футболистов, выступавших в чемпионате 2021 года, составила 9 миллиардов 710 миллионов евро, но никто из владельцев клубов даже не «заикнулся» о финансовой помощи страдающей Индии. Не проявили милосердия к индийцам и миллиардеры — те же участники аукционов, проходивших в крупнейших в мире английских аукционных домах «Сотбис» и «Кристис».

Между тем потребительское общество разрушает образование, культуру, духовность, институт брака, семейные ценности. Как результат, формируются сообщества, отрицающие естественное продолжение жизни. По мнению знаменитых в мире актеров и писателей, в западном потребительском обществе, где деньги практически вытеснили настоящие, искренние людские отношения, чувства людей оскорблены, сужается поле уважения и умения держать слово. Люди утрачивают истину, перестают жить сообща. Озабоченное поиском фиктивного счастья, западное потребительское общество, воспроизводя фальшь, теряет себя и становится морально и нравственно слабым.

Свобода личности возведена в абсолют, пропагандируется вседозволенность, безнравственность и эгоизм; насаждается культ насилия, потребления и наслаждения. В итоге система ценностей западного потребительского общества в ее нынешнем, духовно-истощенном виде представляется ущербной. Между тем модель западного потребительского общества навязывается финансовыми центрами и транснациональными компаниями всему миру, в том числе и России. В то же время в настоящее время оно исчерпывает свои возможности, поскольку потребление перестало быть стимулом развития. В современных условиях, когда производитель не получает прибыли, он прекращает производство. Иными словами, если потребитель не будет потреблять, то не будет и производства товара. Волны экономического подъема происходят, когда появляется новый продукт. Когда рынок насыщается товарами, следует спад. Катализатором безработицы кризиса общества потребления является финансовый сектор, построенный на мошеннических операциях, спекуляциях и обмане.

В результате в системе общественного потребления исчезла ответственность, компетентность, возрос монополизм. Западное потребительское общество оказалось в глубоком системном кризисе. Его главными причинами стали нарушение баланса (дисгармония) общественных производственных и потребительных отношений, разращение работоспособного населения промышленно развитых стран всевозможными социальными льготами и по-

собиями, лишаящими людей стимулов к активной трудовой деятельности и ответственности за свою жизнь и судьбу и приводящими к порождению массы безответственных иждивенцев. Западное потребительское общество рухнет и по причине отсутствия государственного и общественного контроля над деятельностью некомпетентных чиновников, а также алчных биржевиков, банкиров, делающих деньги из денег, а не из реального производства.

Деградация потребительского общества связана, наконец, со стремлением безумного обогащения за счет нещадной эксплуатации природы, грабежа природных ресурсов народов других стран и поисками безмерных чувственных удовольствий людей, забывших про духовные законы. По сути, потребительское общество — ложный путь развития, изменивший саму сущность человека, превративший разумно-чувственного творца своей судьбы в корыстного, живущего одним днем безответственного потребителя, лишённого души, потерявшего ориентиры добра и зла.

Главные причины кризиса состоят в искажении моральных и нравственных норм человеческого общежития и, как следствие, деградации мотивации хозяйствования, подрыве верховенства права, росте коррупции, мошенничества и финансовых спекуляций. Отсюда можно сделать вывод: без строгого соблюдения действующих законов, моральных норм и нравственных принципов существования человеческого общества, а также изменения структуры общественно-государственных отношений преобразование современной социально-экономической модели невозможно.

Сами перечисленные выше причины, в свою очередь, есть следствия неверных, эгоистичных отношений людей друг к другу, и именно последние порождают все искажения в производстве, распределении, обмене и потреблении жизненных благ. А то, какими должны быть оптимальные отношения между людьми, вытекает из Нагорной проповеди Христа: «Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» (Мф.,7:12). Данная заповедь, как основное нравственное предписание бытия, требует от человека, в первую очередь, самоконтроля в проявлении собственных страстей и отказа от чрезмерного себялюбия. Ее применение основано на свободе выбора человека своего жизненного пути и его ответственности за свой выбор, честности перед собой, другими и Всевышним. Она требует справедливости во взаимоотношениях с людьми, основанной на уважении их права выбора и предоставлении им полной ответственности за него, а также за собственную жизнь и судьбу. Однако эта заповедь, равно как и другие нравственные и моральные нормы, часто не соблюдаются, и потому люди не могут построить ни сообразного личного благополучия, ни свободного, справедливого, честного, гармоничного общества и мира.

Итак, западное потребительское общество достигло очень высокого технологического и социально-экономического уровня развития. В то же время, оно привело к утрате, размыванию духовно-нравственных ценностей,

потере ориентиров и ощущения смысла существования, поскольку формирует у людей представления, что можно потреблять не заработав своим трудом. Это формирует паразитический менталитет, ложные ценности и ущербную мораль. Незаработанное потребление — жизнь за счет других — ведет к распаду личности, общества и государства. По сути, в потребительском обществе утрачивается миссия человека на планете Земля.

Представляется, что кризис общества незаработанного потребления подлежит разрешению только при совершенствовании каждого человека, социума и государства, а затем — переустройства мирового порядка. Смысл преобразований в мире заключается в отказе от модели развития современного потребительского общества и строительстве рационального социума. И начинать надо с себя — с совершенствования индивидуума, общества, правящей элиты и модернизации власти.

Гармоничное общество: его смысл и особенности строительства в России

Латинское слово «гармония» означает связь, соединение, соответствие, соотношение. Обратим внимание на природу, в которой все гармонично, поскольку она функционирует без вмешательства извне, естественным образом, соединяя в себе все противоположности в соответствии с законами эволюционного развития. Человечеству надо научиться понимать природу, соотнеся свои действия с ее законами, стремиться к тому, чтобы так было устроено и общество, которое должно функционировать естественно, соответствуя своим возможностям, соединяя свободу и ответственность каждого человека, согласовывая разнородные и даже противоположные (конфликтные) общественные отношения, то есть гармонично.

Гармоничное общество, на мой взгляд, имеет ряд характерных черт. *В центре гармоничного общества стоит человек, его жизнь.* В гармоничной стране созданы условия, при которых каждый человек может реализовать свои способности, тем самым достойно пройти свой жизненный путь. При этом человеку следует постоянно самосовершенствоваться.

Гармоничное общество требует взаимного доверия между социумом и государством и, конечно, доверия между гражданами. Гармония в общественных отношениях предполагает эффективную защиту окружающей среды и природы. Наконец, гармония в мировых общественных отношениях невозможна без отказа от порочной западной финансово-кредитной мошеннической системы и неравноправного политико-правового устройства, навязанного миру англосаксами. Остановимся на этих вопросах подробнее.

Движущей силой строительства гармоничного общества в нашей стране выступает российская правящая элита. Владея государственной властью, она использует административные, финансовые, политико-правовые, информационные, инфраструктурные и иные государственные ресурсы, позволяющие определять путь развития страны, решать социально-

экономические, гуманитарные и иные проблемы. В то же время процесс формулирования идей и инициирования преобразований идет не от групп элиты, а от просвещенных граждан, знающих, что надо делать и в какой последовательности.

Учитывая, что в центре гармоничного общества стоит человеческая жизнь, правящей элите и народу России предстоит выстроить новую систему социально-экономических общественных отношений, при которых человек является целью, а не средством. Поскольку каждый человек имеет определенный ресурс, важно создать для него новые возможности — условия для развития и реализации его потенциала вне зависимости от того, где он родился и живет. В этом, по моему мнению, состоит начало пути к строительству гармоничного общества, в котором человек находит применение своим способностям для развития страны, благодаря созданной системе возможностей.

По этому поводу Президент Российской Федерации В.В. Путин на Давосском форуме 27 января 2021 года сформулировал четыре ключевых приоритета: у человека должна быть комфортная среда для жизни — жилье, доступная транспортная, энергетическая и коммунальная инфраструктура, экологическое благополучие; человек должен быть уверен, что у него будет работа, которая даст устойчиво растущий доход и, соответственно, достойный уровень жизни. Он должен иметь доступ к действенным механизмам обучения в течение всей своей жизни, позволяющим ему развиваться и строить свою карьеру, а после ее завершения получить достойную пенсию и социальный пакет; человек должен быть уверен, что он получит качественную, эффективную медицинскую помощь, когда это требуется. Система здравоохранения в любом случае обязана гарантировать ему доступ к современному уровню услуг; независимо от дохода семьи дети должны иметь возможность получить достойное образование и реализовать свой потенциал, — а он есть у каждого ребенка. Только так можно будет гарантировать наиболее эффективное развитие современной экономики, где люди — не средство, а цель¹.

Итак, лидер страны сформулировал задачи по строительству такой модели социального и экономического поступательного движения России, которая обеспечит наилучшие условия для самореализации человека, удовлетворения его естественных, истинных потребностей. Решение этих задач позволит создать социально-экономическую основу гармоничного общества. Получается, что Россия оказывается в авангарде мировых преобразований. Но возникает вопрос: ведь у России еще остаются нерешенные проблемы с бедностью, низкими доходами семей, нарушением закона в общественных отношениях, которые препятствуют созданию гармоничного общества.

¹ Стенограмма выступления В.В. Путина на онлайн-форуме «Давосская повестка дня 2021» // <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-onlain-forume-davosskaja-povestka-dnja-2021-27-01-2021.html>.

Да, это так, но вместе с тем, последнее следует начинать строить как раз посредством решения этих вопросов.

С чего начать модернизировать социально-экономические отношения? Что является основным инструментом преобразований? Кто выступает социальной основой строительства новых общественных отношений? Какие идеи можно предложить для успешного строительства гармоничного общества? На данном этапе развития России подобных вопросов много. Думается, что *для модернизации социально-экономических отношений российской элите и гражданскому обществу нужно начать с создания эффективного государства*, призванного обеспечить строгое соблюдение закона всеми без исключения. Как известно, свободно исполняются лишь такие законы, которые люди внутренне принимают. Поскольку гармонично развивающуюся Россию предстоит строить всем ее гражданам, *главное при масштабных и глубоких переменах заключается в готовности народа к принятию новых идей. На первый план здесь выходит не столько материальное, сколько моральное (ментальное) и нравственно-духовное состояние общества.*

В связи с этим актуально звучат мысли И.А. Ильина о том, что нация, способная к «творческому акту» в мировой истории, — это «народ, получивший Дары Святого Духа и претворивший Их по-своему» [2, с. 279–282]. Понятно, что речь идет не о количественной массе и не просто о населении. Российская творящая нация, по мнению Н.А. Нарочницкой, «...преемственно живущее целое, связанное Верой, духом, мирозерцанием, общими представлениями о добре и зле, историческими переживаниями» [3, с. 532].

К этому можно добавить, что российский народ имеет большую силу духа, рождающую волю и смелость в преодолении огромных трудностей и испытаний. Во все времена их было немало. Только за 1917–1991 годы российский народ прошел через тяжелейший эксперимент социалистического строительства. Пережив шокотерапию вначале 1990-х годов, в 2000–2021 годы он узнал капиталистические отношения, увидел, что представляет собой западное потребительское общество, какие у него законы, мораль и нравственность.

Представляется, что российский социум, имея опыт как социалистического, так и капиталистического развития, готов взять из него только все лучшее, — производительно трудиться, утвердить в общественных отношениях верховенство права, социальную справедливость в виде равенства возможностей, обеспечить качество и доступность образования и здравоохранения, защищать свои традиционные духовно-нравственные ценности и историческую память и культурные достижения. При этом, конечно, Россия должна оставаться суверенной.

Итак, формирующейся сегодня национально ориентированной, просвещенной, суверенной элите есть на кого опереться в процессе необходимых преобразований, направленных на обеспечение наилучших условия для

самореализации человека, удовлетворения его естественных потребностей. Начать эти реформы надо с создания эффективного государства, создающего условия для полноценного развития рыночной конкуренции, — движущей силы производительной экономики.

Конкуренция — источник развития гармоничного общества

России, имеющей социалистический и капиталистический опыт развития, в строительстве гармоничного общества нужен механизм добросовестной капиталистической конкуренции, гарантированной соблюдением закона. Российской элите следует создать оптимальные условия для мотивации граждан к высокопроизводительному труду, которые создаются эффективным государством, своевременно и компетентно решающим возникающие проблемы, обеспечивающим неукоснительное исполнение закона всеми без исключения гражданами страны. Только в правовом государстве, приводящем к возрастанию ответственности граждан, оно может обеспечить реальную конкуренцию в экономике и, как следствие, свободное развитие рыночных отношений. В свою очередь, конкуренция среди участников экономических отношений неизбежно будет способствовать возрастанию их личной ответственности за свою жизнь и судьбу, побуждать к компетентности и создавать мотивацию к производительному труду.

Чтобы выжить в условиях непрестанной конкуренции, бизнес вынужден будет наращивать производительность труда с помощью высоких технологий и новых методов организации труда. Таким образом, рыночные отношения, опирающиеся на принципы свободной конкуренции, компетенции и ответственности, оказываются теми естественными регуляторами, которые борются с безответственностью, глупостью, леностью и иждивенчеством и, в конечном счете, ведут к повышению эффективности экономики страны.

Почему нельзя использовать социалистический опыт экономического развития в строительстве гармоничного общества? Потому что социалистическое соревнование и командно-административные методы управления не создают у инженеров, конструкторов, предпринимателей, рабочих, сельских тружеников мотивации к росту производительности труда. Восстановление в России насильственно-мобилизационной модели развития экономики образца 1928–1953 годов невозможно и ничего не даст, поскольку новая технологическая база экономики требует знаний, а не насилия и внеэкономических методов принуждения к труду.

Разумеется, трудовой энтузиазм, с которым строили великие стройки в Советском Союзе, есть и сегодня. Достаточно сказать о быстром воздвижении уникального Крымского моста, энергичном строительстве гигантского порта Усть-Луга, огромного завода по производству сжиженного природного газа, расположенного на полуострове Ямал и так далее. Но нынешний энтузиазм людей связан с высокой целью и с материальной мотивацией, а не с социализмом.

Капитализм, имея рыночные механизмы конкуренции, намного производительнее социализма. Капитализм — закон выживания, а социализм — это перераспределение, рождающее иждивенчество и безответственность. Капитализм использует модель природы — естественный отбор, построенный на мотивации выживания, поэтому он и выживает. А при социализме руководство СССР, не решив продовольственную проблему, стало закупать зерно в Канаде.

В таком случае возникают вопросы другого порядка. В частности, почему тогда современное потребительское общество, основанное на капиталистических отношениях, зашло в глубокий системный кризис? Как раз потому, что после распада Союза Советских Социалистических Республик, когда исчез главный идеологический соперник, правящие элиты Запада «расслабились». В период холодной войны (1946–1991) они были мотивированы на конкуренцию с Союзом ССР и стремились избегать безответственности и некомпетентности.

Но ситуацией воспользовались транснациональные компании, которые быстро установили новые правила игры, создав глобальную систему производства и реализации. Главную роль в выборе мест для дочерних структур стала играть минимизация суммарных производственных и сбытовых издержек. В итоге страны Запада вывели свои промышленные производства в Китай, Южную Корею, Тайвань и другие государства, лишив своих граждан рабочих мест. Основной доход жители западных стран стали получать не от собственной производительной деятельности, а от кредитов, депозитов и социальных пособий.

Западное общество, развращенное незаработанными социальными выплатами и доступными кредитами, перестало контролировать деятельность банков, транснациональных компаний и других монополистов. В результате в течение 1991–2021 годов западный капитализм трансформировался в паразитический и мошеннический. А свобода без ответственности в обязательном порядке приводит к кризису. В настоящее время в странах Запада развивается не кризис капитализма, а кризис безответственности финансовой системы, построенной на обмане и фальшивых операциях.

* * *

Между тем Российское государство сегодня функционирует неэффективно, поскольку оно не гарантирует равенство всех перед законом, не борется должным образом с монополизмом, не защищает граждан от незаконного захвата частной собственности, не обеспечивает подлинную свободу предпринимательства. Более того, государственные служащие зачастую сами нарушают закон, — берут взятки, разворовывают бюджетные средства, стоят за рейдерскими захватами; во многих случаях еще и некомпетентно исполняют свои обязанности. Повсеместно нарушают закон представители бизнеса и сами граждане.

Как результат, в России вместо рыночной сформировалась монополизированная, рентная, неконкурентоспособная экономика, в которой у граждан нет мотивации к производительному труду, а у бизнеса отсутствуют стимулы к внедрению наукоемких технологий и новых принципов организации труда. В ней заправляют те, кто ближе к власти или сами ею являются. С такой экономикой России гармоничного общества не построить.

Поэтому правящей элите следует предпринять незамедлительные меры по наведению порядка в стране посредством установления верховенства закона и повышения всеобщей ответственности, а также по созданию условий, способствующих мотивации россиян к производительному труду. А для этого, в первую очередь, надо создать эффективное государство, которое является главным инструментом модернизации страны, в особенности экономики.

Без эффективного государства все попытки создать в 2000–2021 годы мощную экономику, достичь высокого уровня жизни народа, сформировать массовый средний класс не привели к желаемым результатам. Так, в числе основных нерешенных проблем в России, «которые чувствительны, для людей остаются бедность, низкие доходы многих семей, невысокое качество первичного звена здравоохранения, изношенность школьных зданий»², — подчеркнул В.В. Путин 21 июля 2021 года на заседании Совета при Президенте России по стратегическому развитию и национальным проектам.

Общество потребления требует расширения рынка сбыта. Это делать с каждым годом все труднее. У нашей страны огромный рынок, но ей необходимо добиваться новых технологий, за счет которых можно увеличивать производительность труда. А для этого с помощью модернизации страны, в которой главную роль играет эффективное государство, необходимо создать общество компетентных и ответственных людей. У России свой путь становления гармоничного общества, при котором средний класс будет расти за счет новых социальных отношений, а общественные отношения меняться за счет новых производственных отношений. Изменяется и ценности жизни.

Модернизируя общественные отношения посредством эффективного государства, российская элита создает условия для формирования у людей инициативы (прежде всего в экономической сфере), мотивации к труду и ответственности за свою жизнь и судьбу. Это происходит благодаря тому, что государственная власть, с одной стороны, постепенно создает соответствующее законодательство, а с другой, — начинает обеспечивать права, свободы и обязательную ответственность перед законом всех граждан в равной мере. Все это формирует условия для производительного труда

² Владимир Путин в режиме видеоконференции провел заседание Совета при Президенте по стратегическому развитию и национальным проектам. 21 июля 2021 г. // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66217>.

граждан, утверждения верховенства права, свободы выбора людьми своего жизненного пути и ответственности за него.

Вместе с тем ограничиваться положительной ролью одного только государства нельзя. Российским гражданам нужно научиться защищать свои права, борясь за них всеми законными способами, активно контролировать деятельность органов государственной власти и их должностных лиц. Это можно сделать посредством создания и внедрения в государственно-властные отношения механизмов прозрачности и ответственности.

Создание новых механизмов общественного контроля

Чтобы настроить государство на эффективное функционирование, правящей элите придется обновить совокупность административно-правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере государственного управления. *Суть этих изменений состоит во внедрении в структуру властно-государственных отношений механизмов прозрачности и неукоснительной личной ответственности исполнителей, единственно позволяющих устранить коррупцию, хищение бюджета, некомпетентность государственных и муниципальных служащих и неэффективность государственной системы в целом. В этом и состоит основной смысл модернизации государства.*

Добиться ответственности чиновников за принимаемые ими решения и осуществляемые действия можно только с помощью системы прозрачности всей их деятельности. При этом под прозрачностью следует понимать свободный доступ граждан к полной, достоверной, своевременной и регулярной информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления и их должностных лиц. В результате бюрократия окажется под постоянным и строгим общественным контролем, который принудит ее эффективно исполнять свои функции [3, с. 38]. Эти мысли были сформулированы еще в 2010 году, но пока они не востребованы правящей элитой и, как следствие, не реализованы государством. Между тем их актуальность только возросла в связи с современным строительством гармоничного общества, которое невозможно без повсеместного и постоянного контроля граждан посредством механизма прозрачности. Именно благодаря такому контролю при безответственном исполнении государственными и муниципальными служащими своих обязанностей и нарушении закона российские граждане получают возможность правового давления на них. В соответствии с федеральным законодательством оно может осуществляться путем подачи судебных исков; заявлений в прокуратуру; обращений в государственные органы и органы местного самоуправления; проведения журналистских расследований; выступлений в СМИ; организации публичных акций — митингов, шествий и демонстраций; избрания на выборах новых губернаторов, депутатов всех уровней, глав местного самоуправления.

Кроме того, прозрачность будет способствовать активному вовлечению простых граждан, Общероссийского народного фронта, Общественной палаты Российской Федерации, союзов предпринимателей, юристов, экологов и иных общественных организаций, а также средств массовой информации, политических партий, профсоюзов в процесс преобразования России.

Таким образом, смысл общественного контроля состоит, с одной стороны, в правовом принуждении должностных лиц и простых служащих органов государственной власти, органов местного самоуправления к ответственности по обеспечению неукоснительного соблюдения закона всеми без исключения, компетентному регулированию экономических, социальных и гуманитарных вопросов. С другой стороны, общественный контроль поможет государственным и муниципальным служащим навести порядок в своих рядах, — быть ответственными, неподкупными, компетентными [4, с. 16].

Разумеется, на практике все гораздо сложнее. В 2020 году Счетная палата Российской Федерации проверила работу министерств и ведомств по открытости их сайтов, информационных систем и коммуникаций. Выяснилось, что своевременно реагируют на запросы граждан меньше половины министерств, то есть большая часть из них на обращения граждан отвечает с нарушениями законодательства, а на вопросы журналистов откликается и вовсе меньше трети. Такая ситуация не только не поднимает уровень доверия граждан к государству, но и препятствует развитию общественного контроля.

Думается, что, выход из этого положения заключается в интенсивном развитии информационно-коммуникативных технологий. Оно дает возможность создать в Интернете электронный прямой (непосредственный) общественный контроль от Камчатского и Приморского краев до Калининградской области в виде специального цифрового портала. Он может содержать цифровые ресурсы {текстовые, звуковые (аудио), графические, числовые, демонстрационные (видео) и др.} по контролю граждан и общественных организаций над деятельностью органов государственной власти и органов местного самоуправления и их должностных лиц. *На электронной платформе прежде всего следует открыть «окно» по деятельности судов на федеральном, региональном и местном уровнях, принявших неправосудные судебные решения и приговоры, вступившие в силу. Общероссийский электронный общественный контроль может использовать все законные средства, необходимые для отмены неправосудных решений, введения механизма ответственности в деятельность судебной власти.*

Востребованным будет «окно» по вопросам давления на предпринимателей и отъема собственности нечистоплотными чиновниками и сотрудниками правоохранительных органов. На электронной платформе актуальными станут также «окна» по организации выборов, решению проблем экологии,

образования, медицинского обслуживания, ремонту дорог, строительству жилья и местном самоуправлении.

Цифровые технологии позволят гражданам быстро и своевременно заявлять о нарушении закона, получать поддержку в том случае, когда их права и интересы нарушаются, а главное, — добиться рассмотрения вопроса по существу. Деятельность электронного народного контроля принудит государственных и муниципальных служащих ответственно, а значит, компетентно исполнять свои обязанности. В частности, защитит граждан от *узаконенного произвола* со стороны недобросовестной бюрократии.

Общероссийский цифровой портал «Общественный контроль» явится инструментом, во-первых, сетевого объединения и взаимодействия граждан; во-вторых, повышения их правовой и политической культуры, поскольку потребует соответствующих знаний как в процедурах прямого обращения в органы государственной власти и органы местного управления, так и в форме общественных проверок, мониторинга, экспертиз, обсуждений, опросов; в-третьих, организации конструктивного взаимодействия государства и общества, массовой подготовки общественных активистов по строительству правового государства и развития гражданского общества; в-четвертых, поддержки и продвижения общественно значимых инициатив и проектов. В результате электронный контроль позволит вовлечь россиян в процесс модернизации государства, экономики и общества.

Он же может способствовать пресечению коррупции и произвола чиновников, выявлению среди последних недобросовестных и некомпетентных лиц. Для функционирования такого контроля потребуются воля, решимость, достоинство и самоуважение граждан, способных к самоорганизации и самоуправлению. Возможно, это звучит идеалистически, но только подобный идеализм ведет к новым знаниям, а с ними и к подъему духа, а следовательно, и силе воли в решении важнейшей задачи гражданского общества: осуществлению повсеместного и постоянно действующего контроля над деятельностью государственных органов власти и должностных лиц.

Важная роль в создании эффективного государства принадлежит внедрению в государственно-властные отношения механизма всеобщей и неукоснительной ответственности. Для его реализации в Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ необходимо внести норму, не утвержденную Государственной Думой при ратификации Россией 17 февраля 2006 г. «Конвенции ООН против коррупции». Речь идет о статье 20 «Незаконное обогащение» о значительном увеличении активов публичного должностного лица, превышающих его законные доходы, которое владелец не может разумным образом обосновать. Ратификация нормы «незаконного обогащения» и внедрение ее в российское законодательство, безусловно, позволит существенно

повысить ответственность должностных лиц в государственных органах власти и органах местного самоуправления.

Наиболее действенным инструментом ответственности является конфискация доходов и имущества, нажитых преступным путем. Под конфискацией понимается принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора имущества. В настоящее время эта норма закреплена в статье 104.1. Уголовного кодекса Российской Федерации, согласно которой можно изъять в собственность государства только незаконно полученные деньги или то имущество, что куплено на них [5, с. 76]. Однако конфискация имущества, как свидетельствует правоприменительная практика 2010–2021 годов, осуществляется закрытым для общества образом. Чтобы избежать злоупотреблений, необходимо законодательно обеспечить открытое проведение конфискации имущества коррупционеров. Существенную роль в создании механизма ответственности в государственно-властных отношениях может сыграть использование такого инструмента, как полиграф (детектор лжи).

Итак, скорость и масштабы социальной, экономической, технологической трансформации, которая происходит и в России, и во всем мире, требуют от отечественной правящей элиты и общества не просто отвечать на эти вызовы, а стремиться быть лидером мировых изменений. У нашей страны для этого есть все. Это — сильный духом, образованный и культурный народ, мощные вооруженные силы, способные дать отпор любому агрессору, огромные природные ресурсы, являющиеся нашим конкурентным преимуществом, и большой внутренний рынок. Россия сегодня обеспечила свою продовольственную и лекарственную безопасность, рубль не обременен давлением доллара, наконец, она имеет существенные золотовалютные резервы.

Доверие как условие развития гармоничного общества

Гармоничное общество невозможно без доверия между гражданами, а также без взаимного доверия общества и государства. Доверие между гражданами основывается, с одной стороны, на их личных качествах, а с другой стороны, обеспечении государством равенства всех перед законом. Поскольку человек является отражением общества, а общество отражает человека, то от качества людей зависят их отношения. Иными словами, *чтобы люди доверяли друг другу, они должны обладать определенными моральными качествами, духовно-нравственными ценностями, иметь определенный уровень образования и культуры. В свою очередь, государство обязано гарантировать равенство всех перед законом, тем самым обеспечивать равенство возможностей людей в реализации их способностей.*

Эти условия порождает эффективное государство. Именно оно призвано гарантировать соблюдение закона всеми участниками общественных от-

ношений, тем самым создать условия для равноправной и добросовестной конкуренции — механизма принуждения к производительному труду. Необходимо, чтобы оплата труда соответствовала реальному труду. У людей должна быть мотивация производительно трудиться за счет новой организации труда и техники, идти в рабочие не только за высокой зарплатой, но и за общественным признанием.

В гармоничной стране формируются условия, когда каждый человек способен реализовать свои способности, а тем самым достойно пройти свой жизненный путь. Как для этого, так и для того, чтобы человек мог свободно жить в гармоничном обществе, необходимо воспитать ответственную, компетентную, нравственную и патриотическую личность.

Большую роль в этом процессе играют семья и школа. В семье закладываются общие основы нравственности, представления о хорошем и плохом, правильном и неправильном, добре и зле. В школе формируются знания, которые нужны человеку для свободной реализации своих способностей. Помимо изучения математики, физики, химии, биологии принципиально важную роль играет литература, передающая нравственные ценности, которые становятся основой мировоззрения. Большое значение имеет история, воспитывающая патриота, гражданина своей страны. Совокупность всех этих факторов, по моим представлениям, способствует уважительному и доверительному отношению людей друг к другу.

Для установления доверия общества государству необходимо, *во-первых*, чтобы государственная власть гарантировала права и свободы человека, своевременно и качественно решала, встающие перед страной социально-экономические, гуманитарные и иные вопросы.

Во-вторых, правящая элита, используя государство как свой инструмент в преобразованиях страны, должна поделиться с обществом частью власти. Для этого ей посредством механизма прозрачности нужно создать условия по осуществлению гражданского контроля над деятельностью государственных органов власти и их должностных лиц. Задача общественного контроля в строительстве гармоничного общества состоит в правовом принуждении должностных лиц и служащих органов государственной власти, органов местного самоуправления к ответственности и компетентности в исполнении своих обязанностей. По сути, гражданский контроль вовлекает членов общества в государственные дела. Это, безусловно, укрепляет доверие гражданского общества к государству.

В-третьих, государственной власти необходимо проводить выборы легитимно. Сущность легитимных выборов состоит в установлении общественного доверия к избирательному процессу, безусловном признании результатов выборов гражданами, отсутствии попыток их оспаривания как внутри, так и за рубежами страны. Именно доверие граждан к изби-

рательному процессу, основанное на их правомерности, добросовестности и справедливости, признание избирателями итогов выборов предопределяют наличие или отсутствие общественного согласия и, как следствие, порождают представление у избирателей о легитимности выборов.

Таким образом, легитимные выборы проводятся в условиях, когда в стране есть, с одной стороны, доверие между гражданами, между обществом и государством, в том числе к институту выборов, а с другой стороны, когда государственная власть доверяет обществу. Невозможно добиться взаимного доверия, если интересы общества и государства разные [5, с. 77–78].

Доверие станет движущей силой строительства гармоничной страны, когда оно будет охватывать все общество и государство. Взаимное доверие государства и общества предполагает общность их интересов и целей. Таким общим делом, безусловно, выступают национальные интересы России. В соответствии со «Стратегией национальной безопасности Российской Федерации», утвержденной указом главы государства 2 июля 2021 года, национальными интересами страны является следующий ряд факторов:

сбережение российского народа, развитие человеческого капитала, повышение качества жизни и благосостояния граждан;

защита конституционного строя, суверенитета, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, укрепление обороны страны;

поддержка гражданского мира и согласия в стране, укрепление законности, искоренение коррупции, защита граждан и всех форм собственности от противоправных посягательств, развитие механизмов взаимодействия государства и гражданского общества;

развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия;

устойчивое развитие российской экономики на новой технологической основе;

охрана окружающей среды, сохранение природных ресурсов и рациональное природопользование, адаптация к изменениям климата;

укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России;

поддержание стратегической стабильности, укрепление мира и безопасности, правовых основ международных отношений³.

³ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Официальное опубликование правовых актов. Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru).

Национальные интересы России должны объединить общество и государство в строительстве гармоничного общества. В результате будет обеспечена и легитимность выборов.

Для взаимного доверия общества и государства на выборах важно, чтобы их деятельность была прозрачной. Когда информация не доступна для понимания того, что делают в избирательном процессе организаторы выборов (избирательные комиссии), представляющие государственную власть, а также представители общества (кандидаты, политические партии, общественные наблюдатели), тогда доверие, скорее всего не возникнет. Полагаю, что осуществление этих условий станет основой доверия общества к государству. Результатом этого доверия является высокая явка граждан на выборах. Их готовность делегировать избранной власти широкие полномочия, видеть в государстве, его органах, его служащих своих представителей, тех, кому доверено принимать решения, и с кого надлежит строго спрашивать за исполнение обязанностей.

Чтобы граждане доверяли выборам, необходимо иметь взаимное доверие не только между обществом и государством, но и внутри самого социума. Поскольку выборы, как подчеркивает Е.И. Колюшин, «представляют собой совокупность всех фактических общественных отношений, которые возникают между избирателями и соискателями права осуществлять публичную власть от имени народа, в том числе отношений, возникающих при голосовании» [6, с. 13], важно, чтобы граждане доверяли друг другу. Итак, легитимные выборы способствуют строительству гармоничной страны, что отвечает ее национальным интересам.

В свою очередь, чтобы государство доверяло обществу, стране следует иметь самоуправляемое, сильное, свободное, самостоятельное, национально ориентированное и суверенное гражданское общество. Оно формируется в глубинах народной жизни, отражая историю, культуру, традиции страны, и не является результатом внешних политических сил. Чтобы иметь такое общество, правящая элита с помощью своего инструмента — государства — обязана создавать условия для его развития.

Прежде всего, это социально-экономические условия, благодаря которым растет массовый средний класс — социальная основа сильного, самоуправляемого гражданского общества. Государство должно также обеспечить правовое регулирование процесса развития его субъектов — политических партий, конкурирующих между собой, средств массовой информации, объективно и ответственно отражающих проблемы страны, общественных организаций, проявляющих конструктивные инициативы. В связи с этим государство обязано поддерживать общественные инициативы, открывать для них новые возможности. Все это позволит обществу самоорганизоваться, наладить внутренние связи, раскрыть свой потенциал.

Самосовершенствование человека

Строительство гармоничного общества, в котором каждый человек находит применение своих способностей для развития страны благодаря созданной системе возможностей, требует формулирования новых идей, создания соответствующей идеологии. Поскольку в центре гармоничного общества стоит человеческая жизнь, в процессе его создания поменяется качество последней и, как следствие, самого человека. В связи с этим представляется необходимым кратко сформулировать некоторые идеи самосовершенствования человека.

Создание гармоничных общественных отношений предполагает соединения духовного и материального в жизни человека, что станет движущей силой преобразования общества. Для этого человек должен измениться, сделав более престижным потребление не материальное, а духовное, творящее добро. Чтобы измениться, личности необходимо иметь силу для самосовершенствования. Эта сила в правде, затем в вере, далее в знаниях, наконец, в истине — в Создателе. Учиться каждый день — развитие, а оно выражается в силе, которая необходима для преодоления препятствий и трудностей в познании. Следовательно, совершенствование человека — процесс постоянного развития.

Менталитет человека быстро меняется под воздействием нужных законов. Духовно-нравственное состояние человека меняется медленнее. Человек в гармоничном обществе должен быть мотивирован на нужные действия и поведение. Достигается это за счет принятия государством и реализации обществом необходимых законов, а также соответствующего духовно-нравственного состояния личности. Мотивация должна быть внутри каждого человека, поскольку он живет, чтобы познать самого себя, окружающий мир, вселенную.

Познавать себя — познавать Бога, так как он в каждом из нас. Познавая себя, следует меняться. При этом нужна вера и знания, о которых говорилось выше. Поскольку каждый человек — частичка Бога, каждый имеет внутри души рай и ад. Все зависит от выбора пути человеком либо праведного, либо греховного, поэтому за все надо отвечать.

Процесс самопознания ведет к соблюдению нравственных принципов, которые требуют от человека постоянного труда самосовершенствования. Это обусловлено тем, что состояние сознания человека, определяющее все его отношения, мысли, слова и дела, никогда не остается длительно на одном и том же уровне. Оно, а вместе с ним и менталитет, либо возвышается (расширяется), либо снижается (сужается). При этом, если для возвышения состояния сознания человеку необходимо прилагать немалые усилия (внутренние силы духа и воли, которых у обычных людей немного), то для его снижения никаких особых усилий не требуется, — все происходит само

собой под влиянием автоматически действующих поведенческих программ и психических эмоциональных реакций.

Большинство людей очень легко и быстро скатываются вниз к примитивным, бессознательно проявляющимся эгоистичным отношениям, основанным на страхе, которые во всех религиях определяются как «грехи». И крайне мало тех, кто способен возвыситься до любви и веры, побеждающих страх и эгоизм человека (ибо там, где главенствуют любовь и вера, страху и эгоизму нет места). А такие высшие отношения любви и веры приводят к преобладанию у людей, обретших их, не столько даже моральных, сколько нравственных принципов поведения.

Таким образом, формируемые на основе нравственности внутренние отношения людей становятся главными движущими силами, способными в корне изменить структуру существующих социально-экономических, производственных и потребительских общественных отношений, а также характер социально-политических структур государства, точнее, всей его деятельности. А сознательное восприятие и применение этих отношений в жизни преобладающей частью человечества является «целевым идеалом» его развития» [3, с. 49].

Формирование у людей новых экономических, политических и иных общественных отношений, менталитета и принципов бытия невозможно без их непосредственного желания и участия, без самопознания и самоконтроля, обретения ими веры, сил и воли. В создании новой социально-экономической модели развития мирового сообщества у человечества нет альтернативы нравственному и интеллектуальному самосовершенствованию. Либо оно пойдет по этому пути, либо его постоянно будут постигать социальные потрясения и экономические кризисы, а мировые элиты — политические крушения.

Между тем люди должны жить, с одной стороны, за счет своего производительного труда, а не за счет кредитов, полученных подчас от мошеннических финансовых операций банков, незаконной деятельности транснациональных кампаний, а также подачек от грабежа государствами Запада стран Ближнего Востока, Африки, Азии, Латинской Америки, имеющих природные ресурсы. С другой стороны, для гармонии жизни человеку недостаточно одного материального благополучия, ему необходима пища духовной жизни: «Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мтф., 4:3).

Именно в гармоничном обществе, в котором материальные интересы, регулируемые законом, уравновешены духовно-нравственными ценностями и моральными потребностями, люди становятся свободными и ответственными. Перед каждым человеком всегда стоит нравственная задача совершенствования себя. Эта «нравственная задача вырастает из свидетельства

совести» [7, с. 578], — писал философ В.С. Соловьев в конце XIX века. Именно совесть, которую надо понимать как «весть Создателя», постоянно понуждает человека к самостоятельному нравственному совершенствованию.

Путь совершенствования и нравственного обновления человека сводится, в сущности, к всесторонней борьбе и торжеству добра над злом, живущим внутри каждого из нас. Правда, как «добро», так и «зло» — понятия относительны и зависят от наших субъективных оценок, тем не менее зло всегда скрыто в деталях, в самых ничтожных наших отношениях и слабостях. В жизни человека, равно как и в общественных отношениях, добро выигрывает стратегически, а зло выигрывает тактически. В конечном счете, добро всегда побеждает.

Сегодня в России главным злом является эгоизм людей, проявляющийся в беззаконии и бедности народа, коррупции и воровстве чиновников, мошенничестве и алчности бизнеса, нежелании людей заниматься производительным трудом. Следовательно, настоящее зло кроется в самом человеке, в его эгоизме, проявляемом в отношениях к другим людям. Человек есть начало, суть и средство любого зла. Но он же подобие Бога, того идеала состояний и возможностей, которые он может обрести, хотя часто не в силах (и не хочет) этого сделать.

Поэтому человек есть источник блага в себе самом. Бог сотворил человека для блага — удовлетворения его естественных, истинных потребностей. Познать свои истинные потребности — важнейшая задача человека. *Все, что свойственно человеку как образу Божию, осуществляется самим человеком. Отсюда главное Божественное Благо — в свободе выбора человека своего жизненного пути. Затем у него обязательно должна быть ответственность за этот выбор.*

Истинный смысл общественного развития состоит в том, чтобы наделить каждого человека максимальными правами и свободой, не ущемляющими прав и свобод других людей. Но одновременно — и максимальной ответственностью за свою жизнь и судьбу (а также, если он этого захочет, за судьбу своей страны и всей планеты), и создать ему необходимые (внешние) условия для познания мира, (внутреннего) самопознания и самосовершенствования. Дальше все будет зависеть только от него самого, его способностей, сил и воли.

Совершенствование человека происходит здесь и сейчас, когда он познает себя и окружающий мир до конца дней своих, поскольку познание и есть жизнь. В познании и понимании себя истинного есть начало начал. Путь самопознания ведет к освобождению от ложных догм, мнений, стереотипов и авторитетов, прежних оценок и критериев, признанных ошибочными. Необходимым условием самопознания является искренность. Она выявляет внутреннюю чистоту личности и обеспечивает переход к иной энергетике, иному состоянию сознания.

Расширение сознания возможно только через искренность, чистоту, бесстрашие. Каждому человеку необходимо учиться, хотя это и сложно, управлять собой, своими эмоциями, желаниями и намерениями. Только через борьбу с собой можно стать истинно свободным. Поскольку в человеке все взаимосвязано, то любой маленький шаг вперед окрыляет его и раскрывает новый потенциал, иные ступени совершенствования, до того казавшиеся невозможными.

Внутренняя свобода позволяет человеку реализовать заложенные в нем высшие возможности. В ней — высший смысл жизни: стать подобным Богу, мочь все, не позволяя себе почти ничего, полностью управляя собой и за все осознанно отвечая. Нельзя быть свободным, оставаясь рабом своих желаний, страхов, мыслей. В этой истинной, абсолютной свободе от обстоятельств — цель развития и совершенствования личности. При этом важно осознавать, как отмечал В.С. Соловьев, что «личное совершенствование каждого человека никогда не может быть отделено от общего, личная нравственность — от общественной» [7, с. 578].

Итак, общество потребления — живи одним днем, в свое удовольствие — путь к деградации. *Смысл жизни человека — в процессе познания себя, окружающего мира, Вселенной стать ответственным, компетентным, нравственным человеком.* Российским людям для ощущения полноты и смысла жизни недостаточно материи, им нужна духовность. Представляется, что идеология духовности и материальной заинтересованности сформируется в России.

Защита природы — условие гармоничного общества

Совершенствование человека и общественных отношений, влияющих на развитие стран, всего мирового сообщества связано с бережным отношением к природе. Пробуждение экологической нравственности в человеке — важная задача, которую следует решать, строя гармоничное общество. В свое время Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, Н.Я. Данилевский, В.С. Соловьев, В.И. Вернадский, Н.А. Бердяев, А.И. Ильин и другие мыслители исходили из принципа, что духовно-нравственные начала в человеке первичны. Поэтому они должны совершенствоваться опережающими темпами перед всеми иными, тем более перед техническим прогрессом, который зачастую несет урон природе и окружающей среде.

Нравственный прорыв должен предшествовать интеллектуальным и материалистическим достижениям. Наука открывала новые источники жизни численно возрастающему человеческому роду, чтобы он не уничтожал природу ради своего выживания и благополучия. Но сегодня доминирует потребительское отношение к природе, которая воспринимается преимущественно как источник ресурсов для развития материального производства.

Такое восприятие окружающей среды ведет к обострению экологического кризиса, выражающегося в истощении и деградации природных богатств.

Например, США и Китай, стремясь любой ценой обеспечить свое благосостояние, наносят экологии наибольший урон своими огромными объемами вредных выбросов в атмосферу. В частности, в США почти весь газ добывается катастрофическим для экологии способом — с помощью гидроразрыва пласта, в который закачиваются десятки и сотни тонн химикатов, наносящих прямой ущерб природе.

Между тем мировому сообществу нужно объединять усилия перед лицом общих системных и долгосрочных вызовов, которые не зависят от конъюнктуры рынков, от политических споров, но в решающей степени определяют будущее человечества. Речь идет о мировой климатической повестке. По подсчетам ученых, в результате хозяйственной деятельности человека в атмосфере Земли накопилось свыше двух триллионов тонн парниковых газов. Каждый год их объем увеличивается на 50 миллиардов тонн, постепенно нагревая планету.

В защите экологии и сохранении природы Россия играет в мире особо важную роль, прежде всего благодаря своим огромным лесным ресурсам. Россия целеустремленно стремится снизить парниковую эмиссию до более низкого уровня, чем в Европе, продолжает работу по сокращению выбросов при добыче углеводородов. Наша страна планирует работать еще по ряду экологических направлений, содержание которых раскрыл В.В. Путин, выступая 4 июня 2021 года на пленарном заседании XXIV Петербургского международного экономического форума.

Первое из них — это проекты по снижению объемов выбросов в отраслях экономики. Российская энергетика наращивает долю низкоуглеродных источников, прежде всего за счет строительства атомных и гидроэлектростанций, а также возобновляемых источников. На основе атомной отрасли Россия создает инфраструктуру производства водорода, который будет использоваться в качестве сырья, топлива, энергоносителя, в том числе в металлургии, в производстве цемента и на транспорте.

В нашей стране продолжается снижение выбросов при добыче углеводородов и утилизации попутного газа. Примечательно, что из всех нефтедобывающих стран Россия больше всех в мире утилизирует газ таким образом. Планируется глубокая модернизация тепловой энергетики, электрификация газотранспортной инфраструктуры, дальнейшее повышение энергоэффективности в жилом секторе и системах теплоснабжения, перевод общественного транспорта на газ, электричество, гибридные двигатели, снижение материалоемкости в строительстве. По сути, речь идет о сквозном технологическом обновлении всей экономики и инфраструктуры. Запуск таких проектов требует стимулирования с помощью рыночных инструментов.

С этой целью Россия приступает к выпуску субсидированных государством «зеленых облигаций».

Конечно, решение проблемы глобального потепления только с помощью сокращения объемов выбросов недостаточно. Для достижения так называемой углеродной нейтральности важный показатель — это поглощение парниковых газов. Президент России по этому поводу подчеркнул, что требуется снизить их объем, который уже накопился в атмосфере, и здесь главная задача — научиться улавливать, хранить и полезно использовать углекислый газ от всех источников.

В этой связи второе направление работы состоит в том, чтобы создать индустрию, где будут обращаться так называемые углеродные единицы. Это — своего рода актив, который характеризует объем поглощения вредных выбросов в атмосферу участком земли или лесом. Провел дополнительную работу на участке, увеличил его поглотительную способность — значит, создал какое-то количество углеродных единиц. Уже сегодня многие страны и объединения планируют принимать эти единицы от экспортеров, компенсируя выбросы от производства ввозимых товаров. Это принципиально новый рынок.

Россия обладает колоссальным поглощающим потенциалом лесов, тундры, сельскохозяйственных земель и болот. На нашу страну приходится пятая часть мировых лесов, которые занимают почти 10 миллионов квадратных километров. По оценкам ученых специалистов, уже сейчас они поглощают миллиарды тонн эквивалента углекислого газа ежегодно.

Значимость природного потенциала России для обеспечения климатической устойчивости планеты в целом огромная. Поэтому в силу своих естественных природных преимуществ она может занять особое место на глобальном рынке углеродных единиц. Для этого необходимо нарастить эффективность использования лесов и земель, повысить их поглотительную способность. В этих целях необходимо продолжить наращивать площади по восстановлению лесов, бороться с лесными пожарами, расширять территории нетронутой природы, в заповедники и национальные парки внедрять новые, восстанавливающие почву агротехнологии.

В реализации климатических проектов в России нужно создать прозрачную, объективную систему оценки их результатов, — зафиксировать текущую поглотительную способность участков и ту, которая получится после реализации проекта. Собственно, необходимо рассчитать «дельту» в виде так называемых углеродных единиц. При этом главное, наладить мониторинг эмиссии и поглощения парниковых газов, основанный на наблюдениях из космоса, цифровых технологиях и методиках искусственного интеллекта. Глава Российского государства отметил, что такая национальная система с привлечением потенциала отечественной науки в стране уже

выстраивается. Создается сеть так называемых карбоновых полигонов, где отрабатывается контроль над эмиссией и поглощением углекислого газа в режиме реального времени, производится оценка состояния природных систем, качества водных ресурсов и других параметров.

Другим важным экологическим направлением работы является пилотный углеродный рынок на территории Сахалинской области. По мнению Президента России, этот эксперимент явится шагом на пути к достижению углеродной нейтральности, к созданию национального рынка торговли углеродными единицами. Аналогичная система готовится к запуску и в других странах. И здесь возникает еще одна важная задача, которая касается взаимного признания учета эмиссии и поглощения парникового газа. Для этого нужна прозрачная система климатической статистики, взаимопонимания между государствами и, конечно, совместные научные исследования. Для такого сотрудничества Россия также открыта⁴.

Все природные катаклизмы последних десяти лет, начиная от радиационной аварии на Фукусиме в марте 2011 года в результате сильнейшего в истории Японии землетрясения и последовавшего за ним цунами, заканчивая наводнением в ФРГ в июле 2021 года, унесших сотни жизни людей, говорят о том, что природа будто мстит человеку за свой ущерб. Она решительно требует от людей, бизнеса, правящих элит отказаться от эгоизма, жадности, бездумного и расточительного потребления. Земля, воздух, вода, лес — наше общее достояние, которое человечеству дано свыше, это то, что требует к себе бережного отношения.

Итак, строительство гармоничного общества нуждается в отказе международного сообщества от потребительского отношения к природе и признания необходимости обоснованного сочетания требований экологии с развитием экономики. Между тем мир динамично развивается и в то же время сталкивается с новыми вызовами и угрозами. В этих условиях у стран, наряду с решением климатических и экологических проблем, возникает много и других общих тем, представляющих взаимный интерес. Это — безопасность и стратегическая стабильность, здравоохранение и образование, цифровизация, энергетика, культура и наука, наконец, высокие технологии.

Путь к гармоничному устройству мирового порядка

Мировому сообществу необходимо создать новую систему общественных отношений, — уйти от общества незаработанного потребления к обществу производства, берегающего природу и исключаяющего войну. Человечеству нужно не общество постоянных развлечений, а производительное, конкурен-

⁴ Владимир Путин принял участие в пленарном заседании XXIV Петербургского международного экономического форума. 4 июня 2021 г. // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65746>.

тоспособное, созидающее, морально-нравственное — гармоничное общество. Именно оно является движущей силой прогресса мирового сообщества.

Кризис потребительского общества заставляет понять, что рантье в современном мире, это — деградация человека, общества, государства, страны. Поэтому надо производить, работать, созидать, а не играть в финансовую рулетку, заниматься спекуляциями и мошенничеством. В современном мире знаниями рантье невозможно сохранить себя, — необходимо постоянно развиваться в соответствии с требованиями времени.

Рынок в нынешней системе мирового устройства уже не может больше развиваться. Выход — поиск новой системы социально-экономического и политико-правового развития мирового сообщества. Очевидно, что альтернатива состоит в строительстве гармоничного общества. Его задача — создать у людей мотивацию к производительному труду; не допускать войны; защищать окружающую среду, сберечь природу; обеспечить доверие между государствами, в том числе в области цифровых систем; совершенствовать образование и здравоохранение; развивать культуру.

В этих целях следует внедрять в государственно-политические и социально-экономические отношения механизм прозрачности. Он позволит включить гражданское общество в сферу осуществления контроля над деятельностью государственных органов, крупного бизнеса, в том числе банков и бирж. При прозрачности экономики и политики чиновникам станет невозможно чуть ли не открыто воровать, брать взятки, банкирам — заниматься мошенническими финансовыми операциями, брокерам — осуществлять спекуляции на фондовых, товарных и валютных биржах.

В гармоничном обществе можно преодолеть эгоизм, состоящий в том, чтобы жить за счет других. Пути разрешения политических, экономических, социальных, гуманитарных проблем современного потребительского общества следует искать как в экономической мотивации людей, так и в моральной сфере, а также в духовно-нравственных ценностях бытия человека и мирового сообщества. Необходимо строгое соблюдение всеми гражданами страны государственных законов, изменение ими мотивации своей деятельности и отношений ко всем проявлениям общественной жизни.

Без этого любые инновации, внедрение высоких технологий и улучшение организации труда в экономике не смогут обеспечить эффективность и устойчивость политико-правовой системы и социально-экономических отношений. Разумеется, важно стремиться соблюдать и духовные законы, существующие независимо от нашего сознания.

В основе кризиса потребительского общества лежат нарушения людьми нравственных принципов и моральных норм. Они возникают, в первую очередь, в головах людей (в сознании и менталитете) и потому зависят от состояний сознания индивидуумов. В связи с этим главное внимание в преодолении

паразитического (незаработанным потреблением) существования людей должно быть уделено изменению состояния их менталитета и отношения к моральным и нравственным нормам своего бытия.

Это достигается посредством создания властными элитами и государством через систему законов, правил и норм бытия таких внешних условий, которые стимулировали бы и поощряли ориентацию людей на моральные, а еще лучше — на нравственные принципы поведения, воспитывая их на личном примере истинных лидеров нации и прививая новые внутренние отношения. Однако в последние 30 лет — после распада СССР — правящие элиты Запада, оставшись без идеологической конкуренции, утратили мотивацию к совершенствованию общественных отношений и практически не занимались этим. И именно из-за нарушения моральных норм принимаемых ими самими законов они привели свои потребительские общества к кризису.

Сегодня перед мировым сообществом стоят огромные задачи по раскрытию и совершенствованию человеческого потенциала. На июль 2021 года совокупность всех людей, живущих на Земле, составляла приблизительно 7,9 миллиарда человек. Из них 250 миллионов могут производить необходимую продукцию для существования всего мира. Что делать остальным 7 миллиардам 650 миллионам человек?

Древо знаний о том, что надо делать на планете Земля, требует пройти сложный путь роста. Вместе с тем уже сейчас понятно, что нужно осваивать космос, мировой океан, заниматься продлением жизни людей, бороться с смертоносными вирусами, защищать природу путем создания чистых технологий, ограничения избыточного потребления, решать задачи по социально-экономическому подъему той же Африки, где можно в год собирать по 4 урожая и т.д. Работы много, но без труда ничего невозможно не достичь.

В настоящее время мировое сообщество стоит перед выбором: продолжать деградировать в незаработанном потреблении или создавать новый мировой порядок, построенном на реальном производстве, а не на мошенничестве финансовых структур и грабеже природных ресурсов. В строительстве нового мирового устройства, в основе которого будет находиться гармоничное общество, можно выделить четыре фактора.

Первый и главный из них — человек и его интересы, важность того, чтобы он трудился. Люди и общество должны совершенствоваться, а развитие страны должно осуществляться за счет людского труда. В этой связи нельзя преувеличивать значение высокоэффективных технологий. Их бездумное применение может привести к катастрофическим последствиям.

Второй фактор — рациональное использование природных ресурсов. Сегодня война между государствами идет за энергетические и другие природные ресурсы. Россия, обладая их огромными запасами, имеет большое

конкурентное преимущество по отношению к другим странам. В то же время, имея мощные вооруженные силы, она защищает страны Ближнего Востока, Африки, Латинской Америки от грабежа их природных ресурсов странами НАТО. Это ограничивает возможности западного потребительского общества, привыкшего жить за чужой счет.

Третий фактор состоит в необходимости изменения мировой политико-правовой системы, в которой нет равенства прав, а существует диктат англосаксов.

Наконец, *четвертый фактор* связан с потребностью отказа мирового сообщества от мошеннической финансово-кредитной системы Запада, создавшей паразитическую практику незаработанного потребления.

В изменениях устройства мирового порядка нельзя торопиться. Все должно развиваться постепенно. При этом следует стремиться к созданию гармоничного мирового сообщества, а не к установлению мира на принципах абсолютной справедливости. Этого нельзя делать, так как мировое сообщество придет к своему концу, ибо исчезнут противоречия, а с ними и мотивация к развитию. Другое дело, что на пути к формированию гармоничного мирового устройства Россия пытается установить более справедливый мир.

Выводы

В настоящее время Россия, учитывая скорость и масштаб социальной, экономической, технологической трансформации, которая происходит и в стране и во всем мире, старается не просто отвечать на эти вызовы, а стремится быть лидером изменений в мировом сообществе. Для этого ей доступно все. Это — большой потенциал народа, огромные природные ресурсы, оборонная, продовольственная, лекарственная, технологическая безопасность, значительные золотовалютные резервы и устойчивый рубль.

Наконец, Россия имеет уникальный опыт развития в XX — первом двадцатилетии XXI века, связанный со строительством социализма и капитализма, из которого она может взять лучшее. Все это позволяет ей начать движение по пути строительства гармоничного общества. Первые шаги на этом пути могут быть следующими.

Во-первых, требуется создать эффективное государство. Именно оно формирует условия для выстраивания новой системы социально-экономических отношений, при которых человек является целью, а не средством. Речь идет о создании системы новых возможностей, раскрывающих способности человека. Результатом этого процесса станет социально-экономическая база гармоничного общества. Во-вторых, следует стремиться к обретению доверия общества к государству, государства к обществу и доверия между гражданами, без которого невозможно построение гармоничного общества. В-третьих, необходимо разработать идеологические основы гармоничного

общества, центральным элементом которых может быть только самосовершенствование человека. В-четвертых, надо обеспечить эффективную защиту окружающей среды и природы как важного условия строительства гармоничного общества. В-пятых, нужно отказаться от финансово-кредитной мошеннической схемы Запада и неравноправной международной политико-правовой системы, установленных США и Великобританией.

Итак, гармония, это когда все работают и свободно реализуют свои способности, благодаря созданной системе возможностей, а добросовестная конкуренция при этом выступает механизмом принуждения к производительному труду. При гармоничном обществе потребности страны совпадают с желаниями людей. Это, конечно, идеал, поэтому гармоничная страна — страна будущего. Но без духоподъемного идеала нельзя творить материю, поэтому строить гармоничную страну надо уже сейчас.

Список литературы

1. Ильин И.А. Наши задачи. М., 1992.
2. Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2002.
3. Аринин А.Н. Духовно-нравственные аспекты модернизации страны / Модернизация России как условие ее успешного развития в XXI в. / Под общ. ред. А.Н. Аринина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
4. Аринин А.Н. Крым как механизм запуска реформ в России и роль правящей элиты в их проведении // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. Международный научно-практический журнал. Том 9, № 2, 2019.
5. Аринин А.Н. Строительство эффективного государства: политико-правовые механизмы и цифровые технологии // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 1.
6. Колошин Е.И. Выборы и избирательное право в зеркале судебных решений: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017.
7. Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве. Духовные основы жизни. Оправдание добра. Минск, 1999.

Всероссийский конкурс «Атмосфера» среди студентов, аспирантов и молодых преподавателей по вопросам избирательного права и избирательного процесса ежегодно проводится ЦИК России совместно с Минобрнауки России, Минпросвещения России, Росмолодежью, Российским фондом свободных выборов, избирательными комиссиями субъектов Российской Федерации, РЦИОИТ при ЦИК России. В этом номере журнала «Гражданин. Выборы. Власть» публикуются работы финалистов и победителей конкурса в номинации «Научный фронт».

В.С. ТОЛСТОЛУЦКАЯ

ПРАВОВОЙ СТАТУС МОЛОДЕЖНЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация.** В статье уточняется содержание понятия «электоральная культура молодежи», выявляется роль молодежных избирательных комиссий субъектов Российской Федерации в ее формировании. На основе анализа регионального избирательного законодательства рассматриваются вопросы правового регулирования порядка формирования и деятельности молодежных избирательных комиссий, а также их практическая деятельность. Обобщены типичные и специфические цели и задачи молодежных избирательных комиссий, важнейшей из которых является содействие региональным избирательным комиссиям в деятельности по повышению электоральной культуры молодых и будущих избирателей. Внесено предложение по закреплению правового статуса молодежных избирательных комиссий субъектов Российской Федерации в Федеральном законе от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».*

***Ключевые слова:** выборы, электоральная культура, молодежная избирательная комиссия, полномочия, порядок формирования, формы деятельности.*

THE LEGAL STATUS OF YOUTH ELECTION COMMISSIONS OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

***Annotation.** The article clarifies the content of the concept of «electoral culture of youth», reveals the role of youth election commissions of the subjects of the Russian Federation in its formation. Based on the analysis of regional electoral legislation, the issues of legal regulation of the formation and activity of youth election commissions of the subjects of*

ТОЛСТОЛУЦКАЯ Виктория Сергеевна — курсант факультета правоохранительной деятельности Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина

the Russian Federation, as well as their practical activities, are considered. The article summarizes the typical and specific goals and objectives of the youth election commissions of the constituent entities of the Russian Federation, the most important of which is to assist regional election commissions in improving the electoral culture of young and future voters. A proposal was made to consolidate the legal status of youth election commissions of the subjects of the Russian Federation in Federal Law № . 67-FZ of June 12, 2002 «On Basic guarantees of Electoral Rights and the right to participate in a Referendum of citizens of the Russian Federation».

Keywords: *elections, electoral culture, youth election commission, powers, formation procedure, forms of activity.*

Молодежь как особая социально-демографическая группа в возрасте от 14 до 35 лет, проходящая стадию социализации, составляет примерно пятую часть населения страны. Если в советское время молодому поколению «прививалась политическая культура, и они были равнодушны к событиям, происходившим в жизни страны на разных этапах развития, то сейчас молодежь не доверяет политике и политикам, что проявляется в их нежелании участвовать в выборах» [1, с. 24]. Многие представители молодежи редко ходят на выборы в органы публичной власти различного уровня или посещают избирательные участки ради интереса. Этот факт ставит «проблему электоральной активности избирателей в один ряд с наиболее актуальными проблемами в российском государстве» [2, с. 24].

Единого подхода к истории возникновения электоральной культуры в научном сообществе нет: одни авторы, например, О.В. Гаман-Голутвина [3, с. 38], Е.Я. Баталов, В.А. Федоров, связывают возникновение электоральной культуры с формированием института выборов в Российской империи в начале XX века; вторые убеждены, что говорить о возникновении электоральной культуры можно только в контексте существования демократического общества с 1989 года (О.Р. Смирнова, И.И. Глебова) [4, с. 34]. На наш взгляд, наиболее обоснованной представляется точка зрения В.В. Сутырина [5], согласно которой формирование электоральной культуры связано с возникновением института выборов, избирательного права и специфических методов политической работы по мобилизации электората и проведению избирательных кампаний. По мнению О.С. Морозовой электоральная культура — это «совокупность ценностей, представлений и норм, определяющих содержание и характер электоральных процессов и ориентаций, господствующих в обществе» [6, с. 51].

Электоральная культура напрямую связана с общей политической культурой [7, с. 667]. Однако следует выделить ее специфические черты: «Электоральная культура — это понятие более широкое нежели политическая культура и представляет собой совокупность ценностей, идей и норм, определяющих содержание и характер избирательных процессов и ориентаций, преобладающих в обществе; электоральное поведение выражается в участии или неучастии в выборах, различных формах деятельности в ходе

избирательных кампаний, в избирательном выборе политических сил или отдельных кандидатов; электоральная культура — это уровень знаний избирательных процедур и умение грамотно оценивать кандидатов, политические силы» [8, с. 1].

Многие ученые-правоведы ограничивают «время жизни» электоральной культуры периодами действий избирательных кампаний. Существует целый ряд причин, влияющих на электоральное отчуждение молодежи. Перечислим некоторые из них: психологические, исторические, социальные, экономические. В российской политической науке они делятся или группируются на три основные группы: правовой нигилизм или абсентеизм, недоверие к государственным структурам и негативная социальная адаптация.

* * *

С целью повышения правовой культуры молодых избирателей Постановлением ЦИК России от 12 марта 2014 года утверждена Молодежная электоральная концепция, которая направлена на реализацию новых подходов и способов работы с молодыми избирателями в возрасте от 18 до 35 лет. Главной задачей Концепции провозглашено повышение интереса молодых российских граждан к избирательной системе и избирательному процессу. Среди основных направлений реализации Концепции названа разработка специальных проектов, к которым, по нашему мнению, может быть отнесено содействие в учреждении и формировании молодежных избирательных комиссий. Аналогичные правовые акты приняты также в ряде российских регионов, в частности, в Амурской области.

Для решения проблемы низкой электоральной активности молодежи применяются различные методы [9, с. 60]. Среди наиболее эффективных способов повышения электоральной активности молодежи особое место занимает деятельность молодежных избирательных комиссий (МИК) субъектов Российской Федерации. Это особенно важно с учетом статуса молодежных комиссий как первичного, «рабочего» звена всей системы комиссий [10, с. 193]. Важное значение имеет рассмотрение порядка формирования и полномочий молодежных избирательных комиссий субъектов Российской Федерации.

Анализ порядка их формирования позволяет выделить как общие, так и специфические черты. Кандидатуры для выдвижения в состав молодежных избирательных комиссий определяют региональные отделения политических партий, образовательные организации, общественные объединения, в том числе молодежные, региональные и территориальные избирательные комиссии. При этом в молодежную избирательную комиссию может быть назначено не более одного представителя от указанного субъекта выдвижения.

Так, формирование состава молодежных избирательных комиссий Оренбургской и Свердловской областей осуществляется областными избирательными комиссиями на основании решения совета Молодежного парламента

о предложении кандидатур для назначения в состав комиссии. Кандидатами в состав молодежных избирательных комиссий в Свердловской области могут быть представители, предложенные политическими партиями, иными общественными объединениями, представительными органами муниципальных образований, выборными органами ученического и молодежного самоуправления, собраниями избирателей.

Молодежная избирательная комиссия Воронежской области формируется на основе конкурсного отбора, порядок проведения которого утверждается решением МИК после согласования с Областной избирательной комиссией.

Сроки полномочий молодежных избирательных комиссий большинства субъектов Российской Федерации, в частности, Белгородской и Нижегородской областей, составляют 2 года; в некоторых регионах — 3 года (Карачаево-Черкесская Республика, Ульяновская область).

К особенностям выдвижения кандидатов в состав Молодежной избирательной комиссии Белгородской области следует отнести наделение указанным правом регионального отделения «Ассоциации юристов России», органов исполнительной власти, государственных органов области, областного объединения организаций профсоюзов. С учетом того, что в молодежной избирательной комиссии могут быть представители от региональной исполнительной власти, целесообразно в круг субъектов права выдвижения включить и законодательный (представительный) орган государственной власти — Белгородскую областную Думу. Кроме того, гражданин Российской Федерации, проживающий на территории Белгородской области, вправе самостоятельно выдвинуть свою кандидатуру в состав молодежной избирательной комиссии.

Возраст, позволяющий гражданину стать членом молодежной избирательной комиссии, в различных регионах установлен неодинаковый. Членом молодежных избирательных комиссий в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре и Оренбургской области может быть назначен гражданин Российской Федерации в возрасте не менее 14 лет. В Карачаево-Черкесской Республике, Республике Алтай, Белгородской области — 18 лет, в Чувашской Республике — 16 лет. На наш взгляд, подросток 14-и лет и молодой человек 18-и лет — люди с различными представлениями об избирательном праве. Восемнадцатилетний гражданин имеет более четкое представление об общественно-политических процессах и может на основе своего небольшого жизненного опыта и накопленных знаний вносить предложения по совершенствованию избирательной системы, и поэтому полагаем, что минимальный возраст члена молодежной избирательной комиссии должен составлять 18 лет.

Предельный возраст членов молодежных избирательных комиссий в большинстве регионов составляет 30 лет (Белгородская, Нижегородская, Псковская, Оренбургская и Ульяновская области, Карачаево-Черкесская Республика), но бывают и исключения, например, 27 лет — в Воронежской

области Чувашской Республике и Республике Алтай — 35 лет. По нашему мнению, для определения этого возраста следует исходить из общих представлений о том, кого можно считать «представителем молодежи», а это — граждане не старше 35 лет.

Определенные категории лиц, в силу своего возраста либо отсутствия гражданства России, наличия определенного должностного или служебного положения, ограниченной дееспособности, судимости и по другим объективным факторам не могут положительно повлиять на деятельность молодежных избирательных комиссий. Поэтому запрет на их участие в составе комиссий оправдан. В нормативных правовых актах отдельных регионов, в частности, Тульской области, требования к кандидатам не закреплены, что свидетельствует о пробелах, которые необходимо восполнить, в том числе с учетом региональной специфики.

Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» определяет важнейшие факторы обеспечения реализации гражданами конституционного права на участие в выборах, следовательно, действие его норм распространяется и на региональные молодежные избирательные комиссии, так как основным направлением их деятельности является повышение правовой и политической культуры молодежи, в частности, привлечение их к участию в выборах в качестве избирателей. Однако, в данном законе региональные молодежные избирательные комиссии не упоминаются, что, по нашему мнению, целесообразно восполнить посредством дополнения пункта 10 статьи 23, в котором определяются полномочия региональных избирательных комиссий, подпунктом «ж. 1» следующего содержания: «формирует молодежную избирательную комиссию субъекта Российской Федерации».

Молодежные избирательные комиссии осуществляют свою деятельность на добровольной основе для достижения определенных целей и задач в соответствии со своим местом и ролью в избирательной системе. Наличие общих целей и задач молодежных избирательных комиссий позволяет объединять их усилия с целью вовлечения молодежи в избирательный процесс и обеспечить необходимый уровень правовой культуры молодых граждан.

* * *

На Всероссийском форуме молодежных избирательных комиссий в 2018 году председатель Центральной избирательной комиссии Российской Федерации Э.А. Памфилова заявила, что «ЦИК России не отвечает за молодежную политику в целом, но может внести серьезную лепту в формирование современной молодежной политики» [11]. Думается, данное высказывание можно трактовать и следующим образом: ЦИК России содействует молодежным избирательным комиссиям при регламентации целей и задач их деятельности по привлечению молодежи в избирательный

процесс и при этом может серьезным образом повлиять на активность молодых избирателей в отдельных субъектах Российской Федерации и в целом на территории России.

В региональных нормативных правовых актах закрепляются наиболее типичные цели молодежных избирательных комиссий:

- участие в процессе организации и проведения выборов представителей общественных молодежных палат при законодательных органах государственной власти субъектов Российской Федерации, молодежных парламентов и иных органов как ученического, так и молодежного самоуправления;
- проведение подсчетов и оценки электоральной активности молодежи;
- активное участие в мероприятиях, направленных на повышение правовой и политической культуры молодых людей как будущих избирателей;
- проведение мероприятий, направленных на повышение уровня доверия молодых граждан к российской избирательной системе, избирательному процессу в целом.

В региональных нормативных правовых актах закрепляются и иные цели МИК. Например, целями функционирования Молодежной избирательной комиссии Архангельской области являются: «Содействие избирательной комиссии области в деятельности по повышению правовой культуры молодых и будущих избирателей и формированию осознанного интереса указанных граждан к избирательному праву и избирательному процессу, обучение организаторов выборов; формирование кадрового резерва избирательных комиссий, а также участие в реализации мероприятий, связанных с подготовкой и проведением выборов и референдумов». Целью Молодежной избирательной комиссии Белгородской области провозглашается «формирование у молодежи ответственного отношения к выборам и подготовка и обучение представителей социально активной молодежи для дальнейшего включения их в составы избирательных комиссий всех уровней и их резерва».

Одной из целей Молодежной избирательной комиссии Оренбургской области обозначено обеспечение проведения молодежных выборов, а вытекающей из нее задачей является «контроль за соблюдением правил их проведения», а также «повышение уровня правовой грамотности, общественно-политической и электоральной активности молодежи».

К задачам молодежных избирательных комиссий большинства субъектов Российской Федерации относятся:

- создание необходимых условий для вовлечения представителей молодежи в избирательный процесс;
- обеспечение открытости региональных молодежных избирательных комиссий для всех заинтересованных субъектов избирательного процесса;
- привлечение молодых людей для решения задач, стоящих перед региональными молодежными избирательными комиссиями;
- информирование избирательных комиссий субъектов Российской Федерации о процессах и явлениях, которые происходят в молодежной среде;

- содействие в формировании правовой и политической культуры молодежи, поддержка ее гражданской активности;
- изучение мнения молодежи о деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления по реализации государственной молодежной политики.

В результате анализа нормативных правовых актов, определяющих статус молодежных избирательных комиссий субъектов Федерации, удалось выявить как наиболее типичные, так и специфические цели и задачи их деятельности, важнейшей из которых является содействие региональным избирательным комиссиям в работе по повышению правовой и электоральной культуры молодых и будущих избирателей. МИК работают сразу в нескольких направлениях, включающих в себя аналитическую деятельность, деятельность в социальных сетях, а также деятельность в области образования и просвещения, которая направлена на повышение электоральной и правовой культуры молодежи и будущих избирателей.

Для реализации рассмотренных целей и задач по формированию электоральной культуры молодых избирателей они наделяются определенными полномочиями. МИК многих субъектов Федерации вправе: осуществлять регулярный мониторинг и анализ электоральной активности молодежи; проводить конференции, семинары, «круглые столы», другие мероприятия, направленные на решение стоящих перед молодежной избирательной комиссией задач; разрабатывать рекомендации и предложения по реализации мероприятий, направленных на повышение правовой культуры молодых и будущих избирателей, и непосредственно участвовать в них; осуществлять контроль за соблюдением прав и законных интересов молодых избирателей; координировать реализацию мероприятий, связанных с подготовкой и проведением выборов в молодежные парламенты (советы).

* * *

На III Всероссийском форуме органов молодежного самоуправления «Молодежная команда страны», прошедшего 26–30 ноября 2019 года в Казани, речь шла о вовлечении наиболее активных и целеустремленных молодых людей в процесс управления обществом и развития у них управленческих способностей в общественно-политической сфере. По мнению председателя Молодежной избирательной комиссии Архангельской области С.А. Бажукова, «повышение правовой культуры молодежи в современной России является главной задачей молодежной политики» [12]. Для выполнения этой задачи и созданы молодежные избирательные комиссии субъектов Российской Федерации, которые способствуют повышению правовой культуры молодежи посредством проведения различного рода мероприятий.

Правовое просвещение в электоральной сфере является приоритетным направлением деятельности многих молодежных избирательных комиссий. Молодежной избирательной комиссией Тульской области для обучающихся-

ся младших классов школ была организована учебно-деловая игра «Зачем нужны выборы?» [13]. Участники мероприятия в игровой форме узнали о предназначении выборов и нужно ли принимать в них участие.

Для старшеклассников Вологодского многопрофильного лицея Областная молодежная избирательная комиссия организовала встречу, на которой речь шла об истории развития избирательного права в России и новеллах избирательного законодательства. В Забайкальском крае создан Совет школьной молодежи при Молодежной избирательной комиссии края, целью которого является повышение формирования политической и правовой культуры молодых и будущих избирателей.

Информационные встречи членов МИК с учениками средних школ и студентами различных вузов проходят в форме бесед и презентаций, в процессе которых все желающие могут принимать активное участие в викторине на знание основных положений избирательного процесса и избирательного права в целом.

Сотрудничество МИК с образовательными организациями развивается как при организации и проведении олимпиад и научных конференций, так и по иным направлениям. Одним из примеров можно считать опыт проведения дебатов на базе филиала РАНХиГС Молодежной избирательной комиссией Нижегородской области.

Деятельность молодежных избирательных комиссий по формированию и повышению электоральной культуры молодежи напрямую и непосредственно связана с работой иных избирательных комиссий различных уровней, государственных органов и органов местного самоуправления, а также с деятельностью организаций молодежного самоуправления. Это подтверждается практикой проведения совместных мероприятий многих субъектов Российской Федерации, особенно в День молодого избирателя, который проводится традиционно в феврале — марте в соответствии с постановлением ЦИК России от 28 декабря 2007 г. № 83/665-1 «О проведении Дня молодого избирателя». 11 февраля 2020 года в Белгородском юридическом институте МВД России имени И.Д. Путилина состоялась интеллектуальная игра «Брейн-ринг» по избирательному праву. Для участников были подготовлены вопросы по правовому регулированию выборов в Белгородскую областную Думу. Особый интерес вызвали видео-вопросы от председателя Избирательной комиссии Белгородской области И.В. Лазарева и председателя МИК Д.Г. Назарова.

Союзом молодежных избирательных комиссий были отмечены и рекомендованы к участию и проведению следующие мероприятия: лекции для студентов высших учебных заведений по избирательному праву и избирательному процессу; школа молодого избирателя (на примере Академии избирательных технологий Свердловской области); участие во флешмобе «Я голосую!», организованном МИК Ненецкого автономного округа.

Молодежная избирательная комиссия Магаданской области проводит дискуссионную площадку «Если бы я стал президентом!». Одной из тем

обсуждения является онлайн-голосование, во время которого шесть команд отстаивали свою точку зрения. Две из них были «за», две — «против», а две выступали с «независимыми аргументами». Молодежная избирательная комиссия Пензенской области организовала дискуссионную площадку «Мой выбор» для студентов средних специальных учебных заведений. Молодые люди соревновались в знании различных тем избирательного права и избирательного процесса.

Важной формой работы МИК является работа с людьми с ограниченными возможностями здоровья. Молодежная избирательная комиссия Ставропольского края в преддверии выборов проводит семинар, посвященный особенностям участия в них лиц с ограниченными физическими возможностями. Участниками традиционно являются слабовидящие граждане. Представители МИК рассказывают о правовых актах, регулирующих участие в выборах граждан, являющихся инвалидами, о порядке голосования на избирательных участках и вне помещения для голосования.

День открытых дверей также является одним из самых распространенных мероприятий в избирательных комиссиях субъектов Российской Федерации. В Краснодарском крае молодежный общественный совет совместно с Краевой избирательной комиссией организует экскурсию по избирательной комиссии и информирует молодых избирателей о специфике своей деятельности.

В 2020–2021 годах на формы деятельности МИК значительное влияние оказала эпидемиологическая ситуация, связанная с распространением вирусной инфекции COVID-19. Многие мероприятия, ранее проводимые региональными молодежными избирательными комиссиями в очной форме, состоялись в онлайн-формате (например, проведение интеллектуальных игр), а разного рода встречи проходили в формате видеоконференции.

Однако, несмотря на нестабильное положение в общественном пространстве, Молодежной избирательной комиссией Белгородской области за прошедший 2020 год были реализованы следующие направления деятельности:

- запись видеороликов на тему «Твой выбор — твоя судьба» с участием известных людей Белгородской области;
- участие в конкурсах, флешмобах, эстафетах Союза МИК России, РФСВ и МИК других субъектов Российской Федерации;
- проведение онлайн-тестирования по избирательному праву в социальной сети «ВКонтакте»;
- участие в конкурсах ЦИК России на лучшую научную работу в сфере избирательного права и избирательного процесса и прочее.

30 апреля 2021 года в рамках мероприятий Дня молодого избирателя состоялась деловая игра «Я — Губернатор», организованная Молодежной избирательной комиссией совместно с Молодежным правительством при содействии Избирательной комиссии Белгородской области. Деловая игра включала несколько этапов, в том числе конкурсный отбор, собеседование с участниками, мастер-классы, встречи с профессиональными организаторами

выборов, представление предвыборных программ, проведение голосования и определение результатов выборов.

В результате анализа нормативных правовых актов, определяющих статус молодежных избирательных комиссий, удалось выявить как наиболее типичные, так и специфические цели и задачи их деятельности, важнейшей из которых является содействие региональным избирательным комиссиям в работе по повышению правовой и электоральной культуры молодых и будущих избирателей. Деятельность МИК оказывает позитивное влияние на формирование гражданской позиции молодого поколения, что впоследствии может способствовать повышению уровня электоральной активности молодежи.

Список литературы

1. Мазилев В.А. Методологические проблемы исследования электоральной активности // Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки. 2013. № 3.
2. Измайлов, В.З. Электоральное поведение (мотивационно-технологический аспект). Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2013.
3. Гаман-Голутвина О.В. Развитие категории «политическая культура» в общественно-политической мысли // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. Вып. 2. СПб., 2005.
4. Глебова И.И. Политическая культура современной России: облики новой русской власти и социальные расколы // Полис, 2006. № 1.
5. Сутырин В.В. Электоральная культура в системе понятий современной политической науки // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2012. № 6.
6. Голосов Г.В. Элиты, общероссийские партии, местные избирательные системы (О причинах развития политических партий в регионах России) // Общественные науки и современность, 2000. № 3.
7. Садырова М.Ю. Проблемы избирательной активности российской молодежи // Молодой ученый, 2014. № 3.
8. Морозова О.С. Электоральная культура: понятие и основные функции // Электронный научно-практический журнал культура и образование-Рязань, 2013. № 4(4).
9. Беликова Е.А. Политическое участие молодежи: анализ проблем политической активности // Среднерусский вестник общественных наук, 2014. № 1.
10. Головин А.Г. Избирательное право России: курс лекций. М., 2007.
11. Российское государственное информационное агентство федерального уровня. Электронный ресурс. URL: <https://tass.ru/politika/5892353> (дата обращения: 15.05.2021).
12. Официальный сайт Избирательной комиссии Архангельской области. Электронный ресурс. URL: <http://www.arkhangelsk.izbirkom.ru/molodezhnaya-izbiratel'naya-komissiya> (дата обращения: 05.05.2021).
13. Тульская пресса. Электронный ресурс. URL: <https://www.tulapressa.ru> (дата обращения: 05.05.2021).

П.А. НОВИКОВ
Ш.Р. ГАДЖИЕВ
Н.П. КРУЖИЛИН

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ НА ВЫБОРАХ

***Аннотация.** В статье исследованы проблемы правового регулирования электронного голосования на выборах в Российской Федерации, рассмотрены результаты социологических исследований по вопросам готовности избирателей использовать на выборах технологии электронного голосования, проанализирован зарубежный опыт и представлены авторские предложения по внедрению индивидуальных идентификационных карт избирателей с использованием современных информационных технологий.*

***Ключевые слова:** электронное голосование, информационные технологии, избирательный процесс, выборы, Государственная автоматизированная система «Выборы».*

LEGAL REGULATION AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF ELECTRONIC VOTING IN ELECTIONS

***Annotation.** The article presents the author's attitude to the issues of legal regulation of electronic voting in elections in the Russian Federation. It also presents a number of the results of sociological research on the issues of voters' readiness to use electronic voting in elections. The article offers the analysis of the foreign experience and presents the author's proposals on the implementation of individual identification cards of voters with using modern information technologies.*

***Key words:** electronic voting, information technology, electoral process, elections, State automated system «Elections».*

Информационно-коммуникационные технологии активно внедряются в социальное пространство, все сильнее трансформируя привычные и устоявшиеся институты гражданского общества. Актуальность исследования вопросов правового регулирования и перспектив развития электронного

НОВИКОВ Павел Андреевич — курсант прокурорско-следственного факультета ФГКВОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва
ГАДЖИЕВ Шахбан Рамидинович — курсант прокурорско-следственного факультета ФГКВОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва
КРУЖИЛИН Николай Павлович — курсант прокурорско-следственного факультета ФГКВОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва

голосования на выборах в Российской Федерации, обусловлена тем, что постепенно цифровая трансформация распространяется и на процедуру проведения выборов.

Отношения к этому в правовой среде неоднозначное, но как критики, так и сторонники внедрения информационных технологий в выборный процесс единогласны в одном: модернизация выборных процедур неизбежна. Вопрос только во времени реализации и в оптимальной технологии, способной соответствовать предъявляемым требованиям к избирательным процедурам.

В этой ситуации роль научного сообщества заключается в анализе как российского, так и зарубежного опыта развития электронного голосования и выработке на его основе рекомендаций и предложений, по обеспечению объективности выборного процесса и прозрачности результатов голосования.

Исследования роли и значения электронного голосования в выборном процессе отражено в трудах ряда российских и зарубежных авторов. Приведем мнения некоторых из них. Я.В. Антонов считает, что «Необходимо рассматривать электронное голосование в контексте развития электронной демократии как в теоретическом, так и в прикладном аспектах, поскольку развитие электронного голосования исключительно как средства голосования на выборах существенно ограничивает его демократический потенциал и возможности применения в демократической практике современной России» [1, с. 63–71]. По мнению С.А. Овчинникова «Цифровая демократия включает в себя различные формы того, что можно назвать “электронным участием”: онлайн-опросы общественного мнения; проведение кампаний и мобилизации; связь между политиками и избирателями; интернет-политические чаты законодательных органов; отзывы общественности на законопроекты. Кроме того, можно рассматривать иные онлайн-инициативы правительства, политических партий и политиков, НПО, гражданского общества, научных учреждений, других организаций и отдельных граждан, которые участвуют в электронной демократии» [2].

В статье 3 Конституции Российской Федерации четко обозначена значимость такого инструмента плебисцита как референдум в жизни нашего общества. При этом легитимность и значимость выборных процессов формируется лишь в случае объективной фиксации воли всех граждан, изъявивших желание принять участие в выборах. Роль государства в данном процессе состоит в обеспечении условий для организации того, чтобы воля народа находила «выражение в периодических и нефальсифицированных выборах» [3].

В современном мире новые технологии формируют новые подходы, в том числе в такой сфере, как организация выборов. Развитие информационно-коммуникационных технологий, повышение уровня защиты информации при ее передаче в Интернете, а также повышение уровня доверия граждан к элек-

тронным технологиям предопределяют актуальность такого инновационного явления как электронное голосование. Информационно-коммуникационные технологии (далее — ИКТ) уже активно внедряются в современный избирательный процесс в России. Государственная автоматизированная система «Выборы» в течение больше чем двух десятилетий применяется на выборах при обработке избирательных бюллетеней. К отдельной категории следует отнести использование информационных комплексов для проведения онлайн-опросов общественного мнения.

Все более актуальным является выработка новых подходов в формировании правовых основ системы электронного голосования. Действующие на данный момент в Российской Федерации правовые нормы, регулирующие электронное голосование, не содержат положений, необходимых для эффективного преодоления целого ряда проблемных ситуаций, которые могут возникнуть при проведении дистанционного электронного голосования. Фактически решение целого ряда проблем достигается в оперативном порядке по факту их возникновения, что создает дополнительные сложности для организаторов выборов.

В соответствии с пунктом 11.2 постановления ЦИК России № 251/1850-7 в помещении территориальной избирательной комиссии дистанционного электронного голосования кроме членов комиссии, наблюдателей, назначенных Общественной палатой Российской Федерации, могут присутствовать представители средств массовой информации, представители операторов «Единого портала государственных и муниципальных услуг (функций)» и «Портала государственных и муниципальных услуг (функций) города Москвы». Однако в указанном пункте не упоминаются представители политических партий, которые в соответствии с частью 1 статьи 3 Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» являются общественными объединениями, созданными в целях участия граждан в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления.

Представляется, что с учетом правовой природы и значения политических партий в политической жизни страны представители политических партий должны быть наделены наряду с отмеченными выше субъектами правом участвовать в наблюдении при проведении дистанционного электронного голосования.

Необходимо отметить, что если процедура дистанционного электронного голосования не представляет особой сложности для избирателя, то в ней существует проблема средств идентификации и аутентификации избирателей. Так, для этих целей использовались учетные записи «Единого портала

государственных и муниципальных услуг (функций)», а также Информационного портала Правительства г. Москвы. В качестве подтверждения личности избирателя использовался индивидуальный код социального страхования, а также одноразовый код подтверждения, присылаемый с помощью sms-сообщения. Однако данные средства не в полном объеме гарантируют предотвращение противоправных действий, так как учетные записи на порталах государственных услуг могут быть использованы третьими лицами. В связи с этим актуальной представляется постановка вопроса о разработке индивидуального средства доступа избирателя к системе дистанционного электронного голосования.

Нельзя не отметить значимость нормативного закрепления понятия дистанционного электронного голосования в избирательном законодательстве. Так, Федеральным законом от 23 мая 2020 г. № 154-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» было предусмотрено определение дистанционного электронного голосования в Федеральном законе № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». В соответствии с ним дистанционное электронное голосование — это голосование без использования бумажного бюллетеня, но с применением специального программного обеспечения. Внесение данного определения в федеральное законодательство должно сопровождаться нормативным закреплением других корреспондирующих понятий (например, «бюллетень дистанционного электронного голосования»).

Необходимость новых подходов в сфере избирательного права в числе прочих факторов обусловлена и тем, что в последнее время снижается электоральная активность избирателей. В первую очередь эта проблема актуальна для избирателей молодого возраста. Многие эксперты отмечают, что в среде молодежи зачастую происходит отрицание и неприятие традиционного способа голосования. Одним из способов повышения уровня участия избирателей в возрасте от 18 до 25 лет на выборах может стать использование альтернативных способов волеизъявления, прежде всего, электронного голосования, в том числе в дистанционной форме.

* * *

Технология дистанционного электронного голосования была реализована во время выборов 2019–2020 годов в Москве и Московской области. Именно на этих выборах впервые в нормативных документах были расписаны методы использования в избирательном процессе в рамках эксперимента [4].

Значимым вопросом организации дистанционного электронного голосования является нормативное определение полномочий его технического организатора. Согласно пункту 6 Положения «Об утверждении Положения

о порядке дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской думы седьмого созыва», принятому решением Московской городской избирательной комиссии от 18 июля 2019 г. № 102/3, данным лицом является оператор автоматизированной информационной системы «Официальный портал Мэра и Правительства Москвы» Департамента информационных технологий г. Москвы. В соответствии с пунктами 2.1–2.12 данного Положения процедура дистанционного электронного голосования, включая идентификацию избирателей, выдачу бюллетеня, а также непосредственное волеизъявление избирателей, происходила с помощью специального программного обеспечения подсистемы «личный кабинет» Портала Департамента информационных технологий. А по пункту 3.1 оператор рассматриваемого портала осуществляет прием и проверку заявлений о включении в избирательный список дистанционного электронного голосования, а также взаимодействие с Московской городской избирательной комиссией по вопросам включения в список избирателей дистанционного электронного голосования.

В соответствии с пунктом 3.3.1 исключение гражданина из списка избирателей также осуществляется оператором автоматизированной информационной системы «Официальный портал Мэра и Правительства Москвы» Департамента информационных технологий г. Москвы на основании решений участковых комиссий избирательного участка дистанционного электронного голосования. В то же время фактически в соответствии с пунктом 4.4. оператор единолично осуществляет процедуру расшифровки результатов волеизъявления избирателей с помощью соответствующего ключа.

Данное правило не в полной мере соответствует пункту 2 статьи 10 Закона г. Москвы № 18, по которому участковая избирательная комиссия только в присутствии членов участковой комиссии с правом совещательного голоса, наблюдателей и иных лиц должна расшифровывать итоги дистанционного электронного голосования. В соответствии с частью 4 статьи 4 данного закона участковые избирательные комиссии дистанционного электронного голосования наделены полномочиями по обеспечению процесса дистанционного электронного голосования, установления его итогов, организации наблюдения за его ходом, рассмотрению жалоб на нарушение избирательного законодательства.

Однако при проведении дистанционного электронного голосования соответствующие участковые комиссии фактически ограничены в собственных полномочиях в области непосредственного учета и подсчета голосов, поскольку они вынуждены руководствоваться информацией, предоставляемой оператором автоматизированной информационной системы «Официальный портал Мэра и Правительства Москвы» Департамента информационных технологий г. Москвы. В данной связи следует подчеркнуть факт отсутствия

четкой правовой процедуры, гарантирующей достоверность таких сведений и соблюдение законности и избирательных прав граждан, в частности, с точки зрения общественного контроля.

* * *

В соответствии с предусмотренным порядком ручного пересчета голосов, поданных в процессе дистанционного электронного голосования, происходит сравнение распечатанных сведений фактически из одного и того же источника, которым являются сервера дистанционного электронного голосования. Следовательно, не существует объективного режима контрольного пересчета голосов избирателей, так как не предусмотрено наличие независимого хранилища информации о волеизъявлении избирателей. В связи с этим руководителями эксперимента было принято решение о проведении процедуры пересчета голосов исключительно в электронном виде [14].

Несмотря на все риски и замечания критиков, электронное голосование с каждым днем становится все более прозрачным и востребованным. Соответственно, растет актуальность изучения и правового анализа опыта использования современных информационно-коммуникационных технологий во время выборов. При этом важно проанализировать как возможности и преимущества, так и основные риски и проблемы, а также осуществить поиск инструментов для эффективного решения проблем правового регулирования электронного голосования в России.

На наш взгляд, при определении правовой природы электронного голосования следует четко разграничить два типа голосования: электронное голосование и голосование с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и программно-технических средств на выборах. Важным критерием является сам метод проведения голосования. Таким образом, необходимо определить, что конкретно понимать под электронным голосованием. В первом случае избиратель может находиться дома, возможно даже в другом регионе или стране и посредством интернет-технологий, используя логин и пароль, либо электронную подпись, дистанционно на специальном портале выразить свою гражданскую позицию. Ряд авторов также рассматривают электронное голосование как вариант голосования, когда избиратель приходит на избирательный участок, а избирательная комиссия определяет его личность, сверяя соответствующие документы, но сам подсчет голосов осуществляется с использованием электронных машинных аппаратов.

Конечно же, более актуальным и соответствующим потребностям избирателей является голосование в дистанционной форме посредством реализации функционала и возможностей ИКТ. Критики дистанционного электронного

голосования в первую очередь отмечают низкий уровень гласности, наличие возможностей хакерского взлома системы, зачастую отсутствие возможности перепроверки первичных результатов путем повторного подсчета голосов.

Актуальность внедрения в России технологий электронного голосования обусловлена целым рядом факторов: обширные территории, труднодоступные регионы, а также наличие граждан, проживающих за рубежом. При этом, эти же факторы определяют более жесткие требования к уровню прозрачности электронного голосования и к уровню защиты личных данных избирателей.

По оценкам экспертов, дистанционное электронное голосование значительно облегчает процесс голосования для более чем 300 тысяч граждан, проголосовавших в труднодоступных регионах, в частности, в ряде районов Дальнего Востока и Крайнего Севера. При этом электронное голосование существенно оптимизирует затраты бюджетных средств на организацию процесса голосования в труднодоступных местах. Отдельной категорией избирателей являются граждане, проживающие в других странах, которые вынуждены нести существенные дорожные расходы для реализации своего активного избирательного права, так как объективно невозможно организовать оборудованные пункты голосования во всех странах и во всех населенных пунктах. Соответственно, им приходится заранее приезжать в такие центры, созданные в крупных городах или при консульстве страны.

Центральная избирательная комиссия Российской Федерации отмечает, что на последних выборах пришлось организовать достойные условия для голосования для 1 млн 875 тыс. 408 российских избирателей, постоянно проживающих в других странах. Данное обстоятельство обуславливает потребность в развитии механизма дистанционного электронного голосования, отвечающего современным запросам общества на основе новейших ИКТ.

В техническом аспекте основу электронного голосования формирует ГАС «Выборы». В правовом аспекте процесс проведения электронного голосования в нашей стране шел поступательно, на основе экспериментов проведенных в ряде субъектов. На первом этапе был проведен эксперимент по дистанционному электронному голосованию, условия его проведения регулируются ФЗ № 103 от 29 мая 2019 года [5].

Анализ итогов данного эксперимента лег в основу правового регулирования второго этапа проведения дистанционного электронного голосования и, по сути, отражен в нормах Федерального закона «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве» [6]. Этот эксперимент был продлен на 2020–2021 годы.

Кризис 2020 года, связанный с ограничительными мерами по предотвращению пандемии, еще раз показал необходимость активного развития

технологий электронного голосования. Технологии электронного голосования применялись в ходе общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию в отдельных субъектах Российской Федерации.

* * *

Перед осуществлением эксперимента по электронному голосованию были проведены многочисленные опросы среды избирателей для оценки уровня заинтересованности в такой практике. Проанализированы наиболее слабые стороны в организации данного процесса.

Совместный аналитический доклад Всероссийского центра изучения общественного мнения и Центра политической конъюнктуры показал, что 66 процентов респондентов готовы активно голосовать в дистанционной форме, 31 процент опрошенных отдают предпочтение дистанционному электронному голосованию перед голосованием на избирательном участке с помощью бумажного бюллетеня [7].

Широкое освещение в средствах массовой информации порядка проведения эксперимента по электронному голосованию положительно отразилось на мнении граждан об инструментарии электронного голосования.

На рисунке 1 графически представлены результаты социологического исследования, проведенного ВЦИОМ и Центра политической конъюнктуры.

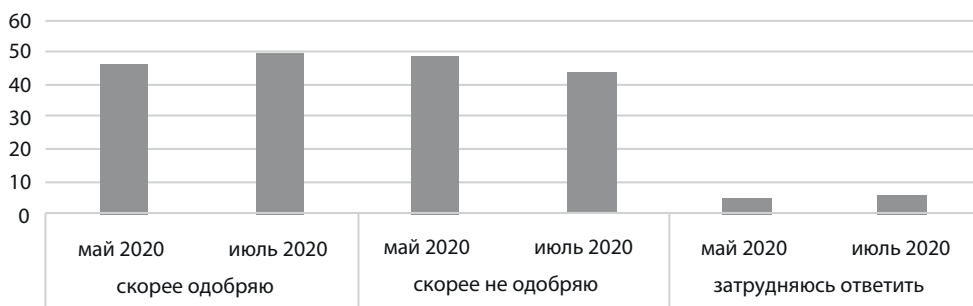

Рисунок 1. Ответы респондентов на вопрос «Как вы в целом относитесь к предоставлению права голосовать на выборах через Интернет? (закрытый вопрос, % от всех опрошенных)» [8]

Как видно из графика, мнения респондентов разделились примерно поровну. При этом налицо положительный тренд среди респондентов при сравнении с периодом до внедрения в практику электронного голосования. Так, в июле 2020 года число респондентов, положительно оценивших систему электронного голосования, составило 49 процентов.

Следующий график демонстрирует, что после проведения эксперимента по внедрению электронного голосования в июне 2020 года мнения несколь-

ко изменились, и большее количество респондентов изъявили готовность проголосовать через Интернет (рис. 2).

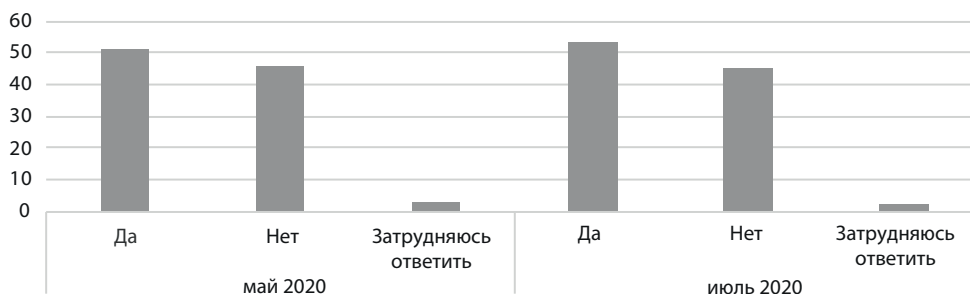

Рисунок 2. Ответы респондентов на вопрос «Если бы вам представилась возможность проголосовать с помощью компьютера через Интернет, то согласились бы проголосовать через интернет? (закрытый вопрос, % от всех опрошенных)» [8]

Исследование также показало, пусть не значительный, но все же рост доверия граждан к системе электронного голосования. Так, возможность умышленных манипуляций при голосовании через Интернет допускают 33 процента респондентов, тогда как предыдущие результаты по аналогичному вопросу составляли 43 процента. При этом нельзя не обратить внимание на то, что около 20 процентов респондентов сомневаются в технической надежности системы.

Анализируя результаты экспериментов по электронному голосованию следует особо отметить, что они проводились не только в крупных населенных пунктах, но и в сельских поселениях с целью обеспечения достоверности проведенных исследований. В этой группе респондентов, положительно оценивающих систему электронного голосования, гораздо больше. Это лишний раз свидетельствует, что система электронного голосования наиболее актуальна для избирателей труднодоступных регионов. Результаты опроса, проведенного ЦИК России, показали, что более 71 процента опрошенных положительно оценивают введение электронного голосования. Важно отметить, что около 59 процентов респондентов понимают необходимость внедрения электронного голосования [8].

* * *

Оценивая положительные моменты проведенных экспериментов по организации электронного голосования нельзя забывать о задачах, стоящих перед отечественной системой электронного голосования. Это в первую очередь — прозрачность, гласность и безопасность системы голосования. Решение данных задач затрагивает не только правовые аспекты, но и тех-

нологические вопросы. В связи с этим довольно интересен опыт электронного голосования за рубежом. Особое внимание необходимо обратить как на вопросы правового регулирования, так и на применяемые технические решения. Интернет в состоянии обеспечить и более высокий уровень прозрачности и новые способы политической коммуникации [13 с. 123–144].

Низкий уровень политической и электоральной активности молодого поколения избирателей является одной из проблем, решению которой может содействовать электронное голосование. За редким исключением для избирателей в возрасте от 18 до 25 лет характерным является правовой нигилизм, сравнительно более высокий уровень недоверия к власти, апатичное поведение. При этом для этой группы также характерен рационализм, привычка решать бытовые вопросы и осуществлять регламентные процедуры с использованием ИКТ. Возможно, именно развитие электронного голосования с высоким уровнем защиты информации в совокупности с возможностью дистанционного голосования позволит повысить избирательную активность среди молодежи, вовлечь их в политическую жизнь общества.

Грамотно организованное электронное голосование также содействует снижению воздействия на избирательный процесс так называемого человеческого фактора. То есть машинный подсчет бюллетеней для голосования позволяет снизить число манипуляций с итогами выборов на уровне участковых комиссий, что также важно для построения эффективной избирательной системы.

Отсюда вытекает следующий критерий эффективности электронного голосования, выражающийся в оперативном подведении итогов выборов и результатов голосования. Использование ИКТ при подсчете бюллетеней существенно облегчает труд членов избирательной комиссии, уменьшает ряд рисков субъективного характера, обусловленных усталостью и иными персональными факторами, влияющими на объективный подсчет бюллетеней членами избирательной комиссии.

К преимуществам системы электронного голосования в долгосрочной перспективе можно отнести также снижение затрат бюджетных средств на организацию и проведение выборов. Подчеркнем, что в долгосрочной перспективе обслуживание и наладка системы электронного голосования, а также ее формирование и развертывание, также требуют определенных финансовых затрат [10].

Наряду с преимуществами система электронного голосования избирателей имеет ряд недостатков. Многие эксперты сходятся во мнении, что основной проблемой повсеместного внедрения электронного голосования является эффективная система аутентификации избирателя [12]. Анализируя зарубежный опыт аутентификации, следует обратить внимание на применяемую в Эстонии систему «ID-card», использующую электронную цифровую

подпись. У такой карты есть несколько степеней защиты, при этом неправомерный доступ к карте преследуется по уголовному законодательству [9].

Анализ правового регулирования системы электронного голосования в России позволяет выделить следующие аспекты совершенствования системы электронного голосования:

- целесообразна более полная регламентация механизма дистанционного электронного голосования с четким разграничением полномочий технического организатора и участковой избирательной комиссией, а также вышестоящих избирательных комиссий;
- особую актуальность приобретает вопрос разработки подробных методических рекомендаций по осуществлению процедуры наблюдения за дистанционным электронным голосованием;
- необходима разработка индивидуальных средств доступа избирателя к системе дистанционного электронного голосования в целях повышения уровня безопасности и прозрачности.

Список литературы

1. Антонов Я.В. Развитие правового регулирования электронного голосования в России // Управленческое консультирование. 2015. № 5.
2. Овчинников С.А. Электронная демократия и угрозы нарушения конфиденциальности // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2013. № 4 (48). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnaya-demokratiya-i-ugrozy-narusheniya-konfidentsialnosti> (дата обращения: 23.05.2021).
3. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (в ред. от 01.07.2020) // СПС «Консультант плюс».
4. Федеральный закон от 23 мая 2020 г. № 152-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве» // СПС «Консультант плюс».
5. Федеральный закон от 29 мая 2019 г. № 103-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва» // СПС «Консультант плюс».
6. Федеральный закон от 23.05.2020 № 152-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве» // СПС «Консультант плюс».
7. Пионеры интернет-выборов. Совместный аналитический доклад ВЦИОМ и Центра политической конъюнктуры. // ВЦИОМ URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10376> (дата обращения: 27.05.2021).
8. Совместный аналитический доклад ВЦИОМ и Центра политической конъюнктуры // <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10376> (дата обращения: 27.05.2021).
9. Электронное голосование и электронные выборы // [Электронный ресурс] URL: <https://www.id.ee/ru/rubriik/e-golosovanie> (дата обращения: 27.05.2021).

10. Грачев М.Н. Электронное голосование: «За» и «Против» // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2011. № 1. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnoe-golosovanie-za-i-protiv> (дата обращения: 27.05.2021).
11. Белоконев С.Ю., Чистов И.И. Электронное голосование как перспектива политического процесса: возможности и ограничения «Цифровой политики» // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. № 5 (29). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnoe-golosovanie-kak-perspektiva-politicheskogo-protsesssa-vozmozhnosti-i-ogranicheniya-tsifrovoy-politiki> (дата обращения: 27.05.2021).
12. Цаплин А.Ю. Перспективы дистанционного электронного голосования в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2016. Том 16. Выпуск 3 [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-distantsionnogo-elektronnogo-golosovaniya-v-rossii> (дата обращения: 27.05.2021).
13. Кёрстинг Н. Электронное голосование и демократия в Европе // Политическая наука. 2007. № 4.
14. Подведены итоги второго тестирования дистанционного электронного голосования. [Электронный ресурс] URL: <https://7x7-journal.ru/posts/2019/07/24/podvedeny-itogi-vtorogo-testirovaniya-distantsionnogo-elektronnogo-golosovaniya> (дата обращения: 27.05.2021).

М.М. ГАТИЛОВА
Я.В. ЛЫСОВА

ПЕРСПЕКТИВЫ, РИСКИ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ «ЮРИДИЧЕСКИЙ ДИЗАЙН»

Аннотация. «Юридический дизайн» (*LegalDesign*) – наиболее современная и перспективная технология представления правовой информации. Блок-схемы, таблицы, инфографики, игры воспринимаются человеческим глазом быстрее и играют первостепенную роль в выделении отдельных аспектов среди большого количества ресурсов. Сегодня «юридический дизайн» постепенно входит в практику в гражданском праве. Однако избирательное право не уступает в восприимчивости к нововведениям. В связи с этим необходимо понять каким образом «юридический дизайн» может быть адаптирован для нужд избирательного права и процесса.

Ключевые слова: «юридический дизайн», *LegalDesign*, символизация права, правовой информационный дизайн, избирательное право России, избирательный процесс, правовая культура, средства правовой визуализации.

PERSPECTIVES, RISKS AND PRACTICES OF LEGAL DESIGN TECHNOLOGY

Abstract. *Legal Design technology (LegalDesign) is the most modern and promising way of presenting legal information. Flowcharts, tables, infographics, games are perceived by the human eye faster and play a primary role in highlighting individual aspects among a large number of resources. Today, LegalDesign is gradually entering practice, playing a special role in civil law. However, electoral law is not inferior in its receptivity to innovations. In this regard, it is necessary to understand how LegalDesign can be adapted to the needs of the electoral law and process.*

Keywords: *Legal design, LegalDesign, legal symbolization, legal information design, Russian electoral law, electoral process, legal culture, legal visualization tools.*

В настоящее время информация представляет собой наиболее важный ресурс нашей жизни. Сегодня мы не просто получаем различные знания, но и формируем жизненную позицию, представление о мире, отношение ко многим процессам в государстве и обществе, нажимая всего лишь пару кнопок на клавиатуре или просто взаимодействуя с членами виртуального

ГАТИЛОВА Марья Михайловна – студентка юридического факультета ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону

ЛЫСОВА Яна Владимировна – студентка юридического факультета ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону

сообщества. Таким образом информация становится значимым аспектом не только социальной, но и правовой, политической, экономической сфер общественной деятельности. Соответственно, информационным и цифровым данным в отечественном конституционном законодательстве уделяется повышенное внимание.

Пункты «и» и «м» статьи 71 Конституции Российской Федерации в редакции 2020 года относят к исключительному ведению Российской Федерации законодательное регулирование и обеспечение безопасности личности и других субъектов российского права при применении современных информационных технологий. Это говорит не только о тотальном проникновении цифровых технологий в нашу жизнь, но и, главным образом, отражает основные процессы доминирования информации как ресурса. Данные обстоятельства обуславливают актуальность обращения к теме исследования значения и роли инновационной технологии юридического дизайна (LegalDesign) в современном российском избирательном праве и процессе.

Информация как правовое явление представлена в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», где четко определено ее легальное понятие: «Информация — сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления». Посредством анализа настоящей нормы можно заключить, что широкое интерпретирование дает нам возможность формировать многообразные способы представления информации в различных объемах.

Такой подход привел к тому, что в настоящее время большие потоки информации начали негативно влиять на общество и уровень правовой культуры граждан. Процесс распространения информационных данных дошел до невероятных масштабов и, к сожалению, многие члены общества просто потерялись в неиссякаемом количестве информации, представляемой в большинстве случаев в текстуальном воспроизведении.

В связи с изменением способов восприятия информации необходимо говорить о том, что традиционное правовое просвещение, особенно в рамках основного общего и среднего общего образования неспособно в большей степени заинтересовать молодое поколение правовыми вопросами. Старшее поколение также окутано правовым нигилизмом, который может оказывать неблагоприятное воздействие на развитие правоотношений. В этой связи необходим особый, современный подход к данному вопросу, который раскрывается в развивающемся явлении, как юридический дизайн.

Легальное определение понятия «юридический дизайн» в российском законодательстве в настоящее время отсутствует, как и соответствующая нормативно-правовая база. Целесообразно указать также и на то обстоятельство, что в российских правовых научных исследованиях имеются единичные работы, специально посвященные использованию юридического

дизайна в правовой сфере. Надо отметить, что они носят исключительно цивилистический характер [1].

Таким образом, данная работа является первой попыткой научного исследования и осмысления возможностей и проблем юридического дизайна в российском избирательном праве и процессе. Как представляется авторам, у такой инновационной технологии, как юридический дизайн, весьма большие возможности дальнейшего практического применения в сфере избирательного права и процесса. Его сферами потенциального применения являются: агитационное повышение правовой культуры граждан; информационная составляющая избирательной системы; обеспечение функционирования избирательной системы.

Концепция юридического дизайна в отечественном избирательном праве

Избирательное право является наиболее динамичной и быстро развивающейся подотраслью конституционного права. Только за 2020 год право и избирательный процесс претерпели многочисленные изменения, которые заставили нас обратить внимание на следующие новеллы: введено дистанционное электронное голосование; расширился перечень граждан, не имеющих права быть избранными; произошло увеличение периода голосования (но не более трех дней подряд); политическая партия, по предложению которой назначен член избирательной комиссии, вправе внести в назначивший его орган мотивированное представление о досрочном прекращении полномочий этого члена комиссии. В связи с этим мы можем утверждать, что избирательное право и процесс максимально стремятся соответствовать реалиям и развиваться параллельно с обществом.

Данная подотрасль довольно восприимчива к новеллам, и юридический дизайн как развивающееся явление справедливо может занять свое место среди нововведений, способствующих развитию избирательного права и становлению гражданского общества и грамотного электората.

Юридический дизайн – это процесс творческого осмысления вынесения и проектирования решений по многочисленным правовым задачам. Само явление юридического дизайна известно относительно давно в рамках сферы применения юридической техники. Понятие юридической техники законодательно не определяется и раскрывается в доктрине как «система научно обоснованных и практически сложившихся средств и способов, используемых при создании, систематизации, применении, реализации и интерпретации нормативных правовых актов» [2].

Документы так называемого высокого качества, которые имеют юридическую силу и адекватно воспринимаются субъектами права, складываются из следующих основополагающих элементов: формальная логика; правильный язык; хорошее оформление. Юридический дизайн относится как

раз к третьему виду приведенных выше составляющих. Данный феномен направлен на развитие понимания содержания документа всеми участниками правоотношений. Ошибочно предполагать, что юридический дизайн как технология заключается лишь в привлекательном структурировании текста официального документа, соблюдении абзацев и знаков препинания и правильной верстке.

Здесь важно заметить, что достижение глобальной цели повышения общего уровня правовой культуры через юридический дизайн предполагается методами, позволяющими сделать правовую систему более понятной, эффективной, полезной и дружественной для потребителя, а именно:

- *главенствованием метода визуализации*, раскрывающегося в том, что при подготовке документа разработчик должен прислушиваться к своему визуальному мышлению и подсказкам интуитивного восприятия, обеспечивающим общее подсознательное понимание представленного материала;
- *методом упрощения*, то есть посредством снижения текстовой нагрузки документа и его адаптации под понимание потребителя, несведущего в правовых вопросах;

- *методом междисциплинарности*, который включает в себя сочетание не только правовых знаний, но и дизайнерских постулатов при разработке любого информационного источника, содержащего правовые данные, будь то листовка, содержащая правовые сведения, или официальный документ;

- *методом коммуникации*, значит, использованием при разработке информационного материала коммуникативного взаимодействия, способного как нельзя лучше отразиться на итоговом варианте источника правовой информации, — располагая обратной связью с непосредственным потребителем сведений, создатель информации имеет возможность улучшить качество ее подачи.

При этом, несомненно, возникает вопрос о правомерности явления с точки зрения законодательства. Прежде всего отметим, что в главе 7 ФЗ от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — Закон об основных гарантиях) закрепляются положения, определяющие гарантии прав граждан на получение и распространение информации о выборах. Исходя из данной законодателем формулировки пункта 2 статьи 45 данного Федерального закона можно определить требования, предъявляемые к содержанию информационных материалов о проведении избирательного процесса:

- *объективность*. Данное требование подразумевает под собой независимость информации в источниках от субъективных взглядов разработчиков сведений;

- *достоверность*. Приведенный элемент раскрывается в условии, требующем абсолютную точность, полноту и соответствие информации фактам объективной истины;

– *Недопущение нарушения равенства кандидатов, избирательных объединений.* Рассматриваемый аспект соответствует требованию, прямо сформулированному в статье 39 Закона об основных гарантиях. Таким образом, в Федеральном законе конкретно не определяется непосредственно сама форма, в которой будет происходить распространение информационных данных. Следовательно, исходя из приведенного анализа нормы закона можно определить, что применение технологий юридического дизайна не противоречит действующему законодательству.

Практика применения юридического дизайна в России и зарубежных странах

Термин «LegalDesign» начал свое распространение в США и буквально сразу достиг определенных масштабов. В некоторых университетах Америки реализуются специальные курсы по юридическому дизайну [3], а также развивается специальная профессия, именуемая «legaldesigner» (специалист по юридическому дизайну), формируются объединения профессионалов в данной области [4].

Говоря о практике применения юридического дизайна, нельзя не упомянуть тот факт, что в нашей стране уже существует компания, которая помимо традиционных юридических услуг, оказывает помощь в составлении комикс-контрактов, что является одной из составляющих юридического дизайна и своей целью ставит переход от сложных юридических конструкций в тексте к понятным по содержанию картинкам, единое понимание которых приведет к такому же конечному результату, что и подписание договора [5].

Рассматривая вопрос о практическом применении юридического дизайна в избирательном праве, стоит обратить внимание на то, что относительно схожее с данной технологией сопровождение избирательного процесса на сегодняшний день имеет место, хотя и не в тех масштабах, которые возможны при применении данной технологии. Ежегодно Центральной избирательной комиссией Российской Федерации изготавливаются видеоролики, плакаты и другие наглядные средства для информирования граждан о выборах и привлечения внимания электората к голосованию — событию, определяющему дальнейшее развитие населенного пункта, региона или государства. Примером может являться деятельность ЦИК России в период подготовки и непосредственно самого голосования по внесению поправок в Конституцию страны.

Важной составляющей избирательной системы является агитация. Согласно пункту 2 статьи 48 Закона об основных гарантиях агитацией признается: а) призывы голосовать за кандидата, кандидатов, список, списки кандидатов либо против него (них); б) выражение предпочтения какому-либо кандидату, избирательному объединению; в) описание возможных последствий в случаях, если тот или иной кандидат будет избран или не будет избран; г) распространение информации, в которой явно преобладают сведения

о каком-либо кандидате (каких-либо кандидатах), избирательном объединении в сочетании с позитивными либо негативными комментариями; д) распространение информации о деятельности кандидата, не связанной с его профессиональной деятельностью или исполнением им своих служебных (должностных) обязанностей; е) деятельность, способствующая созданию положительного или отрицательного отношения избирателей к кандидату, избирательному объединению, выдвинувшему кандидата, список кандидатов.

Очевидно, что Федеральный закон определяет достаточно свободную форму информирования и агитации, ограничивая ее законными методами, а относительно информационных материалов необходима правдивость и непредвзятость материалов (данный аспект следует непосредственно из статьи 45 приведенного Федерального закона).

Таким образом, Центральная Избирательная комиссия Российской Федерации уже сейчас использует методы, свойственные юридическому дизайну, однако мы не можем назвать это воплощением анализируемой технологии, поскольку на сегодня агитационные материалы представляют собой исключительно информационные блоки, которые информируют электорат лишь о порядке голосования и программах кандидатов, но не затрагивают содержательной составляющей избирательного права и процесса в целом. В связи с этим можно сделать вывод, что юридический дизайн может стать наиболее перспективным развивающим звеном в рамках избирательного права.

Возможные риски, возникающие в процессе применения технологий юридического дизайна

В связи с новизной юридического дизайна необходимо рассмотреть вопрос, связанный с потенциальными рисками, которые могут препятствовать использованию и внедрению данной системы в избирательное право. Изначально, необходимо отметить, что препятствием на пути ее внедрения является отсутствие соответствующей нормативной базы. Несмотря на наличие диспозитивных норм, не запрещающих применять юридический дизайн, данная технология не имеет значительного распространения в основном вследствие неопределенности понятия и правовой природы явления.

Возможны сложности и в реализации технологии. В данном случае важно, чтобы исполнение работы по изготовлению информационных материалов происходило компетентными специалистами, иначе существует риск, что произведенные инфографики, схемы, графические рисунки и игры не только не выполняют основные функции, но и создадут неправильное понимание правовых норм, которое может привести к неблагоприятным последствиям.

Следующей непростой задачей является финансовый вопрос. Использование услуг цифровых дизайнеров и программистов для создания онлайн-игр и внедрения их в образовательный процесс требует соответ-

ствующей оплаты. Помимо этого, необходимое распространение информационных материалов по избирательным участкам регионов тоже потребует бюджетных затрат.

Еще одним риском является искаженное восприятие многими гражданами эффективности игр, инфографики, графических и иных наглядных материалов как способа представления правовых норм. Ведь, несмотря на гибкость, юридический дизайн, как уже было сказано, вызывает недоверие у большинства граждан. У многих глубоко укоренилось мнение, выступающее некой «правовой аксиомой» о том, что право и в целом вся юридическая наука являются консервативной сферой.

Таким образом, у данной инновационной технологии имеются существенные риски, которые сложно игнорировать и, соответственно, рассмотрев все предложения, достоинства и противоречия, принять взвешенное обоснованное решение.

Перспективы и основные направления применения технологий юридического дизайна в отечественном избирательном праве

Так как практика применения юридического дизайна довольно мала и существуют некоторые проблемы в его реализации, для понимания траектории развития данного нововведения в праве мы можем построить прогнозы, исходя из общего понимания. С данной точки зрения, необходимо обратить внимание на перспективу с позиции существующих и прогнозируемых рисков (проблем), связанных с юридическим дизайном, а именно, показать возможность их преодоления на практике.

Обращаясь к вопросу отсутствия нормативно-правовой базы юридического дизайна, авторы работы предлагают внести изменения в Закон об основных гарантиях, в частности дополнить его статьей 45.1 о правовой регламентации юридического дизайна и границах его использования в избирательном праве.

Существует мнение, что представление информации в простой форме способствует снижению когнитивных способностей и возникновению «интеллектуальной деградации» в обществе. Однако, игровой или визуальный способ обучения, позитивно влияя на восприятие сведений, лишь упрощает процесс получения информации посредством оказания благоприятного воздействия, воплощающегося в преобразовании данных в более интересную, доступную и приемлемую форму.

Возвращаясь к вопросу о правильной подаче юридического дизайна, важно отметить, что верное построение целостной компьютерной графики также оказывает на пользователей исключительно позитивное воздействие, позволяющее протекать процессу развития у них интереса, независимо от уровня образовательной подготовки и возраста. Примером может служить ежегодное интерактивное игровое мероприятие, проводимое по вопросам

финансовой грамотности, именуемое «ФинКвестом»¹, которое вызывает интерес у разных возрастных групп.

Среди специалистов возникает опасение о снижении вовлеченности юристов в правовую систему путем упрощения формы и способа правового взаимодействия субъектов. Однако, исходя из специфики юридического дизайна, данная система трансформирует юридическую профессию в более творческую, но никак не уменьшает объем работы и ее значение. При этом, по нашему мнению, система лишь снизит многие риски и сделает практику более структурированной.

Говоря о решении финансового вопроса, можно отметить эффективные решения, которые воплощаются в следующих способах. Во-первых, учитывая особенности времени и ускоренное развитие информационных технологий, позволяющие специалисту по юридическому дизайну совмещать знания из нескольких дисциплин, а также использовать Интернет для распространения сведений правового характера, скажем, что сегодня тиражирование информации может быть намного эффективнее. То есть, поскольку преобладающее число граждан проводит существенное количество времени в виртуальной среде, то преимущество использования данного способа над иными формами распространения информации выглядит очевидным. Во-вторых, представляется возможным минимум треть от общего количества плакатов, выпускаемых ЦИК России, выполнить с применением технологий юридического дизайна, что позволит сохранить расходы в рамках выделяемой бюджетом суммы.

В отношении полезности юридического дизайна в избирательном праве можно сказать, что данная инновационная сфера уже может найти свое применение на ранее разработанных материалах, представленных в избирательной системе. Ныне все чаще возникает необходимость пересмотра концепции подготовленных информационных материалов. Важно добиться максимальной информативности и наглядности, отвечающей всем критериям юридического дизайна. Примером в данном случае может послужить представленная на рисунке 2 переработка информационного плаката ЦИК России (рисунок 1), раскрывающего вопрос юридической ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации о выборах и референдумах.

В связи с этим можно предположить, что постепенно юридический дизайн будет входить в правовую практику. Существуют сферы правовой деятельности, где данная технология уже сейчас может активно применяться, принося максимально возможную пользу. В частности, речь здесь может идти и об избирательном праве, являющемся одной из динамичных направлений конституционного права. Юридический дизайн в виде понятных схем, бро-

¹ «Онлайн-платформа квестов по финансовой грамотности для детей и молодежи» // [Электронный ресурс] URL: <https://fquest.ru/> (дата обращения: 10.11.2020).

шюр и инфографики в ближайшем будущем может достаточно достойно себя зарекомендовать, поскольку способен вполне конкретно и целостно воплощаться в данной сфере.

Идей, предоставляемых возможностями технологиями юридического дизайна, на сегодняшний день немало. Их число ограничивается только фантазией и мышлением разработчика соответствующих информационных материалов. Из всего многообразия методов воплощения юридического дизайна можно выделить, на наш взгляд, наиболее удачные и органично смотрящиеся в избирательном праве способы:

– *Создание иллюстраций об избирательных правах и обязанностях граждан.* Это позволит привлечь к избирательной проблематике молодую аудиторию, заинтересовать ее в участии в выборах в качестве избирателей или кандидатов. Сегодня в большом потоке различной информации лучше воспринимается наглядная графика, рисунки, картинки, инфографики, которые формируют базовое понимание многих процессов. Сведения, воспринимаемые подобным образом, способны глубоко врезаться в память. Для того, чтобы наглядно продемонстрировать эффективность подобных разработок, на рисунке № 3 представлен вариант информационной листовки, подготовленный с использованием юридического дизайна.

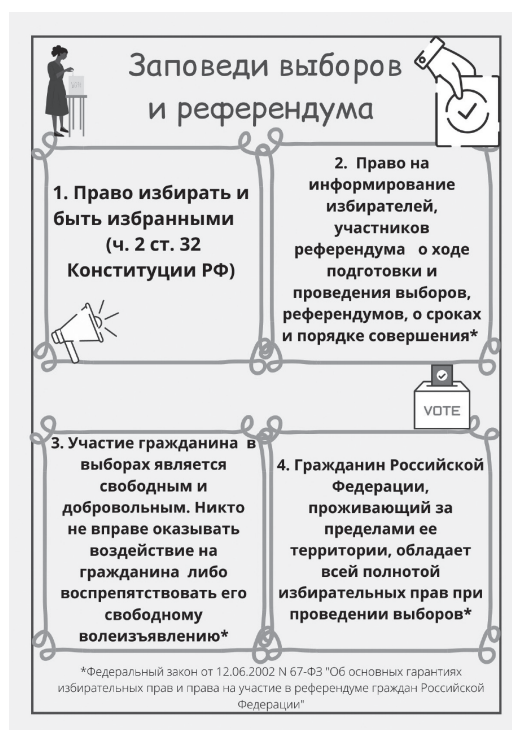

Рисунок 3. Информационная избирательная листовка, подготовленная с использованием технологий «юридического дизайна»

– *Конструирование инфографики предвыборной программы кандидатов.* Данный подход позволит привлечь больше внимания избирателей к программам кандидатов, поскольку сведения доносятся до граждан органичным и запоминающимся способом.

– *Компьютерная графика по избирательному праву для школьников, обучающихся по программам основного общего и среднего общего образования, которая будет включена непосредственно в учебный план образовательных организаций.* Современные ученики в большинстве случаев предпочитают игровую форму обучения, а параллельное игровому процессу обучение признается многими педагогами как эффективный способ познания и восприятия сложной информации. Таким образом, на протяжении всего времени игры ее участнику предстоит выбирать правильные и, самое главное, законные способы преодоления возникших трудностей.

– Ежегодные сводки ЦИК России, оформленные в виде блок-схем и (или) сравнительных таблиц по основным изменениям в избирательном праве. Данные наглядные средства позволят быстрее и эффективнее отслеживать новеллы избирательного права, следить за динамикой развития соответствующей отрасли.

Многочисленные пути возможной реализации подобных технологий способны не только популяризировать избирательное право среди граждан разных возрастов и уровней образования, но и повысить общий уровень их правовой культуры и правового сознания.

Анализ результатов анкетирования по проблемам использования юридического дизайна в российском избирательном праве

В целях выявления и учета мнения населения относительно методики преподнесения информации правового характера был произведен опрос общественности по вопросам избирательного права и, в частности, юридического дизайна в Интернете. Всего в опросе приняли участие 40 человек из разных возрастных групп населения: от 18 до 20 лет; от 20 до 45 лет; от 45 лет и старше.

В соответствии с результатами опроса было выявлено, что большая часть респондентов (85%) позитивно относится к инициативе визуального представления информации посредством использования технологий юридического дизайна и готова со всей серьезностью относиться к подобным образом распространяемым сведениям. Лишь 15 процентов опрошенных выбрали вариант ответа о том, что представление информации в виде картинок, инфографики, компьютерной графики, баннеров, комиксов несерьезно и для права неприемлемо.

Был задан вопрос об удобстве восприятия информации, представляемой в виде текста (без какого-либо визуального сопровождения). За восприятие

информации визуальным способом (посредством графических материалов) проголосовали 87,5 процента, за текстовую информацию — 12,5 процента респондентов.

В целях эксперимента и выявления уровня правовой грамотности и осведомленности населения по избирательному праву был задан вопрос, определяющий степень владения электората своими избирательными правами. Практически абсолютное большинство опрошенных указали единственное право, которое заключается в праве избирать и быть избранным. Немногие дополнительно называли и иные права, в частности, получение информации о кандидатах или право гражданина, находящегося за пределами страны, голосовать во время выборов. Исходя из приведенных ответов можно сделать вывод, что уровень правовой осведомленности граждан находится на посредственном уровне, что свидетельствует о критической необходимости проведения многоплановой работы над правосознанием и правовой культурой электората относительно вопросов избирательного права и процесса.

На вопрос о готовности участия в выборах меньше половины опрошенных (45%) ответили, что никогда не игнорировали выборы, всегда принимали участие и голосовали. 40 процентов респондентов признались, что ходят на выборы «от случая к случаю», «иногда участвуют в выборах». 15 процентов граждан заявили, что полностью игнорируют выборы.

Наконец, большинство опрошенных граждан (85%) поддержали предложенную инициативу о том, что на избирательных участках во время процедуры выборов необходимо представление большего количества информационного визуального материала, детально раскрывающего вопросы прав электората, обязанностей и т.д.

Таким образом, наблюдается относительно невысокий уровень правовой грамотности граждан по вопросам избирательного права. Большинство опрошенных поддерживают концепцию юридического дизайна, воплощенную в визуальном (графическом) представлении правовой информации относительно избирательного права и процесса, подкрепляя свою позицию тем, что наглядная информация способствует более эффективному правовому просвещению населения и комфортному восприятию правовых положений или сложных юридических конструкций.

Заключение

На основе анализа понятия, потенциальных возможностей и рисков (проблем) применения инновационной технологии юридического дизайна в современном российском избирательном праве и процессе на основе рассмотрения зарубежных и отечественных специальных источников авторы считают необходимым сделать следующие выводы и предложения.

Юридический дизайн является новейшим и передовым направлением в развитии внешней формы (способа) представления информации правового

характера в российском избирательном праве и процессе. Данное явление, как правовой феномен, имеет инновационный характер и в настоящее время по пространству применения является наиболее перспективной технологией как в зарубежных странах, так и в Российской Федерации.

Авторы считают возможным сформулировать следующее научное определение данному понятию: юридический дизайн — это многоаспектная система приемов и методов, позволяющих представить правовые нормы и(или) информацию правового характера в наглядном и(или) цифровом виде.

Также необходимо отметить, что правовая грамотность и повышение правовой культуры населения в вопросах избирательного права и процесса является одним из стратегических направлений, в рамках которого авторы считают целесообразным применение технологии юридического дизайна. Соотнося все сопутствующие риски и перспективы ее внедрения в избирательное право, следует учитывать, что целью проводимых мероприятий является правильная подача информации, соответственно, необходимо найти наиболее оптимальное решение данного вопроса.

Важно не допустить, на наш взгляд, формализации и серости, узкой профессиональной юридической и политической замкнутости в развитии российского избирательного права и процесса, и необходимо позволить избирательной системе последовательно развиваться в сфере информационного взаимодействия между субъектами избирательного процесса. Прогресс и информационное развитие не стоят месте. С каждым годом увеличивается количество новых информационных технологий, а также наблюдается процесс совершенствования уже созданных методов и способов передачи информации. К последним как раз и относится явление юридического дизайна — концептуально новый феномен в юридической науке вообще, в избирательном праве в частности.

Надеемся, что в скором будущем вопросы, поставленные в данной работе, найдут ответы, которые будут способствовать эффективному преодолению всех сложностей и трудностей избирательного процесса. В связи с этим представляется целесообразным внести изменения в Закон об основных гарантиях. В частности, предлагается дополнить его статьей 45.1, в которой необходимо закрепить легальное определение понятия юридического дизайна, гарантии безопасности его применения для основных субъектов российского права (физических и юридических лиц, а также публично-правовых образований).

Список литературы

1. Ефимов А.В. Конкретизация норм об исполнении обязательств, возникающих из корпоративных договоров, в условиях цифровой экономики» // Журнал российского права. 2020. № 7.

2. Григорьев А.С. Юридическая техника: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2020 // [Электронный ресурс]: URL: <https://urait.ru/bcode/451778> (дата обращения: 14.11.2020).
3. The Legal Design Lab. Stanford Law School // [Электронный ресурс] URL: <https://law.stanford.edu/organizations/pages/legal-design-lab/#slnav-our-mission> (дата обращения: 04.11.2020).
4. The Legal Design Alliance // [Электронный ресурс] URL: <https://www.legaldesignalliance.org/> (дата обращения: 04.11.2020).
5. LegalDesign – LegalPics // [Электронный ресурс] URL: <http://legalpics.ru/legal-design/> (дата обращения: 04.11.2020).

Н.Ю. ЖУКОВСКАЯ
М.А. ТЮМНЕВА
Т.Ю. СЕРОВА

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ПРАВО ИЛИ ПОЧЕТНАЯ ОБЯЗАННОСТЬ (к вопросу об эффективности избирательных систем с обязательным и добровольным голосованием)

***Аннотация.** Статья посвящена ретроспективному анализу формирования представлений об участии в выборах как о праве и как об обязанности и их закреплении в законодательстве различных государств. Приводятся данные об эффективности избирательных систем с различными формами привлечения граждан к участию в выборах. Опираясь на данные социологических исследований и авторитетные мнения российских политиков, авторы исследуют вопрос о целесообразности введения обязательного голосования в Российской Федерации.*

***Ключевые слова:** активное избирательное право, обязательное голосование, эффективность избирательной системы, ответственность за уклонение от участия в выборах.*

COMPULSORY LAW OR HONORARY DUTY (to the question about the efficiency of electoral systems with obligatory and voluntary vote)

***Abstract.** The article provides a retrospective analysis of the formation of ideas about participation in elections as a right and as a duty and their consolidation in the legislation of various states. The article provides data on the effectiveness of electoral systems with various forms of attracting citizens to participate in elections. Based on the data of sociological research and the authoritative opinions of Russian politicians, the authors investigate the question of the advisability of introducing compulsory voting in the Russian Federation.*

***Key words:** active suffrage, compulsory voting, efficiency of the electoral system, responsibility for avoiding participation in elections.*

ЖУКОВСКАЯ Наталья Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк

ТЮМНЕВА Мария Андреевна — студентка Института истории, права и общественных наук ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк

СЕРОВА Татьяна Юрьевна — студентка Института истории, права и общественных наук ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк

Одним из главных политических и правовых постулатов современного демократического государства является всеобщее избирательное право. Участие в избирательном процессе широких слоев населения обеспечивает легитимацию избранной власти, возможность контроля над ней со стороны граждан. По этой причине любое государство, заинтересованное в социальной стабильности, укреплении взаимодействия между властью и гражданским обществом и обеспечении общественной поддержки внутренней и внешней политики государства, обязано заботиться о повышении избирательной активности населения.

В мировой истории начало процессу формирования всеобщего избирательного права положили буржуазные революции конца XVIII–XIX веков. В ряде государств всеобщее избирательное право было введено при помощи реформ. Например, в Англии, где в полном объеме принципы демократических выборов были реализованы после издания в 1983 году «Акта о народном представительстве». Если судить в общем, то народы добивались права свободного волеизъявления на протяжении нескольких веков.

В современном мире, несмотря на преобладающую реализацию принципов всеобщего избирательного права, за которое боролись многие поколения людей, явка на выборы остается достаточно низкой. Так, на состоявшихся в Российской Федерации в 2018 году выборах президента явка проголосовавших составила 67,54 процента от общего числа избирателей¹. Летом прошлого года в голосовании за внесение поправок в Основной закон страны участвовало лишь 52,95 процента российских граждан, имеющих право голоса². Эти цифры показывают, что в принятии судьбоносных для России решений участвовало значительно меньше половины населения страны. Аналогичная ситуация наблюдается и за рубежом. На прошедших в 2019 году выборах в Европарламент явка составила около 51 процента³. По мнению российских политологов, данная ситуация связана с естественным процессом развития демократии и повсеместного снижения интереса населения к политическому процессу [1, с. 144–159]. Как правило, в государствах со стабильной политической ситуацией избиратели полагают, что вне зависимости от того, придут они на выборы или нет, ничего не изменится.

Низкий уровень электоральной активности россиян в последние годы вызвал разговоры о том, чтобы сделать участие в выборах не правом, а обя-

¹ ЦИК рассказал, сколько россиян проголосовали на выборах президента // URL: <https://pnp.ru/turbopages.org/pnp.ru/s/politics/cik-rasskazal-skolko-rossiyan-progolosovali-na-vyborakh-prezidenta.html> (дата обращения: 02.05.2021).

² Названо число проголосовавших за поправки к Конституции россиян // URL: <https://lenta.ru/news/2020/07/02/55and7/> (дата обращения: 10.05.2021).

³ Явка на выборах в Европарламент превысила показатели прошлых лет // URL: <https://www.interfax.ru/world/662523> (дата обращения: 06.05.2021).

занностью граждан. Соответствующие прецеденты в мире есть: наряду с тем, что в подавляющем большинстве демократических государств участие в выборах является правом избирателей, существуют страны, где голосование на выборах входит в обязанности граждан и регламентируется законодательством. В этих случаях за отказ от участия в голосовании следует юридическая ответственность вплоть до тюремного заключения.

Но можно ли считать обязанность граждан участвовать в выборах более эффективной мерой повышения электоральной активности, чем призывы проявить гражданскую ответственность в тех случаях, когда голосование является добровольным? Именно этот вопрос и был положен в основу представленного исследования, основная цель которого — сопоставление эффективности применяемых в современном мире избирательных систем с обязательным и добровольным голосованием, а также решение вопроса о необходимости трансформации действующего в современной России активного избирательного права в конституционную обязанность.

Исторические аспекты становления возможности участия в выборах как права

Изначально идея о том, что участие в выборах должно быть правом каждого свободного человека, возникло в Древней Греции. Еще в начале VI века до н.э. афинский политик Солон осуществил реформы, в результате которых право участвовать в народном собрании, избирающем архонтов, получили все афиняне, достигшие 20 лет и пользовавшиеся гражданскими правами⁴. Солону приписывают утверждение, которое, собственно, и может объяснить предполагаемое тождество между выборами и правом участия в них. Законодатель полагал, что объем политических прав, которыми наделялись граждане, должен соответствовать средствам и желанию служить государству [2, с. 13].

Живший веком позже Аристотель в одной из своих работ сообщал, что гражданские права были предоставлены лишь тем, кто мог позволить себе тяжелое вооружение [3, с. 63]. Следовательно, в результате реформ право участвовать в выборах было предоставлено ограниченной группе лиц. Однако приобрести это право со временем мог любой человек, упорно трудясь и повышая свое благосостояние. Аристотель хотел внушить людям мысль, что в идеальном государстве не должно быть выборов, — альтернативу им составляет симбиоз высшего и низшего слоев общества, способный создать комфортную жизнь для каждого из них. Сократ, известный своим скептическим отношением к демократии, считал, что низшие слои общества недо-

⁴ Реформы Солон: первая попытка формирования общества социального партнерства // URL: <https://s30556663155.mirtesen.ru/blog/43417905431/REFORMYI-SOLONA:-PERVAYA-POPYITKA-FORMIROVANIYA-OBSHESTVA-SOTSI>(дата обращения: 13.05.2021).

стойны права избирать или быть избранными, так как эти люди не способны рассматривать проблемы с политической точки зрения; им под силу только «бытовой» взгляд на вещи. Философ был убежден, что голосовать может далеко не каждый человек и что допускать к участию в избрании правителей следует только тех людей, «которым под силу мыслить рационально и глубоко» [4, с. 85].

Спустя две тысячи лет стимул развитию демократических идей предоставления избирательных прав широким слоям населения придали воззрения просветителей и буржуазные революции конца XVIII–XIX веков. Философы-просветители (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш. Монтескье, Вольтер и др.), формулируя основные принципы либеральной демократии, исходили из того, что все люди рождаются равными. Каждый человек от рождения наделен естественными правами, в числе которых не только жизнь, свобода и собственность, но и возможность выбирать своих правителей. Просветители уповали на разум человека и общественный прогресс; они полагали, что по мере развития науки, распространения рационального мышления, исчезновения предрассудков и религиозных взглядов на мир, человечество проникнется либеральными идеями и, в частности, мыслью о необходимости собственного участия в формировании органов власти.

Своеобразной вехой на пути к демократизации политической жизни западных государств стал 1828 год, когда во всех штатах США был отменен имущественный ценз для избирателей. В результате более 50 процентов всех проживавших в США белых мужчин воспользовались своим правом голоса на выборах⁵. После Гражданской войны 1861–1865 годов и внесения в Конституцию США пятнадцатой поправки, ратифицированной в 1870 году, федерации и штатам было запрещено лишать граждан той или иной расы избирательного права.

Уже в XX веке первой страной в мире, сделавшей выборы всеобщими, стал Советский Союз. Утверждение этого права стало следствием социалистической революции, в результате которой ряды тех, кто имел возможность голосовать, расширились за счет малообеспеченных слоев населения, женщин, представителей расовых, национальных и религиозных меньшинств [5, с. 163–164].

Как отмечает И.В. Минникес, «Избирательное право впервые стало поистине всеобщим, — ликвидированы сословные и куриальные принципы, к выборам допущены женщины, а лишение избирательных прав произошло по строго ограниченному числу оснований» [6, с. 52–55].

Таким образом, идея участия человека в формировании органов власти изначально возникла как привилегия, то есть как исключительное право тех,

⁵ Волны и откаты демократизации // URL: https://sitekid-ru.turbopages.org/sitekid.ru/s/obcshestvoznanie/politika/volny_i_otkaty_demokratizacii.html (дата обращения: 29.05.2021).

кто обладал свободой и собственностью. Именно поэтому на протяжении долгих веков борьба за участие в избирательном процессе шла «рука об руку» с борьбой за свободу и социальное равенство. В идеализированных мечтах наиболее прогрессивных мыслителей прошлого к праву граждан на выборы примешивались еще и высокие этические идеи «служения государству» (Солон) или осмысленного, разумного отношения к переустройству общества (формированию органов власти).

Эффективность избирательных систем с обязательным участием граждан в избирательном процессе

Первопроходцем в реализации идеи обязательного голосования является Королевство Бельгия, которое впервые распространило его на всех мужчин в целях борьбы с электоральной пассивностью еще в 1892 году. В XX столетии аналогичным образом поступили и некоторые другие государства. Среди них Аргентинская Республика (с 1914 г.) и Австралийский Союз (с 1924 г.). Избирательная система Республики Сингапур предусматривает обязательное голосование для граждан с 1959 года. Вводили обязательное голосование, но затем отменили его Нидерланды, Испания и Филиппины.

К настоящему времени выявить количество государств, применяющих на практике процедуру обязательного голосования, задача трудновыполнимая. Например, в Бельгии, Боливии, Египте, Греции, Мексике, Турции и ряде других государств, законодательство которых предусматривает обязательное участие в выборах и ответственность за уклонение от него, на практике эти нормы не реализуются [7, с. 143–150]. В то же время в Аргентине, Австралии, Бразилии, Сингапуре и Перу принцип обязательного участия граждан в голосовании выполняется последовательно [8, с. 56–60].

В Австралии обязательное голосование практиковалось с 1915 года, но только в случаях проведения референдумов. Поводом для введения обязательного голосования для всей избирательной системы послужила низкая явка избирателей на федеральных выборах 1922 года, когда на участки пришло лишь 60 процентов граждан, обладающих активным избирательным правом [9, с. 34].

Интересно, что в 2015 году действующий на тот момент президент США Б. Обама (представляющий, заметим, Демократическую партию) предложил ввести обязательное голосование. Аргументировал он свою позицию тем, что такие выборы стали бы «лучшим противовесом деньгам», то есть тем огромным финансовым средствам, которые государство, политические партии и другие акторы вкладывают в проведение выборов⁶.

⁶ Барак Обама предположил, что обязательное голосование может преобразить американскую политику // URL: <https://www.newsru.com/world/19mar2015/mandatory.html> (дата обращения: 19.05.2021).

Сравнительная характеристика эффективности избирательных систем со свободным и обязательным голосованием

В большинстве современных государств возможность участия граждан в формировании органов власти воспринимается именно как право, а не обязанность. Активное избирательное право предоставляется гражданам, как правило, с 18 лет, а типичными случаями лишения этого права являются осуждение за совершение преступления или недееспособность лица.

Способы повышения явки избирателей в странах с добровольным участием в выборах весьма разнообразны. Многие из них связаны, в частности, с разработкой новых форм голосования: по доверенности, по почте, телефону или посредством Интернета. Подобные меры во многих случаях дают положительный эффект. Так, явка на выборы президента Франции в 2017 году составила 74,62 процента⁷, на досрочные парламентские выборы в Великобритании в 2019 года — 67,2 процента⁸. На выборах в Бундестаг в Германии в 2017 году она превысила 76,2 процента⁹. Но, несмотря на то, что приведенные показатели признаются достаточно высокими, явка в странах, практикующих обязательное голосование, достигает больших величин.

В последних свои способы борьбы за избирателя. Здесь предусматриваются три вида ответственности за уклонение от голосования: конституционная, административная и уголовная. Первые два вида находят отражение в законодательстве некоторых государств Европы и Латинской Америки. Например, в Бельгии лицу, первый раз не явившемуся на выборы без уважительной причины, выписывается штраф от 27,5 до 50 евро. Повторное нарушение сулит увеличением штрафа от 55 до 137,5 евро. В четвертом случае санкцией предусмотрено лишение избирательных прав на 10 лет, а также запрет на получение должности на государственной службе. Однако, если лицо пропустило выборы по уважительной причине, его поступок не считается административным правонарушением [7, с. 143].

В Бразилии и Аргентине граждане также платят штраф и одновременно теряют возможность получить работу в государственных структурах на срок до трех лет. В Перу законодательством предусмотрен штраф в размере 60 долларов США для граждан от 18 до 70 лет, внесенных в избирательные списки, но не участвующих в голосовании [10, с. 295].

Уголовная ответственность за пропуск выборов прописана в законодательстве Турции и Пакистана (до пяти лет каторжных работ).

⁷ После выборов во Франции Макрона склоняют к «сожигательству», а Ле Пен — к нормальности // URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/05/08/689056-posle-viborov> (дата обращения: 10.05.2021).

⁸ В Великобритании явка на парламентских выборах составила 67,2% // URL: <https://ria.ru/20191213/1562359106.html> (дата обращения: 21.05.2021).

⁹ Итоговая явка на выборах в Германии составила 76,2% // URL: <https://ria.ru/20170925/1505460409.html> (дата обращения: 15.04.2021).

Законодательно предусмотренные меры ответственности за уклонение от участия в выборах, действительно, стимулируют электоральную активность избирателей. Так, в Австралии явка граждан на парламентские выборы в 2016 году составила 90,98 процента. В Турции на муниципальных выборах 2019 года этот показатель достиг 83 процентов. В Бельгии на выборы депутатов Европейского парламента явилось 88,47 процента зарегистрированных избирателей¹⁰.

Приведенные данные, безусловно, могут служить убедительным доказательством эффективности избирательных систем тех государств, в которых предусмотрено обязательное участие граждан в выборах¹¹. Такие страны проблеме повышения явки избирателей решают с помощью так называемого метода «кнута». И он работает. Общим для этих государств является то, что граждане, имеющие активное избирательное право, обязаны пройти регистрацию по избирательным спискам и в день выборов явиться на избирательный участок для голосования. Основными мерами юридической ответственности за уклонение от участия в выборах являются штрафы, запрет занимать должности на государственной службе, а в ряде случаев — и тюремное заключение. Форма и размер ответственности варьируются в зависимости от количества совершенных правонарушений.

Среди прочего сказанное означает, что на сегодняшний день еще не выработан метод, который мог бы гарантированно обеспечить в государствах с добровольным голосованием более высокий процент явки избирателей на избирательные участки, чем в государствах с обязательным голосованием.

Перспективы внедрения в России обязательного голосования на выборах

В последние годы в условиях в целом невысокой явки россиян на избирательные участки все чаще стали высказываться предложения о том, чтобы трансформировать право избирать в конституционную обязанность граждан. А.Ю. Соловьев предлагает перенять опыт других стран и применять юридическую ответственность к тем лицам, которые игнорируют выборы любого уровня. Исследователь полагает, что демократия и закрепление обязанности голосовать не противоречат друг другу. «Там, где государство желает действительно выявить волю народа по отношению к выборам власти в стране, — пишет автор, — оно обязует всех участвовать в выборах под угрозой применения государственных мер принуждения, другие государства не считают мнение народа важным фактором, что не мешает им

¹⁰ Явка на выборах в Европарламент установила 25-летний рекорд // URL: <https://www.eurointegration.com.ua/rus/news/2019/05/27/7096636/> (дата обращения: 17.05.2021).

¹¹ Гражданские права // URL: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru/topics/civic-engagement-ru/> (дата обращения: 14.05.2021).

говорить о народной власти в стране» [11, с. 101]. Согласно данной точке зрения, только в случае введения всеобщей обязательности участия всего населения в выборах можно говорить о реальной демократии и легитимности государственной власти.

Уполномоченный по правам человека при Президенте Российской Федерации Т.Н. Москалькова предложила ввести в паспорт гражданина России специальный раздел, посвященный участию в выборах. По ее мнению, это поможет бороться с так называемыми «каруселями» на выборах¹². Идею назвали неплохой, но в то же время неспособной дать больших гарантий высокой явки избирателей и предотвратить множественное голосование. Ранее депутаты от партии «Справедливая Россия» пытались законодательно установить штраф в три тысячи рублей за неучастие в выборах¹³. Однако, надо понимать, что подобные предложения в условиях добровольного голосования — прямое нарушение Конституции страны.

В данном случае уместно упомянуть Определение Конституционного суда Российской Федерации от 20 ноября 1995 г. № 77-О, в котором сказано, что выбор того или иного варианта избирательной системы и его закрепление в избирательном законе зависит от конкретных социально-политических условий и является вопросом политической целесообразности¹⁴.

Глава ЦИК России Э.А. Памфилова в 2016 году озвучила идею проведения референдума, на котором будет поставлен вопрос о необходимости введения обязательного голосования на выборах. Свою точку зрения на решение проблемы неявки избирателей на избирательные участки она также обусловила расходом огромных бюджетных средств на организацию выборов в ситуации преимущественного игнорирования выборов со стороны населения: участие в выборах — «одна из важнейших конституционных обязанностей людей. Не из-под палки, но из чувства ответственности. Я надеюсь, — сказала Председатель ЦИК, — что мы идем к этому, зреем»¹⁵.

Несомненно, глава ЦИК России права. Организация выборов — это не только большие финансовые траты, но и труд людей, которые отдают много сил и времени на проведение избирательных кампаний. Однако, мировоззрение и уровень гражданской ответственности у всех граждан

¹² Мисливская Г. Москалькова предложила ставить в паспорта отметки о голосовании // Российская газета. 2017. 24 окт.

¹³ Станут ли выборы обязанностью, а не правом? Зарубежный опыт // URL: <https://news.rambler.ru/politics/35535924-stanut-li-vybory-obyazannostyu-a-ne-pravom-zarubezhnyy-opyt/> (дата обращения: 08.05.2021).

¹⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению запроса группы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания и запроса Верховного Суда Российской Федерации о проверке конституционности ряда положений Федерального закона от 21 июня 1995 г. «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»: Определение Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2015 г. № 77-О // Российская газета. 1995. 6 дек.

¹⁵ Памфилова поддержала идею референдума об обязательном голосовании на выборах // URL: <https://www.newsru.com/russia/12sep2016/pozdniakov.html#> (дата обращения: 05.05.2021).

разные: один человек считает участие в выборах своей обязанностью, своим гражданским долгом; другой уверен, что итоги выборов predeterminedены и его голос ничего не значит; а по мнению третьего, суть его волеизъявления заключается именно в том, что он сам решает, идти ему голосовать или нет. В литературе высказывается мнение о том, что «действующее законодательство гарантирует свободу волеизъявления избирателя в части принятия решения об участии либо неучастии в выборах, но не в части свободы сделанного им политического выбора» [12, с. 96]. Конституция Российской Федерации однозначно называет рассматриваемый процесс правом. И у значительной части населения нет ни малейшего желания размышлять о том, какой именно смысл вкладывал законодатель в данный постулат.

«Может быть, самая большая преграда, самое большое препятствие у нас, — рассуждает Э.А. Памфилова, — это мы сами, наша лень, наша пассивность и наше желание скинуть с себя ответственность, переложить ее на других и потом же брюзжать и ворчать, что кто-то другой виноват. ...Надо научиться быть гражданином. А быть гражданином — это большой труд»¹⁶.

* * *

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2016 году проводил опрос с целью выявления отношения граждан к введению обязательного голосования на выборах. Идея не нашла поддержки у россиян; против нее высказались 63 процента опрошенных. В свою очередь, те, кто поддержал идею (34%), приводили следующие аргументы: голосовать — это гражданский долг каждого, так как люди должны нести ответственность за будущее своей страны (51%); обязательное голосование исключит возможность фальсификации результатов выборов (16%); этот способ повысит эффективность и прозрачность выборов (14%)¹⁷. Характерно, что среди тех, кто высказался за обязательное голосование, 40 процентов — женщины, 39 процентов — люди 60 лет и старше, 40 процентов — жители сел; а среди тех, кто был против: 69 процентов — мужчины, 68 процентов — люди среднего возраста, 72 процента — москвичи и петербуржцы¹⁸.

Нами было проведено мини-исследование с целью выявления мнения жителей г. Липецка относительно возможности введения обязательного голосования. В опросе приняли участие 332 гражданина (жителей Липецка и Липецкой области), среди которых 64,2 процента составляли лица женского пола и 35,8 процента — мужского. Все опрошенные были разделены на 4 группы по возрасту: первая — 18–35 лет; вторая — 36–50; третья — 51–65;

¹⁶ Там же.

¹⁷ Граждане РФ не поддерживают обязательное голосование на выборах: опрос // URL: <https://regnum.ru/news/polit/2200009.html> (дата обращения: 11.04.2021).

¹⁸ Там же.

четвертая — 66 и более (рис. 1). Основную массу реципиентов составила молодежь в возрасте 18–35 лет.

Участникам исследования были заданы 4 вопроса. На первый из них «Ходите ли Вы голосовать, когда проводятся выборы или референдум?» положительно ответили 50 процентов респондентов; 15 процентов опрошенных признались, что игнорируют выборы; 35 процентов, — что посещают избирательные участки время от времени. Здесь можно предположить, что некоторым из респондентов 18 лет исполнилось недавно, и у них еще не было возможности выразить свою волю как избирателя.

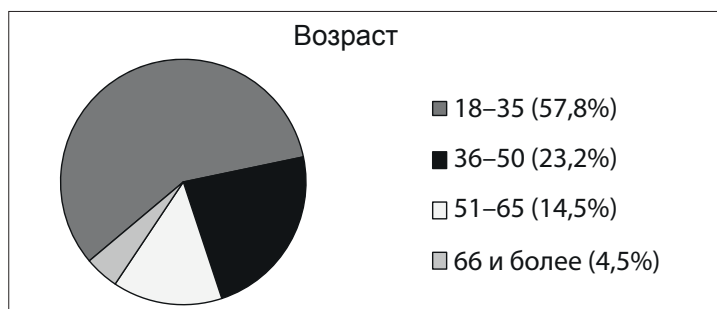

Рисунок 1. Возрастной состав опрошенных

Более 66 процентов участников опроса дали положительный ответ на вопрос «Считаете ли вы, что участвовать в выборах и голосовать — ваш гражданский долг?».

Интересным оказалась реакция на третий вопрос, состоявший в выявлении мнения о том, надо ли в России вводить обязательное голосование. Выяснилось, что процент тех, кто отрицательно относится к этой идее, превышает положительные ответы почти наполовину: 61,7 процента против 38,2 процента (рис. 2). При этом молодежь в возрасте от 18 до 35 лет в большинстве своем высказалась против введения обязательного голосования на выборах.

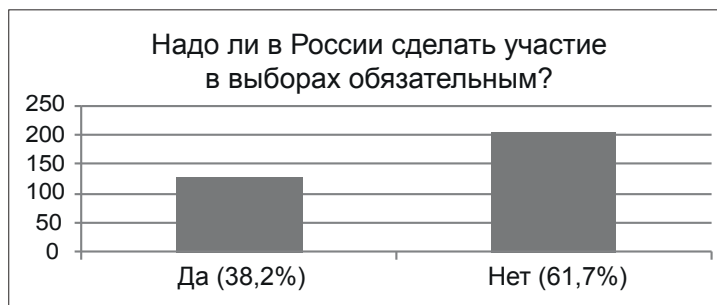

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос о необходимости введения в Российской Федерации обязательного голосования на выборах

Представим аргументы респондентов, которые дали *отрицательный ответ* на поставленный вопрос. Их комментарии были следующими:

- у людей в данный момент есть право выбора, которое закреплено в статье 32 Конституции;
- это может послужить формированию негативного отношения к избирательной системе и привести к порче бюллетеней;
- обязательное голосование не значит качественное, следовательно, люди будут приходить на выборы и отдавать свой голос не глядя на кандидата и на его предвыборные обещания;
- не все желают участвовать в жизни страны; голосованием «из-под палки» можно только усугубить и без того непростую ситуацию;
- человек устроен так, что если его заставляют что-то делать, он найдет миллион способов, чтобы этого не делать.

Были среди опрошенных и те, кто, судя по ответам, не верит в эффективность системы голосования и поэтому не видит смысла принимать участие в выборах. Молодежь, которая проголосовала за *введение обязательного голосования* на выборах, исходила из того, что: таким образом могут быть получены наиболее объективные результаты; сложнее будет фальсифицировать итоги выборов, так как явка избирателей приблизится к 100 процентов; только таким способом можно заставить людей участвовать в политической жизни страны.

Характерно, что среди граждан старших возрастных категорий почти во всех случаях отношение к введению обязательного голосования было положительным. Люди старшего возраста полагали, что введение обязательного голосования, во-первых, сделает власть легитимной, а, во-вторых, даст возможность изменить ситуацию в стране в лучшую сторону.

Отметим, что во всех категориях были единичные ответы, свидетельствующие о том, что опрошенные не понимали, как демократия может ужиться с обязательным голосованием.

Последний вопрос анкетирования был составлен так, чтобы выяснить, какие нужны изменения в нашей избирательной системе для повышения интереса граждан к участию в выборах? При ответах на этот вопрос три человека высказались за введение электронного голосования, которое позволит голосовать из любой точки страны и независимо от того, работает человек или отдыхает. Более 50 процентов опрошенных одной из причин отказа людей ходить на выборы считают фальсификацию их результатов. Среди проблем, которые надлежит решить, также были названы: необходимость больше знать о кандидатах; изменить систему власти и, как следствие, полностью поменять избирательную систему; необходимость с детства прививать гражданам убеждение в том, что выборы — важнейшая форма влияния народа на власть. Респонденты высказывались также за рас-

ширение возможностей конкурентоспособности кандидатов, повышение качества информированности, ограничение числа выдвижений одного и того же кандидата.

Подводя итоги опроса, можно заключить, что в большинстве своем граждане осознанно подходят к своему участию в голосовании. Идея введения обязательного голосования как способа повысить явку избирателей очень сомнительна, так как значительная часть населения правильно оценивает роль выборов в политической жизни страны. В этом случае необходимо главное — люди с детства должны быть приучены к мысли о важности каждого голоса при выборах власти.

Заключение

В большинстве стран мира (например, во Франции, Великобритании и Северной Ирландии, ФРГ и др.) возможность участия населения в формировании органов власти преподносится как право, а не обязанность. К государствам, практикующим принудительное голосование, далеко не всегда относятся те, в которых установлены авторитарные режимы или отмечается низкий уровень политического сознания. Как уже было сказано, обязанность участия в выборах действует, как правило, в развитых демократических странах и направлена непосредственно на противодействие абсентеизму. Законодательно предусмотренные меры ответственности за уклонение от участия в выборах, действительно, стимулируют гражданскую активность населения и обеспечивают высокий уровень явки избирателей на избирательные участки.

В числе положительных аспектов обязательного участия в выборах можно выделить:

- а) более высокий уровень легитимности выборной власти и принимаемых ею решений;
- б) отсутствие необходимости тратить многомиллионные средства на агитацию и привлечение населения к участию в выборах;
- в) устранение опасности неправомерного использования «невостребованных» листов для голосования; высокий уровень «прозрачности» выборов;
- г) ликвидацию возможности «нерезультативных» выборов;
- д) восприятие «протестного» голосования и выбора пункта «против всех» как сигнала властям о социальном неблагополучии, о необходимости более тесного взаимодействия с населением в интересах решения имеющихся проблем;
- е) наконец, реализацию лозунга «демократия — это власть народа», в соответствии с которым именно народ (пусть и принудительно) выбирает своих представителей.

Отрицательные стороны обязательного голосования можно усмотреть, прежде всего, в том, что принуждение к участию в выборах не согласуется с истинными демократическими правами и свободами, в том числе — с постулатами Всеобщей декларации прав человека, которая предполагает, что участие в выборах является правом граждан; обязанность участвовать в выборах может привести к увеличению количества испорченных и пустых бюллетеней, голосованию «против всех», «случайных голосов», так как гражданам будет важно лишь прийти на участок, а не принять взвешенное решение о том, за кого отдать голос. К негативным сторонам этого способа организации выборов можно отнести также увеличение расходов государства на контроль за его исполнением и на привлечение нарушителей к юридической ответственности.

Таким образом, по мере роста абсентеизма государства, стремясь обеспечить необходимый уровень явки избирателей, могут прибегать и к столь радикальным методам, как введение принудительного голосования. Однако этот способ решения проблемы следует рассматривать именно как крайнюю меру, ведь граждан можно не только обязать, но и стимулировать к участию в выборах позитивными санкциями. По нашему мнению, завоеванное веками право голосовать следует рассматривать не только как привилегию, но и как гражданский долг, обеспечивающий участие граждан в общественно-политической жизни государства.

Список литературы

1. Сунгуров А.Ю., Карягин М.Е. Российское экспертное сообщество и власть: основные формы взаимодействия // Полис. Политические исследования. 2017. № 3.
2. Соловьев А.С. Социально-политические причины реформ Солона // Гуманитарный научный вестник. 2017. № 10.
3. Суриков И.Е. Солнце Эллады: История афинской демократии. СПб.: СПбГУ, 2008.
4. Никишин В.О. История Древнего мира. Древняя Греция. М., 2020.
5. Авакьян С.А., Додонов В.Н., Жуковская Н.Ю. Всеобщее избирательное право // Российская юридическая энциклопедия / Гл. ред. А.Я. Сухарев. М.: Инфра-М, 1999.
6. Минникес И.В. История выборов в России: проблемы периодизации // Избирательное законодательство и практика. 2016. № 3.
7. Алехина И.С. Особенности реализации принципа всеобщности избирательного права и обеспечение массовости политического участия граждан: зарубежный опыт // Управленческое консультирование. 2015. № 10.
8. Слободчикова С.Н. Реализация принципа свободных выборов в России и в мире: сравнительно-правовой анализ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 3.

9. Современные избирательные системы. Вып. 4: Австралия, Венесуэла, Дания, Сербия / Чурсина Т.И., Орлов А.Г. и др.; науч. ред. А.В. Иванченко, В.И. Лафитский. М.: РЦОИТ, 2009.
10. Современные избирательные системы. Вып. 10: Италия, Малайзия, Перу, Сирия / Т.О. Кузнецова, Л.М. Ефимова, А.Г. Орлов, М.А. Сапронова; науч. ред. А.В. Иванченко, В.И. Лафитский. М.: РЦОИТ, 2015.
11. Соловьев А.Ю. Участие в выборах — право или обязанность: история и современность // Современные проблемы права, экономики и управления. 2016. № 1 (2).
12. Сидорук Т.Н., Желтиков Н.В., Борминцева А.С. Принцип независимости выборов и формы внутреннего и внешнего вмешательства в избирательный процесс в России и за рубежом // Сборник конкурсных работ. М.: РЦОИТ, 2019.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ OUR AUTHORS

АРИНИН Александр Николаевич, доктор политических наук, академик РАЕН; ARININ Aleksandr Nikolaevich, Doctor of Political Sciences, Member of the Russian Academy of Natural Sciences; arinin55@mail.ru

БОРИСОВ Игорь Борисович, кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации; BORISOV Igor Borisovich, Candidate of Law, Member of Central Election Commission of the Russian Federation; borisov@roiip.ru

ВЕДЕНЕЕВ Юрий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА); VEDENEEV Yuri Alekseevich, Doctor of Law, Professor of the Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); yuravedeneev@yandex.ru

ГАДЖИЕВ Шахбан Рамидинович, курсант прокурорско-следственного факультета ФГКВОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации; GADZHIEV Shahban Ramidinovich, Cadet, Faculty of Prosecution and Investigation, «Military University» of the Ministry of Defense of the Russian Federation; shaga.gadzhiiev@gmail.com

ГАТИЛОВА Марья Михайловна, студентка юридического факультета ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»; GATILOVA Marya Mikhailovna, Student, Faculty of Law, Southern Federal University; mamiga01@mail.ru

ДАНИЛИН Павел Викторович, политолог, руководитель Центра политического анализа; DANILIN Pavel Viktorovich, Political Scientist, Director of the Center for Political Analysis; danilinp@mail.ru

ДАНИЛОВ Вячеслав Николаевич, политолог, кандидат философских наук, доцент кафедры философской антропологии Философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; DANILOV Vyacheslav Nikolaevich, Political Scientist, Candidate in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophical Anthropology of the Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; ivangog@mail.ru

ДЖАНКЕЗОВ Батыр Махарович, заместитель заведующего кафедрой государственно-правовых дисциплин Карачаево-Черкесского филиала Московского финансово-промышленного университета «Синергия»; DZHANKEZOV Batur Maharovich, Deputy Head of the Department of State and Law Disciplines of the Karachay-Cherkessia branch, Moscow University for industry and finance «Synergy»; bmd_09@mail.ru

ЖУКОВСКАЯ Наталия Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского; ZHUKOVSKAYA Natalia Yurievna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of State and Law Disciplines, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky; lgpu322@gmail.com

КРУЖИЛИН Николай Павлович, курсант прокурорско-следственного факультета ФГКВОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации; KRUZHILIN Nikolay Pavlovich, Cadet, Faculty of Prosecution and Investigation, «Military University» of the Ministry of Defense of the Russian Federation; nikolaipvl@icloud.com

ЛЫСОВА Яна Владимировна, студентка юридического факультета ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»; LYSOVA Yana Vladimirovna, Student, Faculty of Law, Southern Federal University; yanaklass.lisova@yandex.ru

НОВИКОВ Павел Андреевич, курсант прокурорско-следственного факультета ФГКВОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации; NOVIKOV Pavel Andreevich, Cadet, Faculty of Prosecution and Investigation, «Military University» of the Ministry of Defense of the Russian Federation; mbiang@mail.ru

САЛАМАТОВА Марина Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Новосибирского государственного университета экономики и управления — «НИНХ»; Salamatova Marina Sergeevna, Candidate of Historical Sciences, Associate professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Novosibirsk State University of Economics and Management; salamatova.m@mail.ru

СЕРОВА Татьяна Юрьевна, студентка Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского; SEROVA Tatiana Yurievna, Student, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky; sdfgty76u622@yandex.ru

ТОЛСТОЛУЦКАЯ Виктория Сергеевна, курсант факультета правоохранительной деятельности Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина; TOLSTOLUTSKAYA Victoria Sergeevna, Cadet of the Faculty of Law Enforcement, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin; v.tolstolutsкая@bk.ru

ТУМАНЯН Гарник Вагинакович, магистрант Национального исследовательского Томского государственного университета, заместитель председателя Молодежной избирательной комиссии Томской области; TUMANYAN Garnik Vaginakovich, Master, National Research Tomsk State University,

Deputy Chairman of the Youth Election Commission of the Tomsk Region;
tumangar@mail.ru

ТЮМНЕВА Мария Андреевна, студентка Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского; TYUMNEVA Maria Andreevna, Student, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky; marmary909@gmail.com

ХОРУНЖИЙ Сергей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Воронежского государственного университета, доцент кафедры РАНХиГС (Воронежский филиал), секретарь Избирательной комиссии Воронежской области; KHORUNZHIY Sergey Nikolaevich, Candidate of Law, Associate Professor of Constitutional Law and Municipal Law of Voronezh State University, Associate Professor of the Department Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (branch) RANERA, Executive Secretary Election Commission of Voronezh Region; snhor@mail.ru

ЮСУБОВ Эльман Сулейманович, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, советник Председателя Центральной избирательной комиссии Российской Федерации; YUSUBOV El'man Suleimanovich, Candidate of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Advisor to the Central Election Commission of the Russian Federation; elman1958@yandex.ru

Правила направления, рецензирования и опубликования статей

Направляемые для публикации в журнале «Гражданин. Выборы. Власть» статьи должны соответствовать следующим требованиям.

Тема и содержание статьи должны соответствовать профилю, научному уровню и тематическим направлениям журнала, обладать научной новизной и представлять интерес для специалистов. Специфика издания — освещение наиболее важных аспектов избирательного процесса, современных достижений юридической и политической науки.

Статьи, ранее опубликованные или переданные в другие издания, в журнале не публикуются.

Объем статьи должен составлять не менее 0,5 авторского листа (20 тыс. знаков), для раздела «Рецензии» — 0,25 авторского листа (10 тыс. знаков). Материалы, объем которых превышает 1 авторский лист (40 тыс. знаков), рассматриваются Редколлегией только в порядке исключения. При этом оптимальным вариантом, которому отдается предпочтение, является статья с отклонениями от указанного максимального объема не более 5 тысяч знаков.

Название статьи должно соответствовать ее содержанию. Название печатается заглавными буквами на русском и английском языках, и не должно превышать трех строк.

Статья должна быть подготовлена в текстовом редакторе Microsoft Word for Windows (версии 6.0 и выше, в формате *.doc) с использованием стандартного шрифта Times New Roman размером № 14 через полтора межстрочных (компьютерных) интервала на русском языке для основного текста.

Все фактические данные, а также цитаты, приводимые в статье, должны иметь точные и исчерпывающие ссылки на источник. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных и иных сведений, за правомерность и корректность заимствований из других источников, а также за использование информации, не предназначенной для открытой печати, в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Сноски на литературу размещаются по тексту статьи в ручных квадратных скобках: [1], [2], [3] и т.д.... Номер страницы цитируемого источника или их интервал указываются через запятую при необходимости [1, с. 15]; [1, с. 15–20] ... Библиографическое описание цитируемой литературы размещается в разделе «Литература» в конце текста статьи в порядке ее упоминания в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008, с нумерацией без квадратных скобок: 1,2,3 и т.д.... В раздел «Литература» включаются только те публикации (монографии, научные статьи и т.д.), на которые есть ссылки в тексте статьи. Авторам рекомендуется избегать цитирования учебных изданий. Ссылки на нормативные правовые акты, статистические данные и результаты опросов приводятся в подстрочнике (в случае необходимости) или в тексте статьи. В разделе «Литература» указанные источники не упоминаются. Авторские пояснения приводятся в подстрочнике или в тексте статьи. Текст направляемого материала должен соответствовать стилистическим, орфографическим, синтаксическим и другим нормам русского языка. Сокращения слов не допускаются. Цитаты, приводимые в статье, должны быть тщательно выверены и подтверждены ссылками.

Особые требования предъявляются к иллюстративному материалу. Таблицы должны быть пронумерованы, озаглавлены и иметь сноску на источник, а рисунки, кроме этого, подписаны. Весь графический материал должен быть выполнен в черно-белом цвете, интегрирован в файл формата *.doc и представлен в виде, доступном для редактирования, а также иметь отсылки в тексте. Если диаграмма недоступна для редактирования, то необходимо сопроводить ее таблицей данных. Графический материал должен сопровождаться надписями на русском языке. Авторам рекомендуется избегать интеграции в текст статьи большого количества таблиц, рисунков и диаграмм.

Согласно требованиям ВАК России, к статье обязательно прилагаются: аннотация (не более 5 предложений на русском и английском языках), список ключевых слов (5–8 на русском и английском языках), сведения об авторе (фамилия, имя, отчество полностью, официальное место работы, занимаемая должность, ученая степень, звание (аббревиатуры расшифровывать), адрес места работы (или домашний адрес) с указанием почтового индекса, телефон и адрес электронной почты). Сведения об авторе предоставляются на русском и английском языках.

Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты приводятся в сноске на первой странице. Авторские комментарии и примечания возможны как в тексте статьи, так и в подстрочных сносках.

Невыполнение любого из указанных требований является поводом для отказа в приеме материала.

Принятие статьи к рассмотрению не означает гарантии ее публикации.

Все статьи, поступившие в редакцию и отвечающие настоящим требованиям, рецензируются. Редакция журнала направляет копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию журнала соответствующего запроса. Редакция оставляет за собой право редактировать текст публикации (изменять название, сокращать объем, представлять числовые данные в графической форме и пр.).

Перепечатка материалов допускается только при наличии ссылки на журнал «Гражданин. Выборы. Власть».

Электронный вариант статьи необходимо направлять посредством электронной формы отправки статей на странице издания в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» или по электронному адресу gvv@tcoit.ru с пометкой «статья в журнал».

Направление автором текста статьи в редакцию означает его добровольное согласие и безвозмездное предоставление редакции права на использование его произведения и любой его части в печатной и электронных версиях (в том числе, включение в различные базы данных, информационные системы и системы научного цитирования), а также согласие на обработку персональных данных автора и прочие работы с привлечением третьих лиц в целях популяризации произведения. Редакция рассматривает факт получения статьи как передачу авторами исключительных прав на их использование в соответствии указанными выше условиями.

Плата за публикацию с авторов не взимается, гонорары не выплачиваются.

Журнал распространяется по подписке и по списку рассылки.

Журнал выходит раз в три месяца.

**ГРАЖДАНИН
ВЫБОРЫ
ВЛАСТЬ**

**НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

**№ 3(21)
2021**

ИЮЛЬ–СЕНТЯБРЬ

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-66246 от 1 июля 2016 года

Подписано в печать 17.08.2021.

Формат 70x100 1/16.

Печать офсетная.

Печ. л. 13.

Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Тамбовский полиграфический союз»
392000, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14А.
Тел. 8 (4752) 53-26-27, E-mail: info@tps68.ru, www.tps68.ru